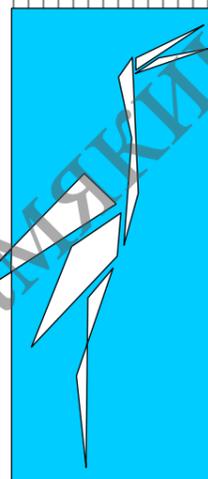

Індэкс: для індывідуальных падпісчыкаў – 00829
для арганізацый – 008292

ВЕСНІК

**Мазырскага
дзяржаўнага
педагагічнага
ўніверсітэта
імя І. П. Шамякіна**

2012 3⁽³⁶⁾

ISSN 2218-0362. Веснік Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта імя І. П. Шамякіна. 2012. № 3(36). С. 1–149.

ISSN 2218-0362

9 772218 036003

Галоўны рэдактар
д. біял. н. В. В. Валетаў

Рэдакцыйная калегія:
намеснік галоўнага рэдактара, к. пед. н. І. М. Кралевіч,
адказны сакратар, к. ф.-м. н. Э. Я. Грачаннікаў,
к. пед. н. В. С. Болбас, к. пед. н. М. В. Емяльянава, д. пед. н. Н. У. Зайцава,
д. філал. н. У. І. Коваль, д. ф.-м. н. Г. У. Кулак, д. пед. н. Н. А. Масюкова,
д. біял. н. В. І. Парфёнаў, д. пед. н. В. Ф. Русецкі, д. т. н. У. С. Савенка,
к. філал. н. А. У. Сузько, д. с.-г. н. У. У. Усеня,
д. ф.-м. н. В. В. Шапялевіч, д. філал. н. В. В. Шур

Заснавальнік
Установа адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»

Зарэгістраваны ў Міністэрстве інфармацыі
Рэспублікі Беларусь,
пасведчанне № 1233 ад 8 лютага 2010 г.

Адрас рэдакцыі:
вул. Студэнцкая, 28,
247760, Мазыр, Гомельская вобл.
Тэл.: +375 (236) 32-46-29

Падпісана да друку 20.09.2012. Фармат 60 x 90 1/8. Папера афсетная.
Гарнітура Times New Roman. Рызаграфія. Ум. друк. арк. 18,75.
Тыраж 105 экз. Заказ № 29.

Карэктары: Л. М. Бажэнка, Л. В. Жураўская, М. М. Макарэвіч, А. М. Мельчанка,
А. Э. Крычун, Т. М. Панамарэнка
Камп'ютарная вёрстка А. Л. Шчака
Тэхнічны рэдактар Н. У. Ропат

Надрукавана на тэхніцы рэдакцыйна-выдавецкага аддзела
ўстановы адукацыі
«Мазырскі дзяржаўны педагагічны ўніверсітэт імя І. П. Шамякіна»
ЛВ № 02330/0549479 ад 14 мая 2009 г.
Вул. Студэнцкая, 28, п. 114, 247760, Мазыр, Гомельская вобл.
Тэл.: +375 (236) 32-46-29

Меркаванні, выказаныя аўтарамі,
могуць не супадаць з пунктам погляду рэдакцыі

ВЕСНІК

Мазырскага дзяржаўнага педагагічнага ўніверсітэта
імя І. П. Шамякіна

Навуковы часопіс
Выдаецца з сакавіка 1999 года
Выходзіць 4 разы на год

№ 3(36)

2012

З М Е С Т

БІЯЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

<i>Белый П. Н.</i> Хорологические особенности лишенофлоры еловых лесов Беларуси: широтное распределение лишайников.....	3
<i>Валетов В. В., Гуминская Е. Ю., Гайдученко Е. С.</i> Видовое разнообразие млекопитающих в условиях Мозырского Полесья	11
<i>Копытков В. В., Охлопкова Н. П., Каверин В. С., Боровков А. В., Таурбергенюв Ю. А., Сейлгазина С. М.</i> Научные основы применения композиционных полимерных препаратов при лесовыращивании	18
<i>Кудрицкая А. П., Лебедев Н. А.</i> Видовое разнообразие ихтиофауны малых рек Ельского района	26
<i>Назарчук О. А.</i> Изменчивость линейных размеров и формы яиц птиц подсемейства Sterninae.....	33
<i>Позняк С. С., Шиманская А. А.</i> Оценка содержания тяжелых металлов в торфяной низинной почве Мозырского Полесья.....	37
<i>Позывайло О. П., Котович И. В., Разумовский Н. П., Соболева Ю. Г.</i> Особенности белкового обмена у коров-первотелок в различные периоды лактации в условиях промышленного производства молока.....	45

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

<i>Клинов В. В., Клинов М. В.</i> Теоретические основы формирования культуры досуга старшеклассников сельских школ	50
<i>Кошман М. Г., Старченко В. Н., Шатюк Т. Г.</i> Проектирование материально-технического компонента современной физкультурно-спортивной образовательной среды	57
<i>Лемешков В. С.</i> Спортивный результат как многофакторное явление в подготовке высококвалифицированных скороходов.....	62
<i>Парафиянович Т. А.</i> Теоретическая модель организации студенческого самоуправления в высшем колледже.....	68

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ	
<i>Барысенка В. Я., Жураўская Л. В.</i> Аказіяналізмы ў мове тэкстаў Ніны Мацяш	76
<i>Бочкар Т. П.</i> Лексічная варыянтнасць фразеалагізмаў як вынік рэалізацыі слоўных якасцей іх кампанентаў (на матэрыяле беларускай і англійскай моў)	81
<i>Глазко П. П.</i> Нарратывны компонент публіцыстычнага эсэ на англійскім і беларускім мовах	85
<i>Зезюлевіч А. В.</i> Функцыянаванне вечных сюжэтаў аб мастацтве ў рускай літаратуры рубяжа XIX–XX стагоддзяў	90
<i>Іоскевіч М. М.</i> «Інтэрпрэтацыйныя вузлы»: камунікатывная вось мастацтва	95
<i>Крохмальнік А. Ю.</i> Спосабы прадставлення візуальных і жэставых рэчэнняў у мастацкіх тэкстах	99
<i>Прахарэнка Л. В.</i> Семантычная варыянтнасць аўтарскіх метафар у перакладным тэксте (на матэрыяле рамана А. Пушкіна “Яўгеній Анегін”)	103
<i>Старовойт М. Г.</i> Асаблівасці функцыянавання слоў са значэннем неапрадэленага колькасці ў рэчы	107
<i>Чалова О. Н.</i> Роль катэгорыі вежлівасці ў камунікатывнай арганізацыі навуковага дыскурса	113
<i>Шульга Н. В.</i> Алгарытм пераводу рэдуплікатывных афармаванняў (на матэрыяле беларускага, рускага і англійскага моваў)	119
<i>Ядченко Е. И.</i> Знакавая рэалізацыя топіка-факуснай структуры ў дыскурсе мігранта	126
<i>Яўсеенка М. У.</i> Экспрэсіўнае вылучэнне членаў сказа ў творах дзіцячай мастацкай літаратуры (на прыкладзе тэкстаў П. Місько)	133
ПЕРСАНАЛІІ	138
БІБЛІЯГРАФІЯ	141
РЭЦЭНЗІЯ	142
ХРОНІКА	147

УДК 582.29(476)

**ХОРОЛОГИЧЕСКИЕ ОСОБЕННОСТИ ЛИХЕНОФЛОРЫ ЕЛОВЫХ ЛЕСОВ БЕЛАРУСИ:
ШИРОТНОЕ РАСПРЕДЕЛЕНИЕ ЛИШАЙНИКОВ****П. Н. Белый**

младший научный сотрудник

лаборатории экологической физиологии растений

ГНУ «Центральный ботанический сад НАН Беларуси»

В результате обобщения данных литературных источников и гербарных коллекций, а также материалов собственных исследований автора установлены особенности зонального распространения лишайников, произрастающих в еловых лесных сообществах Беларуси.

Введение

Изучение современного географического распространения растений и фитохорологических особенностей конкретных территорий представляет значительный интерес. Применительно к условиям Беларуси, по результатам обобщения накопленных материалов по хорологии и фитогеографическому изучению особенностей флоры сосудистых растений опубликована фундаментальная работа «Хорология флоры Беларуси» [1]. Рассмотрению особенностей распространения лишайников Беларуси посвящены работы В. В. Голубкова [2]–[5]. В [2], [3] автором проанализировано распространение на территории республики редких видов *Parmeliopsis hyperopta* (Ach.) Arnold. и *Ramalina thrausta* (Ach.) Nyl., установлена приуроченность центров массовости данных видов к области сплошного распространения ели обыкновенной. В [4] рассмотрены эколого-географические особенности редких лишайников *Hypotrachyna revoluta* (Flk.) Hale и *Punctelia subrudecta* Krog, указана их приуроченность в основном к югу республики. Кроме того, на основании многолетних исследований установлен зональный характер распространения видов, характеризующихся в обобщающих лихенофлористических сводках [6], [7] как повсеместно распространенные, а также разработана классификация хорологических групп видов, распространенных на территории республики. Наиболее представительные и раритетные лишайники оказались в группах северных и южных видов, представленных бореальным и неморальным географическими элементами, массовое распространение которых в Беларуси ограничено климатическими, фитоценотическими и иными условиями [5].

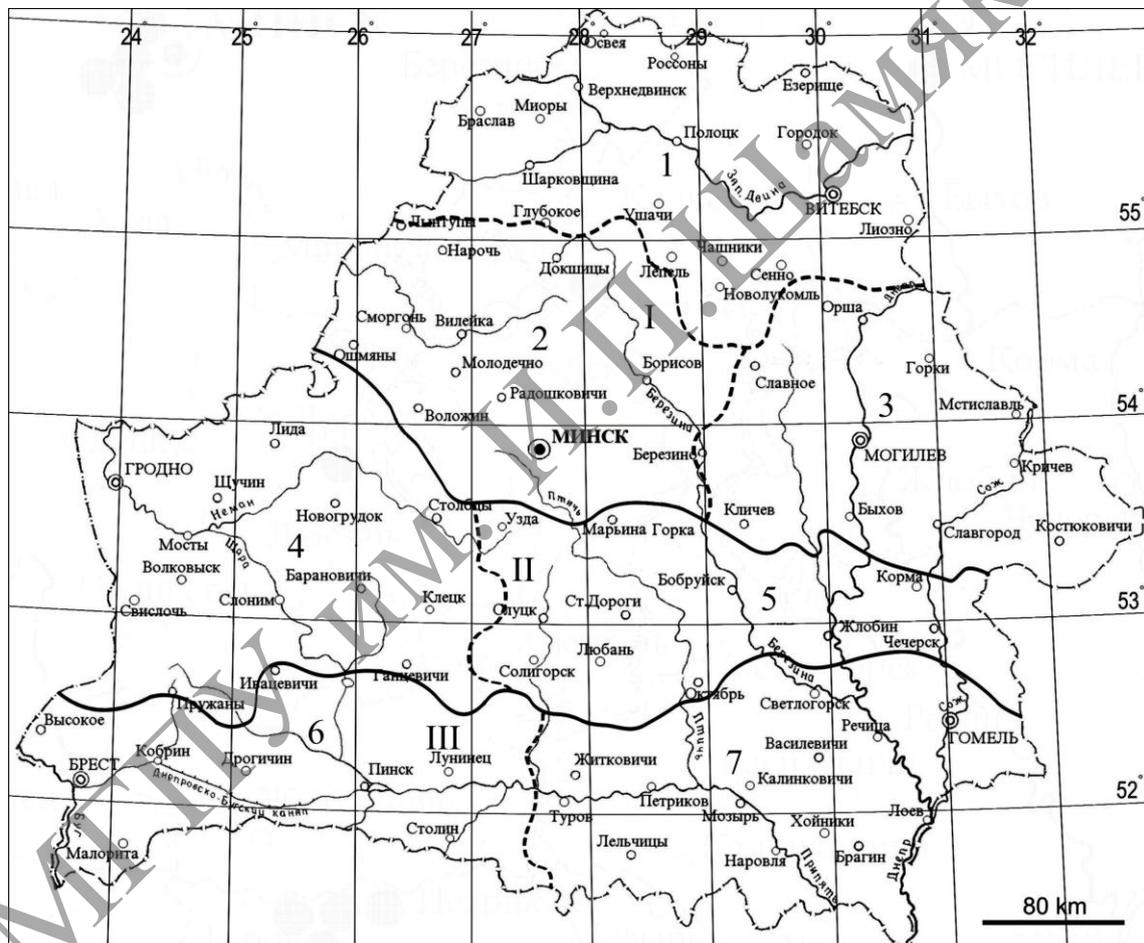
Особенности ботанико-географического положения территории Беларуси (ее размещение в переходной полосе от Евразийской хвойно-лесной (таежной) области к Европейской широколиственной) обуславливают преобладание в составе лихенобиоты бореальных и неморальных видов, составляющих ее ядро. Здесь сочетаются черты, с одной стороны бореальных, а с другой неморальных лихенофлор, которые зависят от фитоценотических особенностей и антропогенных факторов и поэтому по-разному проявляются в зависимости от географического положения геоботанических природных районов [3]. Вследствие этого выявление общих хорологических особенностей флоры лишайников еловых лесов Беларуси,

как одного из основных компонентов растительного покрова республики, представляется актуальным и заслуживает особого внимания.

Цель настоящей работы заключалась в выявлении особенностей широтного распределения видовой разнообразия лишайников еловых лесов Беларуси в зависимости от изменения лесорастительных и климатических условий.

Методы и объекты исследования. Для выявления особенностей широтного распределения видовой разнообразия лишайников еловых экосистем наиболее целесообразным мы, вслед за [8], считаем проведение сравнительно-флористического анализа лишайнофлоры крупных широтных выделов – подзон.

Согласно комплексному региональному геоботаническому районированию Беларуси [9], на территории региона выделены зональные полосы (геоботанические подзоны) и лесорастительные районы (рисунок 1), в значительной степени отражающие и климатические особенности территории.

I – Подзона широколиственно-еловых лесов:

- 1 – Западно-Двинский лесорастительный район, далее л. р.,
2 – Ошмянско-Минский л. р., 3 – Оршанско-Могилевский л. р.,

II – Подзона елово-грабовых дубрав:

- 4 – Неманско-Предполесский л. р., 5 – Березинско-Предполесский л. р.,

III – Подзона грабовых дубрав:

- 6 – Бугско-Полесский л. р., 7 – Полесско-Приднепровский л. р.

Рисунок 1 – Геоботаническое районирование Беларуси (согласно [9])

При рассмотрении хронологических особенностей лишенофлоры еловых лесов в пределах каждой подзоны определялся показатель относительного своеобразия (I) [10]:

$$I = N_d/N \times 100$$

где N_d – число видов, встречающихся только в данном выделе (дифференциальных видов),

N – общее число видов лишенофлоры еловых лесов республики.

Географический анализ лишенофлоры еловых экосистем проводился на традиционной в отечественной лишеногеографии теоретической основе [11].

Результаты исследования и их обсуждение

В климатическом отношении граница подзоны широколиственно-еловых лесов (рисунок 1), проведенная вблизи границы ареала граба, совпадает с изолинией длительности вегетационного периода 190 дней, а также близка к изолинии суммы $t > 10^\circ \text{C}$, равной 2200°C . Исключение составляет лишь южная часть Оршанско-Могилевского плато, где теплообеспеченность выше этого предела, но по континентальности климат более близок к климату северо-востока Беларуси [12]. Средние температуры января от $-8,4$ до $-6,8^\circ \text{C}$, июля – от $+18$ до $+19,5^\circ \text{C}$; среднегодовое количество осадков 610–680 мм. Наибольшее распространение ель имеет в северной геоботанической подзоне – здесь ельники занимают 16,1% общей лесопокрытой площади и составляют 71,6% всех еловых лесов республики. Ельники подзоны широколиственно-еловых лесов имеют характерный облик таежных лесов [13, 16].

Подзона широколиственно-еловых лесов характеризуется наиболее высокими показателями видового разнообразия лишенофлоры, включая 214 видов (82,3% от лишенофлоры еловых лесов республики). Ведущие семейства (таблица 1) составляют 72,8% от видового состава лишайников еловых лесов подзоны. Бореальные черты лишенофлоры особенно подчеркиваются лидирующим положением в семейственном спектре семейств *Parmeliaceae* (около 80% видов семейства в пределах подзоны относятся к бореальному географическому элементу), *Cladoniaceae*, *Peltigeraceae*, *Coniocybaceae* – представителей типичных бореальных лишенофлор. Показателен в этом отношении и спектр географических элементов: бореальный элемент составляет в лишенофлоре подзоны широколиственно-еловых лесов самую значимую долю из всех остальных геоботанических выделов.

Показатель относительного своеобразия подзоны широколиственно-еловых лесов имеет самое высокое значение – 30,9%.

Для северной подзоны характерен и наиболее полный спектр географических элементов (таблица 2), отражающий большое разнообразие экотопов внутри подзоны. Преобладание бореального элемента отражает наличие крупных, малоизмененных деятельностью человека лесных массивов. Именно за счет огромного разнообразия экотопов вкуче с наибольшей площадью еловых древостоев в пределах подзоны в регионе высок и показатель относительного своеобразия. О богатстве лишенофлоры данного выдела можно судить и по концентрации видов в первых трех и пяти семействах – наименьшие показатели здесь свидетельствуют о высоком богатстве и разнообразии лишенофлоры.

Спектр ведущих семейств типичен для лишенофлор бореальной зоны. Это подтверждают исследования Н. С. Голубковой, которая охарактеризовала наиболее характерные черты систематической структуры лишенофлор различных районов, областей и подцарств Гларктического флористического царства [11]. Показателем бореальности флоры является наличие в составе лидирующих семейств *Parmeliaceae*, *Peltigeraceae*. Первое семейство занимает лидирующее положение в лишенофлоре подзоны, второе также входит в состав ведущих семейств, занимая 5-е место в семейственном спектре. Достаточно нагляден родовой спектр лишенофлоры северной подзоны. Наибольшее число видов содержат роды: *Cladonia* Hill ex P. Browne – 24, *Peltigera* Willd. – 8, *Ramalina* Ach. – 9, *Lecanora* Ach. – 8, *Physcia* (Schreb.) Michx. – 6, *Chaenotheca* Th. Fr. – 8, *Usnea* Dill. Ex Adans. – 7, *Bryoria* Brodo et D. Hawksw. – 6, *Pertusaria* DC. – 7. Перечисленные роды включают 97 видов, или 45,3% всего видового разнообразия.

Таблица 1 – Таксономический состав лишенофлоры еловых лесов геоботанических подзон Беларуси

Семейство	Северная подзона			Центральная подзона			Южная подзона		
	Ранг семейства	Число видов	% общего числа видов подзоны	Ранг семейства	Число видов	% общего числа видов подзоны	Ранг семейства	Число видов	% общего числа видов подзоны
<i>1</i>	<i>2</i>	<i>3</i>	<i>4</i>	<i>5</i>	<i>6</i>	<i>7</i>	<i>8</i>	<i>9</i>	<i>10</i>
<i>Parmeliaceae</i> Zenker	I	42	19,6	I	37	23,9	II	21	18,3
<i>Cladoniaceae</i> Zenker	II	34	15,9	II	24	15,5	I	24	20,9
<i>Physciaceae</i> Zahlbr.	III	19	8,9	III	14	9,0	III	16	13,9
<i>Ramalinaceae</i> C. Agardh	IV	17	7,9	VI	7	4,5	V	7	6,1
<i>Peltigeraceae</i> Dumort.	V	12	5,6	V	8	5,2	(VIII)	3	2,6
<i>Lecanoraceae</i> Körber	VI	10	4,7	IV	10	6,5	V	7	6,1
<i>Coniocybaceae</i> Reichenb.	VII	8	3,7	V	8	5,2	IV	8	7,0
<i>Teloschistaceae</i> Zahlbr.	VII	8	3,7	(VIII)	3	1,9	(VI)	5	4,3
<i>Pertusariaceae</i> Körb. ex Körb.	VIII	6	2,8	VI	7	4,5	(VII)	4	3,5
<i>Caliciaceae</i> Chevall.	(IX)	5	2,3	VII	6	3,9	–	–	–
<i>Pilocarpaceae</i> Zahlbr.	(IX)	5	2,3	(IX)	2	1,3	–	–	–
<i>Stereocaulaceae</i> Chevall.	(X)	4	1,9	(IX)	2	1,3	(IX)	2	1,7
<i>Trapeliaceae</i> M. Choisy ex Hertel	(X)	4	1,9	(IX)	2	1,3	(VII)	4	3,5
<i>Agyriaceae</i> Corda	(XI)	3	1,4	–	–	–	–	–	–
<i>Candelariaceae</i> Hakul.	(XI)	3	1,4	(VIII)	3	1,9	(IX)	2	1,7
<i>Icmadophilaceae</i> Triebel	(XII)	2	0,9	–	–	–	–	–	–
<i>Mycocaliciaceae</i> A.F.W. Schmidt	(XII)	2	0,9	(IX)	2	1,3	–	–	–
<i>Nephromataceae</i> Wetmore ex J. C. David & D. Hawksw.	(XII)	2	0,9	–	–	–	–	–	–
<i>Phlyctidaceae</i> Poelt et Vesda ex J. D. David & D. Hawksw.	(XII)	2	0,9	(IX)	2	1,3	(X)	1	0,9
<i>Pyrenulaceae</i> Rabenh.	(XII)	2	0,9	–	–	–	–	–	–
<i>Arthoniaceae</i> Reichenb. ex Reinchenb.	(XIII)	1	0,5	(IX)	2	1,3	(X)	1	0,9
<i>Baeomycetaceae</i> Dumort.	(XIII)	1	0,5	–	–	–	(X)	1	0,9

Окончание таблицы 1

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
<i>Catillariaceae</i> Hafellner	(XIII)	1	0,5	–	–	–	(X)	1	0,9
<i>Coenogoniaceae</i> (Fr.) Stizenb.	(XIII)	1	0,5	(X)	1	0,6	(X)	1	0,9
<i>Graphidaceae</i> Dumort.	(XIII)	1	0,5	(X)	1	0,6	(X)	1	0,9
<i>Lecideaceae</i>	(XIII)	1	0,5	–	–	–	–	–	–
<i>Lobariaceae</i> Chevall.	(XIII)	1	0,5	(IX)	2	1,3	–	–	–
<i>Microcaliciaceae</i> Tibell	(XIII)	1	0,5	(X)	1	0,6	(X)	1	0,9
<i>Monoblastiaceae</i> Walt. Watson	(XIII)	1	0,5	–	–	–	–	–	–
<i>Mycoblastaceae</i> Hafellner	(XIII)	1	0,5	–	–	–	–	–	–
<i>Ophioparmaceae</i> R. W. Rogers & Hafellner	(XIII)	1	0,5	(X)	1	0,6	(X)	1	0,9
<i>Porinaceae</i> Reichenb.	(XIII)	1	0,5	(X)	1	0,6	–	–	–
<i>Roccellaceae</i> Chevall.	(XIII)	1	0,5	(X)	1	0,6	(IX)	2	1,7
<i>Thelocarpaceae</i> Zupal	(XIII)	1	0,5	–	–	–	–	–	–
<i>Thelotre mataceae</i> (Nyl.) Stizenb.	(XIII)	1	0,5	–	–	–	–	–	–
<i>Collemataceae</i> Zenker	(XIII)	1	0,5	(X)	1	0,6	–	–	–
<i>Hygrophoraceae</i> Lotsy	(XIII)	1	0,5	–	–	–	–	–	–
<i>Sarrameanaceae</i> Hafellner	(XIII)	1	0,5	–	–	–	–	–	–
<i>Chrysotrichaceae</i> Zahlbr.	–	–	–	(X)	1	0,6	–	–	–
<i>Gyalectaceae</i> (Massal.) Stizenb.	–	–	–	(X)	1	0,6	–	–	–
<i>Ochrolechiaceae</i> R. C. Harris ex Lumbsch & I. Schmitt	–	–	–	(VIII)	3	1,9	(IX)	2	1,7
Всего:		208 + 6 sp incertae sedis	97,6		153 + 2 sp incertae sedis	98,7		115	100
% видов в ведущих сем.		72,8			78,1			72,2	
% видов в первых трех сем.		44,4			48,4			53,0	
% видов в первых пяти сем.		57,9			60,0			66,1	
% видов в первых десяти сем.		75,1			80,0			86,1	

Примечание: Цифры в скобках означают, что семейство не входит в ранг ведущих в соответствующей подзоне;
 прочерк – семейство не представлено в лихенофлоре исследуемого региона.

Таблица 2 – Географическая структура лишенофлоры геоботанических подзон Беларуси

Географический элемент	Подзона широколиственно-еловых лесов	Подзона елово-грабовых дубрав	Подзона грабовых дубрав
Бореальный	110 (51,4%)	73 (47,1%)	50 (43,5%)
Неморальный	56 (26,2%)	44 (28,4%)	45 (39,1%)
Мультизональный	30 (14,0%)	25 (16,1%)	18 (15,7%)
Монтанный	10 (4,7%)	8 (5,2%)	1 (0,9%)
Гипоаркто-монтанный	7 (3,3%)	4 (2,6%)	1 (1,7%)
Субокеанический	1 (0,5%)	1 (0,6%)	–
Итого:	214 (100%)	155 (100%)	115 (100%)

Граница подзоны елово-грабовых дубрав проведена несколько севернее границы сплошного распространения ели. В климатическом отношении подзона охватывает основную часть территории республики с теплообеспеченностью $t > 10^{\circ} \text{C}$ в пределах $2200\text{--}2400^{\circ} \text{C}$ [12]. Для нее характерно дальнейшее смягчение климата. Особенно это проявляется в Неманско-Предполесском лесорастительном районе, где среднегодовая температура составляет $6,2^{\circ} \text{C}$, продолжительность зимы снижается до 123 дней, вегетационный период увеличивается до 195 дней, а среднегодовое количество осадков составляет 603 мм. Максимальная сумма осадков (706 мм) приходится на район Новогрудской возвышенности. Некоторые элементы континентальности климата проявляются в Березинско-Предполесском районе, особенно в восточной части. Среднегодовая температура здесь равна $5,8^{\circ} \text{C}$, зимний период достигает 134 дней, вегетационный – 188–191 дня, а количество осадков колеблется от 567 до 637 мм [13]. Центральная подзона является переходной полосой от темнохвойных лесов Восточной Европы к широколиственным лесам западноевропейского типа. Еловые леса в пределах данной подзоны распространены не так широко, занимая 8,1% лесопокрытой площади (около 27% еловых лесов республики). Причем участие их уменьшается с севера на юг с 16–18 до 6–7% (Неманско-Предполесский лесорастительный район), с 10–13 до 2–4% (Березинско-Предполесский лесорастительный район) [13, 16].

В составе лишенофлоры центральной геоботанической подзоны отмечено 155 видов лишайников. В состав ведущих семейств лишенофлоры входит 9 семейств, объединяющих 78,1% видового разнообразия подзоны. Снижение доли участия еловых лесов в составе лесного фонда подзоны елово-грабовых дубрав по сравнению с подзоной широколиственно-еловых лесов является причиной снижения видового разнообразия в пределах сем. *Cladoniaceae*, *Peltigeraceae*. Вместе с тем, о некоторой «неморализации» флоры можно говорить в связи с повышением ранга семейства *Pertusariaceae* в спектре лидирующих семейств, поскольку в бореальных лишенофлорах пертузариевые занимают, как правило, невысокое положение [14, 75]. Во флоре лишайников исследуемого района семейство *Pertusariaceae* представлено в основном неморальными видами.

Состав ведущих родов лишайников центральной геоботанической подзоны несколько отличается от родового спектра лишенофлоры северной подзоны. Наибольшее число видов содержат роды: *Cladonia* – 24, *Peltigera* – 8, *Lecanora* – 8, *Physcia* – 6, *Chaenotheca* – 8, *Usnea* – 7, *Bryoria* – 6, *Pertusaria* – 7. Перечисленные роды включают 74 вида, или 47,1% всего видового разнообразия подзоны. Показатель относительного своеобразия подзоны составляет 10,3%.

Подзона грабовых дубрав характеризуется относительно сухим и наиболее теплым климатом. Для Брестского Полесья (Бугско-Полесский лесорастительный район) характерна самая короткая и теплая в пределах Беларуси зима (105–114 дней). Вегетационный период продолжается 200–208 дней. В Припятском Полесье отмечается некоторая континентальность климата (восточная часть Бугско-Полесского и западная Полесско-Приднепровского районов). Вегетационный период здесь короче (196–197 дней). Средняя температура января понижается до $-5,5\text{--}5,9^{\circ} \text{C}$. К востоку (Гомельское Полесье) континентальность климата увеличивается. Вегетационный период уменьшается по сравнению с западом на 10–15 дней, средние температуры января самые низкие в пределах Полесья ($-6,9^{\circ} \text{C}$), абсолютный максимум температуры поднимается до 38°C (Гомель). Белорусское Полесье характеризуется лесостепным типом

увлажнения, поскольку поступление и расход атмосферной влаги практически равновелики. Количество осадков в среднем на 30–65 мм меньше, чем в центральной и северной частях республики. Сумма их подвержена значительным годовым колебаниям (от 300 до 1000 мм). Полесская низменность отличается большей тепловой обеспеченностью, имеет более длительный вегетационный период и весьма высокий дефицит влажности воздуха вегетационного периода [13]. В южной подзоне еловые леса занимают только 0,6% лесопокрытой площади (1,7% площади ельников республики), произрастая в основном у южной границы сплошного распространения ели [13, 16–17]. К югу от границы, охватывая основную территорию Полесья, находится Бореально-Карпатская дизъюнкция ареала ели с немногочисленными локальными ее местообитаниями [15, 79].

Лихенофлора южной подзоны представлена 115 видами. Спектр ведущих семейств (таблица 1) существенно беднее, чем таковой для центральной и северной частей – только 6 семейств, включающих 72,2% видового богатства подзоны. Наблюдается смещение на второе место семейство *Parmeliaceae* и выход на первое в спектре лидирующих семейство *Cladoniaceae*.

Состав ведущих родов лишайников подзоны значительно упрощен по сравнению с центральной и северной. Наибольшее число видов содержат роды: *Cladonia* – 24, *Chaenotheca* – 7, *Lecanora* – 6, *Physcia* – 6. Перечисленные роды включают 43 вида, или 37,4% всего видового разнообразия подзоны.

Характерной особенностью лихенофлоры еловых лесов региона является также наибольшее участие видов неморального географического элемента по сравнению с другими геоботаническими подзонами. На наш взгляд, это связано, прежде всего, с «промежуточным», экотонным положением подзоны, а также прохождением на ее территории южной границы бореальной области сплошного распространения ели. Значительная часть таежных видов уже не может существовать в данных климатических условиях. В то же время наблюдается проникновение некоторых неморальных видов, не характерных для лихенофлоры еловых экосистем центральной и северной частей Беларуси. Среди них следует отметить: *Flavoparmelia caperata* (L.) Hale, *Lecanora rugosella* Zahlbr., *L. subrugosa* Nyl., *Parmelina tiliacea* (Hoffm.) Hale, *Pleurosticta acetabulum* (Neck.) Elix & Lumbsch, *Punctelia subrudecta* и др. Кроме того, некоторые виды отмечены на нехарактерных субстратах: так, *Hypotrachyna revoluta* – редкий влаголюбивый вид – впервые обнаружен на коре и ветвях ели [16]. Здесь наблюдается самое высокое долевое участие в составе лихенобиоты неморальных видов лишайников (таблица 2).

Показатель относительного своеобразия подзоны грабовых дубрав не очень велик – 4,6%, однако вполне значителен для выдела, несравнимого с двумя другими по площади, занимаемой лесами еловой формации.

Выводы

Таким образом, в ходе проведенного анализа выявлены некоторые хронологические особенности лихенофлоры еловых лесов Беларуси. Для нее характерна выраженная зональность, проявляющаяся в снижении доли бореальных и увеличении доли неморальных видов лишайников при продвижении с севера на юг.

Литература

1. Козловская, Н. В. Хорология флоры Белоруссии / Н. В. Козловская, В. И. Парфенов. – Минск : Наука и техника, 1972. – 310 с.
2. Голубков, В. В. Особенности распространения некоторых бореальных видов в условиях Беларуси / В. В. Голубков // Бореальная лихенофлора. Лихеноиндикация : тез. докл. III Междунар. лихенологической школы и симпозиума, Екатеринбург, 31 июля – 4 авг. 2002 г. / Ин-т экологии растений и животных УрО РАН, Урал. гос. ун-т ; редкол.: В. Е. Третьяков [и др.]. – Екатеринбург, 2002. – С. 30–31. Программа и тезисы докладов. – Екатеринбург, 2002. – С. 30–31.
3. Голубков, В. В. Распространение и эколого-географическая характеристика лишайника *Ramalina thrausta* в Белоруссии / В. В. Голубков // Новости систематики низших растений. – 2006. – Т. 40. – С. 214–217.
4. Голубков, В. В. Эколого-географические особенности лишайников *Hypotrachyna revoluta* (Flk.) Hale и *Punctelia subrudecta* Krog и их индикаторная роль на территории Беларуси / В. В. Голубков // Фундаментальные и прикладные проблемы ботаники в начале XXI века : материалы всерос. конф.,

Петрозаводск, 22–27 сент. 2008 г. : в 2 кн. / РБО, Отд-е биол. наук РАН, Карел. науч. центр РАН, Петрозавод. гос. ун-т ; редкол.: К. Л. Виноградова [и др.]. – Петрозаводск, 2008. – Кн. 2. – С. 181–183.

5. Голубков, В. В. Некоторые особенности распространения эпифитных лишайников на территории Беларуси / В. В. Голубков // Актуальные проблемы экологии : материалы VII Междунар. науч.-практ. конф., Гродно, 26–28 окт. 2011 г. / ГрГУ им. Я. Купалы ; редкол.: Н. П. Каннуникова [и др.]. – Гродно, 2011. – С. 31–32.

6. Горбач, Н. В. Определитель листоватых и кустистых лишайников БССР / Н. В. Горбач. – Минск : Наука и техника, 1965. – 179 с.

7. Горбач, Н. В. Лишайники Белоруссии: Определитель / Н. В. Горбач. – Минск : Наука и техника, 1973. – 340 с.

8. Мучник, Е. Э. Лихенофлора Центрального Черноземья: таксономический и эколого-географический анализы, вопросы охраны : автореф. дис. ... докт. биол. наук : 03.00.05 ; 03.00.16 / Е. Э. Мучник ; Воронеж. гос. ун-т. – Воронеж, 2003. – 40 с.

9. Юркевич, И. Д. География, типология и районирование лесной растительности Белоруссии / И. Д. Юркевич, В. С. Гельтман. – Минск : Наука и техника, 1965. – 288 с.

10. Семкин, Б. И. О сравнении флор методом Ворошилова / Б. И. Семкин, Д. В. Лаптев // Бот. журн. – 2002. – Т. 87, № 6. – С. 157–161.

11. Голубкова, Н. С. Анализ флоры лишайников Монголии / Н. С. Голубкова. – Л. : Наука, 1983. – 248 с.

12. Природная среда Беларуси / НАН Беларуси, Ин-т пробл. использования природ. ресурсов и экологии ; редкол.: В. Ф. Логинов [и др.]. – Минск : НОООО «БІП-С», 2002. – 424 с.

13. Юркевич, И. Д. Типы и ассоциации еловых лесов (по исследованиям в БССР) / И. Д. Юркевич, Д. С. Голод, В. И. Парфенов. – Минск : Наука и техника, 1971. – 352 с.

14. Макрый, Т. В. Лишайники Байкальского хребта / Т. В. Макрый. – Новосибирск : Наука, 1990. – 198 с.

15. Юркевич, И. Д. Леса Белорусского Полесья (геоботанические исследования) / И. Д. Юркевич, Н. Ф. Ловчий, В. С. Гельтман. – Минск : Наука и техника, 1977. – 288 с.

16. Белый, П. Н. Видовое разнообразие лишайников островных местопроизрастаний ели Лельчицкого района (Гомельская область, Беларусь) / П. Н. Белый // Наука о лесе XXI века : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 80-летию Ин-та леса НАН Беларуси, Гомель, 17–19 нояб. 2010 г. / Ин-т леса НАН Беларуси ; редкол.: А. И. Ковалевич [и др.]. – Гомель, 2010. – С. 393–396.

Summary

During the carried-out research features of zone distribution of the lichens growing in norway spruce forests of Belarus are established.

One of the characteristic features of lichens flora of the norway spruce forests of the Republic of Belarus is expressed zonality which is showing in decrease in a share of boreal and increase in a share of nemoral species of lichens at advance from the north to the south. That characterizes such general regularity, as gradual reduction of a role of boreal species in composition of vegetative communities at replacement of the woods of south taiga type from the north to the south by broad-leaved and broad-leaved coniferous forests.

Поступила в редакцию 13.06.12.

УДК 599(476.2)

**ВИДОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ МЛЕКОПИТАЮЩИХ
В УСЛОВИЯХ МОЗЫРСКОГО ПОЛЕСЬЯ****В. В. Валетов**

доктор биологических наук, профессор,
профессор кафедры природопользования и охраны природы,
ректор УО МГПУ им. И. П. Шамякина

Е. Ю. Гуминская

кандидат сельскохозяйственных наук,
заведующий кафедрой природопользования и охраны природы
УО МГПУ им. И. П. Шамякина

Е. С. Гайдученко

ассистент кафедры биологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина

*Приведены результаты полевых исследований и расчетов индексов биологического разнообразия Шеннона–Винера, индекса выравненности Пielу и индекса видового богатства Маргалефа по видовому разнообразию млекопитающих на территории Мозырского Полесья (Лельчицкий лесхоз). Установлены места обитания редких и охраняемых видов: барсука (*Meles meles* L) – обнаружено поселение в Стодольском лесничестве, рыси (*Felis lynx* L) – в Гребеневском (5 особей), а также в Дубровском и Марковском – по одной особи. Наименьшее видовое разнообразие характерно для Жмурнянского лесничества $H'_{жс} = 1,27$ ($E = 0,55$) и Марковского – $H'_{м} = 1,33$ ($E = 0,54$). Эти же территории характеризуются наименьшим видовым богатством: $d_{м} = 1,504$ и $d_{жс} = 1,333$.*

Введение

По физико-географическому районированию в Белорусском Полесье выделяют Брестское Полесье, Загорье, Мозырское Полесье, Припятское Полесье и Гомельское Полесье. Регионообразующей осью является река Припять. В Мозырском Полесье расположен Лельчицкий район – уникальный в физико-географическом отношении регион, сохранивший в естественном состоянии крупные лесные и болотные массивы, обширные поймы, имеющие важное хозяйственное и экологическое значение. Лельчицкий район расположен на юго-западе Гомельской области. Географическая площадь района составляет 322 131 га, из них 215 110 га – леса, 40 238 га – сельхозугодия. Территория района занята лесами на 69% (120 тыс. га), в основном это широколиственные и хвощевые леса, встречаются дубово-грабовые, хвощево-дубовые, ольховые, ольхово-грабовые, реже дубовые. Территория района преимущественно равнинная. Размещено два лесхоза: Лельчицкий и Милошевичский, заповедная зона и зона регулируемого использования НП «Припятский». С юго-восточной стороны на расстоянии 92 км расположен Полесский Радиационно-экологический заповедник, который соединен лесным массивом Мозырского и Ельского районов. Высокая природная заболоченность и переувлажненность (около 60%) тормозили развитие хозяйственной деятельности, дорожной сети (отсутствует железная дорога), социальной инфраструктуры. Однако минимальная антропогенная нагрузка способствовала сохранению биологического разнообразия флоры и фауны в Мозырском Полесье.

Цель исследования: оценка видового разнообразия и выявление мест обитания редких и охраняемых хищных и копытных млекопитающих в условиях Мозырского Полесья (Лельчицкий лесхоз).

Методика проведения исследования. В рамках программы ГПНИ «Природно-ресурсный потенциал» этап 2012 г. «Сравнительный анализ современного состояния биологического разнообразия растительного и животного мира потенциальных территорий ООПТ Лельчицкого района и государственного ландшафтного заказника «Стрельский» за 2011–2012 годы проведен анализ видового разнообразия и выявлены места обитания редких и охраняемых крупных млекопитающих. В процессе выполнения полевых работ была исследована территория Лельчицкого лесхоза. Исследования проводились в зимне-весенний и летний периоды маршрутным методом. Также проводился опрос сотруddников лесничества и местных жителей о встречах с дикими животными. На карте лесничеств

выделялись квадраты более вероятного обитания крупных млекопитающих. Отдавалось предпочтение широколиственным лесам, отдаленным от мест обитания человека и инфраструктуры.

Учет крупных млекопитающих и определение мест их обитания проводили по белой тропе. Учет основан на подсчете числа следов млекопитающих разных видов, пересекающих заранее выбранную и «затертую» линию маршрута [1]. Зимний маршрутный учет млекопитающих проводился за два дня. *В первый день*, проходя намеченный маршрут, затирали все пересекаемые следы, чтобы на следующий день отмечать только те, которые появились за прошедшие сутки. Затирка следов происходила следующим образом: к поясу егеря, передвигающегося на лыжах, привязывали широкую еловую или сосновую ветку, которая, волочась позади, заметала все следы. В результате за егерем образовывалась «контрольно-следовая полоса» шириной 1–2 м. Встречающиеся на пути тропы следы зверей засыпали снегом, чтобы на следующий день определить количество прошедших по ним животных. *Во второй день*, проходя строго по тому же маршруту, отмечали на схеме все новые следы, пересекающие маршрут, с указанием вида и количества зверей, оставивших следы, а также категорию угодий. Полученное число отмеченных пересечений животными маршрутной полосы соотносили с общей длиной маршрута. Во время проведения учета снежный покров был рыхлый, ветер – северо-западный (1–4 м/с), температура – 1–3° С.

По охотничьему хозяйству ГЛХУ «Лельчицкий лесхоз» проложено 25 маршрутов в пяти лесничествах для проведения контрольных учетов численности диких животных общей протяженностью 271,4 км. Из них 250,6 км составили лесные маршруты и 20,8 км – полевые.

По завершении прохождения каждого маршрута заполняли итоговую карточку. На оборотную сторону карточки наносили схему маршрута с отмеченными местами обнаружения следов крупных хищников и копытных животных. Полученные результаты объединяли в сводную таблицу. На первом этапе расчетов суммировали расстояние, пройденное при проведении всех учетов отдельно для каждой категории угодий. На следующем этапе – суммировали число отмеченных при отдельных учетах пересечений следами животного данного вида учетной полосы (также отдельно для каждой категории угодий). Далее суммарное число пересечений следов в данной категории угодий делили на суммарную длину маршрутов (в км) и результат умножали на 10 км. Таким образом рассчитывали стандартный показатель числа пересечений на 10 км маршрута. Далее полученную величину умножали на пересчетный коэффициент [2] для данного вида животных (таблица 2). Размерность коэффициента такова, что итоговое значение выражается в количестве особей на 1000 га (10 км²) и отражает примерную плотность вида на исследованной территории. Эта величина и является окончательным результатом проведенного зимнего маршрутного учета.

Для каждого биотопа подсчитывался индекс биологического разнообразия Шеннона–Винера, индекс выравненности Пилеу и индекс видового богатства Маргалефа [3].

Результаты исследования и их обсуждение

Площадь района исследования составила 109 989,1 га, из них 103 га (0,2%) – водоемы, 5027 га (4,5%) – болота и 104 859,1 га (95,3%) – площадь, занятая лесом. Характеристика лесных угодий представлена в таблице 1.

Таблица 1 – Характеристика лесных угодий района исследований (Лельчицкий лесхоз)

Преобладающая древесная порода	Площадь, га	% от общей площади леса
Сосна (<i>Pinus sylvestris</i>)	67 865,2	64,7
Береза (<i>Betula pendula</i>)	23 348,6	22,3
Ольха черная (<i>Alnus glutinosa</i>)	5427,3	5,2
Дуб (<i>Quercus robur</i>)	4633,4	4,4
Осина (<i>Pópulus tremula</i>)	2490,3	2,4
Ель (<i>Picea abies</i>)	649,8	0,6
Граб (<i>Cárpinus</i>)	334,1	0,3
Ясень (<i>Fraxinus excelsior</i>)	31,0	0,03
ИВД (<i>Salix fragilis</i>)	27,5	0,03
Итого	104 807,1	100

На территории исследования преобладающей древесной породой является сосна (64,7%), в субдоминанте береза (22,3%). Присутствуют в небольших количествах ольха черная (5,2%), дуб (4,4% площади), осина (2,4%), ель (0,6%). В единичных случаях встречаются ясень, клен, липа, крушина, ивняк, рябина.

На территории исследования выделены особо охраняемые природные территории общей площадью 4730,1 га. В Дубровском лесничестве выделен участок площадью 222,1 га в квадратах 36, 78, 86, 87, 91 и 94, где расположен памятник природы местного значения – охрана уникальных дубрав. Эти участки исключены из расчета главного пользования. В Марковском лесничестве на территории 8,6 га такой же памятник природы расположен в квадратах 2, 20. На этой же территории организована охрана уникальных участков леса (сосна) площадью 15,7 га.

Гидрологический (воднорегулируемый) заказник «Лельчицкое-Свидное» расположен в Марковском, Лельчицком и Жмурнянском лесничествах и занимает территорию 2705 га. На территории Жмурнянского лесничества располагаются гидрологические заказники «Луговое» и «Лохницкое» площадью 314 и 132 га соответственно. Территория Марковского лесничества включает в себя гидрологические заказники «Плотница» и «Овражное» площадью 22 и 87 га. Эти заказники были организованы с целью сохранения гидрологического режима и естественного состояния природного комплекса торфяного месторождения.

На территории Буйновичского лесничества были обнаружены следы лося, косули, зайца, лисицы, волка, кабана. Следы рыси обнаружены в кварталах 138, 139 и 147. Постоянно обитающего волка на территории лесничества не обнаружено. Зафиксировано 4 особи, приходящие из Махновичского лесничества. Прикормочные площадки оборудованы в кварталах 86, 104, 114 и 127. На территории Замошского и Буйновичского лесничеств расположен гидрологический (воднорегулируемый) заказник местного значения «Манчицы» общей площадью 543 га, где были обнаружены выдры.

На территории Лельчицкого лесничества в квадрате 98 (выделы 1–22) расположен гидрологический (воднорегулируемый) заказник «Лельчицкое-Свидное» местного значения. Оборудованы подкормочные площадки в кварталах 27, 45 и 86. На их территории обнаружены лежанки, купальни, чесалки кабанов. По пути следования были обнаружены следы кабанов, косули, зайца. В квадратах 8 (выдел 12), 20 (выдел 2), 46 (выдел 7) обнаружено гнездовье черного аиста. Эти участки, общей площадью 30,9 га, выделены как участки леса с наличием редких и исчезающих видов с целью охраны исчезающих видов птиц. Данные территории исключены из расчета главного пользования, в связи с этим рубки ухода и выборочные санитарные рубки проводятся в зимний период. Кроме этого, гнездовья черного аиста были зарегистрированы в Марковском лесничестве (кварталы 7, 21, 26, 51, 58 и 31), в Замошском (кварталы 18, 41, 50, 51, 57, 69 и 99), в Дубровском – квартал 57, в Жмурнянском (кварталы 45, 55, 61, 66), в Стодоличском – кварталы 2 и 22, в Буйновичском лесничестве – кварталы 10, 68 и 117, в Острожанском – кварталы 17, 44, 51, 58 и 61.

Гидрологический (воднорегулируемый) заказник «Урочище Берин» местного значения расположен на территории Острожанского лесничества в квадратах 32, 36, 44. На границу поселка Острожанка выходят для кормления свиньи, устраивают лежки на мусорке, в местах захоронения зерноотходов. Используют для кормления сельскохозяйственные посевы зерновых, кукурузы, корнеплодов, уничтожают молодые лесопосадки сосны, расположенные на бывших сельскохозяйственных территориях. На территории лесничества оборудовано три прикормочные площадки, использование которых идет неинтенсивно (завезенное с начала зимы зерно не съедено), что указывает на достаточную естественную кормовую базу. Зафиксированы следы лося, который проживает здесь постоянно. Рысь встречается редко. Зубры и олени (мигранты), проживают непостоянно. Увеличилось количество косули. Охотничье хозяйство находится в аренде. По данным учета диких животных арендатором за 2012 год, на территории Острожанского лесничества было обнаружено лосей в количестве 38 особей, кабанов – 65 особей, косуль – 19, зайцев-русаков – 25, зайцев-беляков – 55, лис – 22, белок – 210, волков – 1, куниц – 7 особей.

По данным учета зимней тропы, на территории Лельчицкого лесхоза обитают лось, кабан, косуля, волк, лисица, белка, заяц-русак, заяц-беляк, куница, горноста, хорь лесной и рысь. Плотность этих млекопитающих по лесничествам различная. Плотность лося в среднем составила 3,13 ос./1000 га с максимальной плотностью 5,12 ос./1000 га в Гребеневском лесничестве и минимальной плотностью 0,16 ос./1000 га в Лельчицком лесничестве. Плотность кабана на территории Лельчицкого лесхоза достаточно высокая – от 5,56 до 11,47 ос./1000 га в Лельчицком и в Жмурнянском лесничествах соответственно. Плотность косули в среднем составила $6,52 \pm 0,6$ ос./1000 га, наибольшая плотность наблюдалась в Гребеневском лесничестве (8,55). Здесь же была зафиксирована наибольшая плотность рыси – 0,54 ос./1000 га (основу рациона рыси составляют косули). Плотность волка наибольшая в Лельчицком лесничестве (0,93), это обусловлено хорошей кормовой базой (плотность кабана 5,56 и косули 6,71 ос./1000 га), и наименьшая в Дубровском лесничестве – 0,14 ос./1000 га. В среднем по лесхозу плотность лисицы составила $4,59 \pm 0,6$ ос./1000 га; белки – $57,94 \pm 9,6$ ос./1000 га; заяц-русака – $11,07 \pm 1,07$ ос./1000 га; заяц-беляка – $9,12 \pm 2,1$ ос./1000 га; куницы – $1,47 \pm 0,2$ ос./1000 га; горноста – $0,88 \pm 0,3$ и хорька лесного – $0,38 \pm 0,1$ ос./1000 га (таблица 2).

Таблица 2 – Показатель плотности млекопитающих Мозырского Полесья (Лельчицкий лесхоз)

Вид животного	Коэффициент пересчета	Лесничества Лельчицкого лесхоза					$\bar{x} \pm m_{\bar{x}}$
		Гребеневское	Дубровское	Лельчицкое	Марковское	Жмурнянское	
Лось	0,52	5,12	0,34	0,16	2,16	4,02	2,36 ± 0,9
Кабан	0,36	6,18	8,36	5,56	6,89	9,82	7,36 ± 0,7
Косуля	0,41	8,55	4,68	6,71	6,14	6,52	6,52 ± 0,6
Волк	0,11	0,30	0,14	0,93	0,26	0,40	0,41 ± 0,1
Лисица	0,25	6,61	5,15	4,54	3,83	2,84	4,59 ± 0,6
Белка	4,4	56,06	38,68	35,99	84,96	74,01	57,94 ± 9,6
Заяц-русак	0,41	13,53	10,01	13,79	9,10	8,95	11,07 ± 1,07
Заяц-беляк	0,92	12,43	10,98	11,15	9,80	1,25	9,12 ± 2,1
Куница	0,23	2,31	1,24	1,25	1,0	1,57	1,47 ± 0,2
Горноста́й	0,62	1,80	0,73	0,19	1,68	0	0,88 ± 0,3
Хорь лесной	0,5	0,67	0,06	0,07	0,90	0,22	0,38 ± 0,1
Рысь	0,157	0,54	0,06	0,05	0,08	0,07	0,16 ± 0,1
Площадь, га	Общая	14,7	15,7	11,9	15,8	11,2	
	Лесная	10,9	11,9	8,5	11,2	7,3	

Из млекопитающих, занесенных в красную книгу РБ, на территории Лельчицкого лесхоза обнаружена Европейская рысь (*Felis lynx L*) и барсук (*Meles meles L*).

Поселение барсука обнаружено в Стодоличском лесничестве (квартал 16). В Гребеневском лесничестве следы рыси были обнаружены в кварталах 11–14, 23 – на маршруте № 17; на маршруте № 18 – в кварталах 2, 9, 10, 15, 21 и 26; на маршруте № 19 – в кварталах 61, 63, 64, 73, 81; на маршруте № 20 – 67, 68, 75, 77, 87, 90, 92, 102, 103 и 108.

В Дубровском лесничестве на маршруте № 2 следы рыси были обнаружены в кварталах; на маршруте № 4, учет на котором проводился 2 дня, – в кварталах 28, 30, 36, 38, 63, 64 и 72. Квартал 36 относится к уникальным участкам местного значения, в которых осуществляется охрана уникальных дубрав. Он исключен из расчета главного пользования.

В Марковском лесничестве на маршруте № 14 следы рыси были обнаружены в кварталах № 51 и 52.

В Лельчицком лесничестве следы рыси были обнаружены только на маршруте 3, 21 в кварталах 9, 16, 31 и 32.

В Жмурнянском лесничестве следы рыси были обнаружены также на одном маршруте в кварталах 55 и 56.

Все вышеперечисленные кварталы относятся к эксплуатационным и труднодоступным лесам, являются одноярусными. В составе леса преобладает береза (80–90%), на долю ольхи черной и сосны приходится по 10%. Возраст деревьев – 25, 10 и 15 лет, высота – 10, 5 и 6 м, класс бонитета – 2–3. Подлесок – от редкого до среднего.

В квартале 32 Лельчицкого лесхоза в выделе 27 преобладающей древесной породой является сосна, на долю которой приходится 80%, в субдоминанте – береза, доля которой составляет 20%. Возраст деревьев – 55 лет, высота – 20 м. Деревья относятся к первому классу бонитета.

Плотность рыси в Гребеневском лесничестве составила 0,54 особи на 1000 га, в Дубровском – 0,06, в Лельчицком – 0,05, в Марковском – 0,08 особи и в Жмурнянском – 0,07 особи. Запас охотничьих животных в Гребеневском лесничестве составил 5 особей, в Дубровском и Марковском – по одной особи.

По данным 1994 года А. Н. Буневича [4], численность рыси в Беловежской пушке составила 20–35 особей, или 0,2–0,3 особи на 1000 га. Е. Н. Матюшкин и М. А. Вайсфельд в своей книге «Рысь. Региональные особенности экологии, использования и охраны» [5] отмечают, что, по данным зимнего учета 1996 года, на территории Беларуси численность рыси составила: в Витебской области – 144 особи, Минской – 26, Гродненской – 4, Брестской – 48, Могилевской – 6 и Гомельской – 19. Плотность населения составила 1,58; 0,22; 0,06; 0,63; 0,07 и 0,13 соответственно. В среднем по Беларуси плотность рыси составила 0,43 особи на 1000 га.

Чем выше индекс Шеннона–Винера, тем больше видовое разнообразие сообщества. Особенностью индекса является то, что он придает большее значение редким видам, чем другие индексы. На основе индекса Шеннона–Винера рассчитывается индекс выравненности Пиелу, который показывает видовое богатство. В нашем случае индекс Шеннона–Винера колебался от $H'_{ж} = 1,27$ при $E = 0,55$ в Жмурнянском лесничестве до $H'_{г} = 1,73$ при $E = 0,70$ в Гребеневском лесничестве, т. е. наибольшее видовое разнообразие наблюдается в Гребеневском лесничестве, на втором месте находится Лельчицкое лесничество: $H'_{л} = 1,66$ (при $E = 0,69$), затем Дубровское – $H'_{д} = 1,63$ (при $E = 0,66$). Наименьшее видовое разнообразие наблюдалось в Марковском ($H'_{м} = 1,33$ при $E = 0,54$) и Жмурнянском лесничествах (таблица 3). Освоенность территории в Жмурнянском лесничестве самая высокая. Изучаемые биотопы характеризуются средней стабильной равномерностью распределения видов, выравненность колеблется от 0,54 в Марковском лесничестве до 0,70 в Гребеневском. Согласно значениям индекса разнообразия Маргалефа, максимальным видовым богатством отличается территория Дубровского лесничества ($d_{д} = 1,587$); Гребеневского ($d_{г} = 1,529$) и Лельчицкого ($d_{л} = 1,509$). Меньшим видовым богатством отличаются Марковское и Жмурнянское лесничества ($d_{м} = 1,504$ и $d_{ж} = 1,333$ соответственно). При достаточном видовом разнообразии ($H'_{л} = 1,66$ ($E = 0,69$)) территория Лельчицкого лесничества обладает низким видовым богатством ($d_{л} = 1,509$). Территория Марковского и Жмурнянского лесничеств характеризуется низким видовым разнообразием ($H'_{м} = 1,33$ ($E = 0,54$) и $H'_{ж} = 1,27$ ($E = 0,55$)) и низким видовым богатством ($d_{м} = 1,504$ и $d_{ж} = 1,333$). Согласно полученным данным можно предположить, что увеличивается уровень освоенности территории Марковского и Жмурнянского лесничеств.

Таблица 3 – Видовое разнообразие млекопитающих Мозырского Полесья (Лельчицкий лесхоз)

Вид животного, особей	Лесничества Лельчицкого лесхоза					Всего
	Гребеневское	Дубровское	Лельчицкое	Марковское	Жмурнянское	
Лось	56	4	1	24	29	114
Кабан	67	99	47	77	71	361
Косуля	93	55	57	69	47	321
Волк	4	2	11	4	4	25
Лисица	97	80	54	60	31	322
Белка	611	460	305	960	540	2876
Заяц-русак	198	157	164	143	100	762
Заяц-беляк	135	130	94	110	9	478
Куница	25	14	10	11	11	71
Горностай	19	8	1	19	0	47
Хорь	7	1	1	10	1	20
Рысь	5	1	0	1	0	7
ВСЕГО	1329	1023	756	1500	853	5416
Итого видов	12	12	11	12	10	
Индекс Шеннона	1,73	1,63	1,66	1,33	1,27	
Индекс Маргалефа	1,529	1,587	1,509	1,504	1,333	
Индекс Пиелу	0,70	0,66	0,69	0,54	0,55	

Выводы

1. Территория исследования Мозырского Полесья (Лельчицкий лесхоз) площадью 10 998,1 га включает в себя экосистемы водоемов – 0,2% площади, болота – 4,5%, лес – 95,3%. Преобладающими являются сосновые леса (64,7% площади). Широколиственные леса представлены формацией березы (22,3%), ольхи черной (5,2%), дуба (4,4%), осины (2,4%), ели (0,6%), граба (0,3%), ясени (0,03%). Установлены места уникальных дубрав, насаждений сосны, семь гидрологических заказников, территории поселения барсука и гнездовья черного аиста.

2. Наибольшая плотность рыси (0,54 особи на 1000 га, запас охотничьих животных – 5 особей), наблюдалась в эксплуатационных и труднодоступных лесах (Гребеневское лесничество), в составе которых преобладает береза (80–90%), на долю ольхи черной и сосны приходится по 10%. Возраст деревьев – 25, 10 и 15 лет, высота – 10, 5 и 6 м, класс бонитета – 2–3. Подлесок – от редкого до среднего. На территории, где преобладающей древесной породой является сосна (Лельчицкое и Жмурнянское лесничества), на долю которой приходится 80%, в субдоминанте – береза, доля которой составляет 20%. Возраст деревьев – 55 лет, высота – 20 м, деревья относятся к первому классу бонитета. Рысь не обнаружена.

3. Расчет индексов видового разнообразия показал, что существенных различий по видовому разнообразию и видовому богатству не наблюдается ($P \leq 0,05$). Территория Мозырского Полесья с формацией сосны (55,3–66,1%), березы (32,7–18,7%), ольхи черной (7,8–6,6%), осины (2,8–0,8%) (Жмурнянское и Марковское лесничества соответственно) характеризуется наименьшим видовым разнообразием – $H'_{ж} = 1,27$ ($E = 0,55$), $H'_м = 1,33$ ($E = 0,54$) и наименьшим видовым богатством – $d_м = 1,504$, $d_ж = 1,333$. Этот факт дает основание предположить увеличение уровня освоенности этой территории.

Авторы считают своим долгом выразить искреннюю благодарность главному лесничему Лельчицкого лесхоза Трешачко Константину Михайловичу, главному охотоведу Харкевичу Андрею Адамовичу, лесничему Лельчицкого лесничества Полян Николаю Васильевичу, лесничему Острожанского лесничества Цалко Владимиру Васильевичу за помощь в проведении исследований.

Літаратура

- Новиков, Г. А. Полевые исследования экологии наземных позвоночных животных [Электронный ресурс] / Г. А. Новиков. – Советская наука, 1949. – Режим доступа : <http://zoomet.ru>. – Дата доступа : 22.06.12.
- Технический кодекс устоявшейся практики ТКП 341-2011 (02080) «Порядок и технология проведения зимнего маршрутного учета охотничьих животных в охотничьих угодьях Республики Беларусь» : утв. постановлением М-вом лесного хозяйства от 30.09.2011, № 23. – БелГИЛес. – Минск. – 32 с.
- Биологическое разнообразие : учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений / Н. В. Лебедева [и др.]. – М. : Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2004. – 432 с.
- Буневиц, А. Н. Численность и стациальное размещение крупных хищных млекопитающих Беловежской пуцци / А. Н. Буневиц // Сохранение биологического разнообразия лесов Беловежской пуцци / отв. ред. к. б. н. А. И. Лучков. – Каменюки–Минск, 1996. – С. 247–262.
- Матюшкин, Е. Н. Рысь. Региональные особенности экологии, использования и охраны / Е. Н. Матюшкин, М. А. Вайсфельд. – М. : Наука, 2003. – 523 с.

Summary

Results of field researches of fauna and calculations of indexes of biological diversity of Shannon-Wiener, uniformity index to Pielou and an index of specific wealth of Margalef on a specific variety on the territory of Lelchitsky timber enterprise of the Gomel area are given. Habitats of rare and protected mammals are established. A badger (*Meles meles* L) – the settlement in the Stodolichsky forest area, a lynx (*Felis lynx* L) – in Grebenevsky – 5 individuals and in Dubrovsky and Markovsky – on one individual is revealed. The smallest specific variety is characteristic for the Zhmurnyansky forest area of $H'_{ж} = 1,27$ ($E = 0,55$) and Markovsky – $H'_м = 1,33$ ($E = 0,54$). The same territories are characterized by the smallest specific richness of $d_м = 1,504$ and $d'_{ж} = 1,333$.

Поступила в редакцию 04.09.12.

УДК 630*231.3:630*233

**НАУЧНЫЕ ОСНОВЫ
ПРИМЕНЕНИЯ КОМПОЗИЦИОННЫХ ПОЛИМЕРНЫХ ПРЕПАРАТОВ
ПРИ ЛЕСОВЫРАЩИВАНИИ**

В. В. Копытков

кандидат сельскохозяйственных наук, старший научный сотрудник, доцент,
заведующий сектором биорегуляции выращивания лесопосадочного материала
ГНУ «Институт леса НАН Беларуси»

Н. П. Охлопкова

научный сотрудник ГНУ «Институт леса НАН Беларуси»

В. С. Каверин

кандидат сельскохозяйственных наук,
заместитель директора по научной работе Казахского НИИ лесного хозяйства
(г. Щучинск, Республика Казахстан)

А. В. Боровков

соискатель ИЛ НАН Беларуси,
координатор работ Комитета лесного и охотничьего хозяйства МСХ РК
(г. Астана, Республика Казахстан)

Ю. А. Таурбергенов

аналитик проекта Комитета лесного и охотничьего хозяйства МСХ РК
(г. Астана, Республика Казахстан)

С. М. Сейлгазинова

заведующий кафедрой Семипалатинского гос. университета им. Шакарима
(г. Семей, Республика Казахстан)

Представлены результаты исследований по применению композиционных полимерных препаратов при выращивании сеянцев сосны обыкновенной и саксаула черного. Установлено влияние различных способов предпосевной обработки семян на рост и развитие сеянцев.

Доказано, что обработка корневых систем сеянцев лесных пород композиционными полимерными составами «Корпансил» и «Тамыркуш» способствует повышению приживаемости растений и увеличивает текущий прирост в высоту лесных культур.

Введение

Лесное хозяйство и лесохозяйственная политика по своим целям и характеру с каждым годом становятся все более сложными и приобретают международное значение. Это обусловлено возрастающим многофункциональным значением лесов, ростом цен на невозобновляемые энергоресурсы и наблюдающейся тенденцией к расширению объемов использования древесного топлива.

Республика Беларусь располагает весомым потенциалом лесосырьевых ресурсов, что выражается в трехкратном превышении средневропейского уровня по запасам древесины на душу населения. Общая площадь государственного лесного фонда Беларуси составляет 9,4 млн. га, из которой лесопокрытая площадь – 8 млн. га, лесистость территории – 38,5%, запас древесины на корню – 1,57 млрд. м³. Ежегодный прирост в лесах составляет около 30 млн. м³. Заготавливается в среднем 13–14 млн. м³ древесины, из которой 60% – деловая и 40% – дровяная.

Лесистость Казахстана составляет менее 5%, но вопросам лесовыращивания и лесоразведения уделяется большое внимание. Одним из действенных способов увеличения лесистости является лесовыращивание, представляющее собой трудоемкий процесс, занимающий длительный период времени: от прорастания семян до получения спелого хозяйственноценного древостоя [1], [2].

Учитывая большое хозяйственное, экологическое и экономическое значение ленточных боров Казахстана, особое внимание уделяется их сохранению и лесовоспроизводству. Задачи по сохранению лесов и их воспроизводству выполняют государственные лесные природные

резерваты «Семей орманы» и «Ертіс орманы», организованные в 2003 году на территории ленточных боров. В целом площадь, подлежащая воспроизводству лесов, по обоим резерватам составляет более 300 тыс. га. При этом ежегодные объёмы лесопосадок в ленточных борах на данное время не превышают 2,5 тыс. га. Поэтому требуется проведение технологических приёмов, направленных на повышение приживаемости лесных культур, снижение количества посадочного материала на единицу площади по сравнению с действующими нормативами, снижение себестоимости расходов при выполнении мероприятий по воспроизводству лесов [2], [3].

Для повышения приживаемости лесных культур в последнее десятилетие начали широко использовать предпосадочную обработку корневых систем растений специальными полимерными составами (ПС), которые способны формировать защитно-стимулирующие покрытия на корневых системах растений [3], [4].

Методика исследования. Изучение влияния почвенного плодородия лесных питомников при выращивании посадочного материала на выход стандартных семян сосны обыкновенной и саксаула черного проводилось путем определения содержания основных элементов питания в почвах восьми постоянных и временных лесных питомников Казахстана и Беларуси.

Для изучения содержания элементов питания отбирались почвенные образцы путем смешивания 5 индивидуальных в 4-кратной повторности с верхнего 0–20 см пахотного горизонта. В почвенных образцах определялись: содержание гумуса (по В. А. Никитину), рН в солевой вытяжке, (на рН-метре), гидролитическая кислотность по (Г. Каппену), сумма поглощаемых оснований (по Каппену-Гильновицу), подвижный P_2O_5 (по Кирсанову), обменный калий (на пламенном фотометре), легкогидролизующий азот (по Ю. Т. Коробченко).

С целью определения грунтовой всхожести семян сосны обыкновенной и саксаула черного, а также выхода стандартного посадочного материала во всех питомниках проводили подсчет растений на 1 пог./м посевной строки в 5-кратной повторности.

Камеральная обработка собранного растительного материала заключалась в определении биометрических параметров семян сосны и саксаула (общей массы растения, массы надземной и подземной частей семян, высоты надземной части, диаметра корневой шейки, степени охвоенности стволика).

Данные исследований обрабатывались статистическими методами с использованием программ Excel Microsoft и Statistica 6.0.

Результаты исследования и их обсуждение

Беларусь расположена в северо-западной части нечерноземной полосы Русской равнины. Ее климатические, геоморфологические и почвенно-гидрологические условия имеют зональную выраженность. Основные термические параметры на территории республики уменьшаются с юго-запада на северо-восток. Среднегодовая температура воздуха изменяется от 7,3° С в юго-западных районах (Брест) до 5,1° С в северо-восточных (Витебск), разница в продолжительности вегетационного периода равна 23 дням (208 и 185), периода активной вегетации (с температурой воздуха выше 10° С) – 20 дням (160 дней на юге и 140 дней на севере).

Канонерский филиал Государственного лесного природного резервата «Семей орманы» Комитета лесного и охотничьего хозяйства Министерства сельского хозяйства Республики Казахстан (далее филиал) расположен на территории Бескарагайского района ВКО. Площадь Гослесфонда филиала составляет 45 931 га. Климат региона характеризуется как резко-континентальный с холодной, относительно малоснежной зимой и жарким засушливым летом. Климатические особенности филиала отражены в таблице 1 (данные метеостанции «Семиарка»).

Таблица 1 – Климатические показатели

Наименование показателей	Ед. измер.	Показатели
Температура воздуха:		
среднегодовая	град	2,2
абсолютная максимальная	–	43
абсолютная минимальная		53
Количество осадков за год	Мм	250
Продолжительность вегетационного периода	дней	180
Последние заморозки весной	дата	23–24.05.2012
Первые заморозки осенью	дата	9–14.09.2012
Глубина промерзания почвы	см	150
Относительная влажность воздуха	%	67

Положительная температура удерживается в период с апреля по октябрь, достигая максимума в июле. Исключительное значение для искусственного выращивания посадочного материала в ленточных борах имеют осадки и их распределение по месяцам. Наибольшее количество выпадает в течение июня и июля, т. е. в период наиболее высоких температур и максимального испарения влаги из почвы. Господствующими в расположении района являются ветры: в холодное время года – восточные и юго-восточные, в теплый период – западные и северо-западные. Средняя скорость ветра достигает 3–4 м/с, нередко случаи, когда ветры достигают ураганной силы.

Таким образом, анализ приведенных климатических факторов говорит о достаточно суровых природно-климатических условиях района.

В таблице 2 представлены обобщенные данные по результатам обследования применения композиционного полимерного состава «Корпансил» в разрезе ГПЛХО МЛХ Республики Беларусь.

Таблица 2 – Результаты обследования лесных культур, созданных на основе композиционного полимерного состава «Корпансил»

ГПЛХО МЛХ РБ	Посадочный материал с обработанными КПС «Корпансил» корневыми системами	Приживаемость лесных культур, %	
		обработанных препаратом	производственных (без обработки)
Брестское	Однолетние сеянцы сосны	98	81
	Двулетние сеянцы сосны	97	78
Витебское	Однолетние сеянцы сосны	97	83
	Саженьцы ели 2 + 1	96	84
Гомельское	Однолетние сеянцы сосны	91	82
	Двулетние сеянцы сосны	88	80
Гродненское	Однолетние сеянцы сосны	98	84
	Двулетние сеянцы сосны	96	87
Минское	Однолетние сеянцы сосны	96	85
	Двулетние сеянцы сосны	95	84
Могилевское	Однолетние сеянцы сосны	98	80

Анализ данной таблицы показывает, что использование композиционного полимерного состава «Корпансил» в производственных условиях при создании лесных культур весной 2003 года оказало положительное влияние на приживаемость лесных культур. Приживаемость однолетних сеянцев с обработанными корневыми системами увеличилась на 11–18%, двулетних сеянцев сосны – на 6–19%.

Изучен прирост лесных культур после обработки их корневых систем перед посадкой в зависимости от вида посадочного материала. В таблице 3 приведены данные, полученные в ходе изучения текущего прироста в высоту лесных культур различных сеянцев.

Анализ таблицы 3 показывает, что на лесных почвах с использованием различного посадочного материала текущий прирост по годам в течение пяти первых лет после создания лесных культур на вариантах с обработкой корневых систем «Корпансилом» выше по сравнению с контролем. Суммарный прирост за 5 лет в высоту лесных культур, созданных однолетними сеянцами сосны с использованием композиционного полимерного состава, увеличился на 12%, а двулетними сеянцами сосны – на 17%. Отмечено также увеличение суммарного прироста в высоту за 5 лет на 11–14% на вариантах с обработкой корневых систем «Корпансилом» при использовании двулетних саженцев ели различного возраста. Полученные данные говорят о преимуществах использования при создании лесных культур крупного посадочного материала. Текущий прирост крупного посадочного материала больше, чем у однолетних сеянцев. Поэтому при создании лесных культур крупным посадочным материалом большое значение имеет равномерное размещение растений на площади.

На тяжелых почвах текущий прирост лесных культур в высоту аналогичен, и сохраняется та же тенденция преимущества обработки корневых систем посадочного материала композиционным полимерным составом «Корпансил».

Таблица 3 – Рост лесных культур в зависимости от вида посадочного материала

Вид посадочного материала	Высота надземной части посадочного материала, см	Высота лесных культур по годам, см				
		2003	2004	2005	2006	2007
Однолетние сеянцы сосны	6	7	25	40	60	102
		9	28	46	73	114
Двулетние сеянцы сосны	12	16	23	35	51	110
		19	30	48	76	129

Примечание: в числителе приведены данные текущего роста лесных культур в высоту без обработки корневых систем (контроль), в знаменателе – данные текущего роста лесных культур в высоту с обработкой корневых систем «Корпансилом».

В Республике Казахстан обследованы лесные культуры сосны обыкновенной, которые созданы в апреле 2012 года двулетними сеянцами с использованием композиционного полимерного препарата «Тамыркуш» на площади 5 га. Общая площадь лесных культур составляет 25 га. В апреле 2012 года проведена механизированная посадка (использовали лесопосадочную машину МПП). Расстояние между бороздами составляет 2,5–3,0 м, а в ряду между растениями – 0,70–0,85 м. Ширина борозды – 30 см, а высота борозды находится в пределах 10–15 см, в зависимости от микроповышения. В соответствии с нормативными документами РК нами заложены пробные площадки в 3-кратной повторности. На них было определено общее количество сохранившихся растений, а также количество погибших и усохших растений.

Обследование опытного участка лесных культур на площади 5,0 га с использованием композиционного полимерного состава «Тамыркуш» показало, что средняя высота растений составляет 14,0 см; диаметр корневой шейки – 3,1 мм; проекция кроны – 12 x 10 см. Количество сохранившихся растений на 100 м борозды составило 100 штук. Количество погибших растений – 40 шт. на 100 м.

Аналогично объекту № 1 в апреле 2012 года созданы лесные культуры на площади 20 га. Данный объект является контрольным вариантом по отношению к первому объекту, так как корневые системы не обрабатывали препаратом «Тамыркуш». Расстояние между бороздами составляет 2,5–3,0 м, а в ряду между растениями – 0,70–0,85 м. Ширина борозды – 30 см и высота борозды – 10–15 см. Средняя высота однолетних лесных культур составляет 11 см, диаметр корневой шейки – 2,7 мм, проекция кроны – 10 x 8 см. Количество сохранившихся растений на 100 м борозды составило 46 шт., а количество погибших растений составило 94 шт.

Полученные данные показывают, что обработка корневых систем композиционным полимерным препаратом способствует повышению приживаемости растений.

В Канонерском лесном питомнике Кара-Мурзинского лесничества было изучено влияние различных дражированных семян сосны обыкновенной на рост и развитие сеянцев. Проведенные исследования свидетельствуют о том, что биометрические показатели однолетних и двулетних сеянцев сосны обыкновенной, выращенных из дражированных семян, на 15–22% превосходят контрольные.

Аналогичные результаты по использованию дражированных семян саксаула черного получены в Казалинском лесном питомнике Кызылординской области.

Прорастание семян саксаула может происходить при содержании солей в 0–2 см слоя почвы в пределах 1,7%, в т. ч. ионов хлора – не более 0,4%. В горизонте 2–5 см эти показатели не должны превышать 4,1 и 2,1% соответственно. Эти данные служат основой создания насаждений при посеве семян саксаула черного.

Большое влияние на грунтовую всхожесть и дальнейший рост и развитие сеянцев саксаула черного оказывает температурный режим. Температура почвы на глубине 5 см (таблица 4) нарастала до 18 часов и составила до 34° С, увеличившись по сравнению с утренним временем на 20° С (в 2,4 раза), в то время как на контроле она повысилась в 2,6 раза. После 18 часов температура почвы на глубине 5 см начинает понижаться и устанавливается к вечеру в пределах 30,5° С в насаждениях и 28,5° С в открытом поле.

Таблица 4 – Средние микроклиматические данные в Казалинском лесном питомнике

Время наблюдений, час	В насаждениях							На контроле						
	температура воздуха, °C	относительная влажность воздуха, %	скорость ветра, м/с	температура почвы (°C) на глубине, см				температура воздуха, °C	относительная влажность воздуха, %	скорость ветра, м/с	температура почвы (°C) на глубине, см			
				5	10	15	20				5	10	15	20
9 ⁰⁰	8,1	69,0	0	14,0	19,5	22,0	22,8	13,4	72,5	0	11,8	16,7	19,0	20,2
9 ³⁰	14,1	61,0	0	14,0	19,4	21,8	22,8	15,4	72,0	0	12,2	17,0	19,0	20,2
10 ⁰⁰	20,4	51,3	0,14	15,6	19,4	21,8	22,8	22,4	51,0	0,50	13,0	16,5	18,7	20,2
10 ³⁰	23,5	48,0	0,06	16,0	19	21,7	22,5	24,7	48,5	0,37	14,1	16,5	18,7	20,2
11 ⁰⁰	26,1	47,6	0,16	16,5	19	21,5	22,7	26,4	48,5	0,16	15,7	16,6	18,7	20,2
11 ³⁰	27,1	41,7	0,07	17,0	19	21,3	22,5	27,6	47,0	0,30	17,70	17,0	18,7	20,2
12 ⁰⁰	28,5	38,3	0,04	18,3	19,1	21,2	22,5	28,6	41,5	0,76	19,45	17,2	18,5	20
12 ³⁰	28,9	38,0	0,17	19,0	19,3	21,2	22,3	29,4	39,0	1,04	21,35	17,8	18,5	19,8
13 ⁰⁰	30,1	35,3	0,25	20,2	19,7	21,2	22,2	30,2	41,0	1,54	23,2	18,5	18,7	19,8
13 ³⁰	30,8	35,3	0,23	21,5	20	21,2	22,2	29,0	38,5	1,31	24,7	19,0	18,9	19,8
14 ⁰⁰	30,6	32,7	0,40	22,8	20,8	21,3	22,1	29,9	35,0	2,05	26,1	19,8	19,0	19,8
14 ³⁰	31,1	32,7	0,42	24,4	21,3	21,3	22,1	30,9	40,0	1,43	27,4	20,7	19,3	19,8
15 ⁰⁰	32,2	32,0	0,28	26,2	21,9	21,3	22,2	30,6	36,0	1,63	28,3	21,5	19,5	19,8
15 ³⁰	31,5	27,3	0,28	27,3	22,7	21,7	22,2	29,6	30,0	1,84	29,2	22,2	20,0	19,8
16 ⁰⁰	32,5	28,7	0,34	29,3	23,5	22,0	22,2	30,6	32,5	1,19	30,0	22,9	20,2	20,1
16 ³⁰	33,0	28,3	0,53	30,5	24,5	22,4	22,2	31,4	31,5	2,24	30,7	23,3	20,6	20,2
17 ⁰⁰	32,0	29,3	0,46	31,7	25,2	22,5	22,2	30,7	30,0	1,71	31,1	24,2	21,1	20,2
17 ³⁰	30,2	29,3	0,13	32,2	26,0	23,0	22,3	28,8	32,0	0,94	31,3	24,8	21,5	20,2
18 ⁰⁰	32,5	28,3	0,28	34,0	26,7	23,5	22,6	31,4	29,0	1,5	31,2	25,4	21,7	20,4
18 ³⁰	32,9	25,7	0,35	32,6	27,1	23,6	22,7	32,2	26,5	2,0	31,2	25,6	22,0	20,6
19 ⁰⁰	31,8	30,0	0,42	32,5	27,3	24,0	22,8	31,9	30,5	1,8	31,0	25,8	22,5	20,7
19 ³⁰	30,9	29,0	0,14	32,5	27,7	24,4	23,1	30,8	30,0	0,99	30,5	26	22,7	20,7
20 ⁰⁰	29,7	28,7	0,19	31,8	27,9	24,5	23,2	30,2	28,5	1,06	30,1	26,2	22,8	20,8
20 ³⁰	28,3	30,3	0,16	31,3	27,8	24,8	23,5	29,1	31,0	2,14	29,3	26,2	22,8	21,1
21 ⁰⁰	25,1	33,0	0,04	30,5	27,7	24,8	23,5	25,8	34,0	1,61	28,5	26,2	22,8	21,1

На 20-сантиметровой глубине температура почвы относительно выше в утренние часы и составляет $22,8^{\circ}\text{C}$, затем она понижается до 14 часов на $0,7^{\circ}\text{C}$, после чего идет ее повышение до $23,5^{\circ}\text{C}$. Аналогичная динамика этого показателя проявляется и на контроле, но только с уменьшенной величиной на $2,4\text{--}2,6^{\circ}\text{C}$.

Температура воздуха в утренние часы на контроле наименьшая и равна $8,1^{\circ}\text{C}$ и $13,4^{\circ}\text{C}$ соответственно. К 16^{30} она повышается внутри насаждений и на контроле, соответственно до 33°C и $31,4^{\circ}\text{C}$ с превышением в насаждениях на $1,6^{\circ}\text{C}$. Превышение температуры воздуха внутри насаждений над контролем за период наблюдений незначительное и колеблется в пределах $0,1\text{--}1,9^{\circ}\text{C}$.

Наибольшая относительная влажность воздуха отмечается в утренние часы (69% – в насаждениях и $72,5\%$ – в открытом поле). По мере нарастания дневной температуры воздуха ее показатели снижаются до $25,7\%$ в насаждениях и до $26,5\%$ на контроле, не имея достоверной разности.

Прослежена динамика формирования корневых систем и образование на них микоризы у семян сосны в течение двух лет. Динамика развития корней представлена в таблице 5.

Таблица 5 – Динамика развития корневых систем семян сосны по вариантам опыта

Варианты с внесением компостов	Число корней I порядка, шт.		Число корней II порядка, шт.		Число корней III порядка, шт.	
	M_1	Π_1	M_1	Π_1	M_1	Π_1
	M_2	Π_2	M_2	Π_2	M_2	Π_2
Контроль	$21,6 \pm 2,56$ $17,6 \pm 3,37$		$40,3 \pm 10,00$ $109,4 \pm 18,55$		0,0 $17,2 \pm 4,58$	
Хвойная кора + торф + помет (4:1:1)	$26,1 \pm 1,60$ $37,8 \pm 2,25$	$120,8$ $214,8$	$122,2 \pm 16,08$ $106,2 \pm 23,85$	$303,2$ $97,1$	$23,6 \pm 5,26$ $36,6 \pm 8,39$	0,0 $212,8$
Хвойная кора + куриный помет (4:1)	$23,3 \pm 1,28$ $18,9 \pm 2,47$	$107,9$ $107,4$	$75,6 \pm 11,36$ $114,0 \pm 17,05$	$187,6$ $109,6$	$15,5 \pm 5,72$ $12,0 \pm 2,74$	0,0 $69,8$
Хвойная кора + торф + помет + полимерный структурообразователь (4:1:1:0,5)	$22,8 \pm 3,01$ $35,8 \pm 3,81$	$105,6$ $203,4$	$54,2 \pm 13,83$ $97,7 \pm 12,24$	$134,5$ $89,3$	$9,7 \pm 2,89$ $9,0 \pm 2,09$	0,0 $52,3$

Примечание: В числителе – средние показатели однолетних семян (M_1) и процент отношения к контролю средних показателей однолетних семян (Π_1). В знаменателе – средние показатели двулетних семян (M_2) и процент отношения к контролю средних показателей двулетних семян (Π_2).

Анализ таблицы 5 показал, что семена в вариантах опыта, где вносились компосты, имели более развитую корневую систему, которая характеризовалась увеличением числа корней I, II и III порядков.

Изучение динамики формирования микоризы на корнях семян сосны в течение двух вегетационных периодов (таблица 6) показало, что у однолетних контрольных растений на корнях 98% микоризы было представлено только булавовидной формой. При этом в вариантах опыта на корнях семян выявлена микориза не только булавовидной, но также вильчатой и коралловидной форм. Наибольший процент образования сложной коралловидной формы микоризы отмечен на опытном участке после внесения корового компоста с полимерным структурообразователем почвы.

Таблица 6 – Динамика формирования микоризы на корнях семян сосны в течение двух вегетационных периодов по вариантам опыта

Вариант внесенного компоста	Формы микориз на корнях семян, %					
	булавовидная		вильчатая		коралловидная	
	однолетние сеянцы	двулетние сеянцы	однолетние сеянцы	двулетние сеянцы	однолетние сеянцы	двулетние сеянцы
Контроль	$98,2 \pm 2,72$	$24,0 \pm 8,72$	$1,8 \pm 0,16$	$40,0 \pm 7,07$	не отмечено	$36,0 \pm 12,49$
Хвойная кора + торф + помет (4:1:1)	$70,4 \pm 3,91$	$27,0 \pm 11,58$	$19,6 \pm 0,31$	$24,0 \pm 4,00$	$10,0 \pm 0,21$	$49,0 \pm 12,49$
Хвойная кора + помет (4:1)	$81,5 \pm 2,15$	$21,0 \pm 6,40$	$13,5 \pm 0,27$	$35,0 \pm 8,66$	$4,0 \pm 0,35$	$46,0 \pm 15,03$
Хвойная кора + торф + помет + полимерный структурообразователь (4:1:1:0,5)	$38,0 \pm 2,07$	$30,0 \pm 9,03$	$39,0 \pm 0,33$	$28,0 \pm 3,31$	$23,0 \pm 0,19$	$42,0 \pm 11,97$

Анализ динамики развития корневых систем у двухлетних сеянцев сосны и образования на них микоризы показал, что как на контроле, так и в вариантах опыта на корневых системах растений отмечается развитие трех форм микоризных окончаний: булавовидной, вильчатой и коралловидной. Однако в вариантах после внесения компостов с органоминеральными добавками и полимерным структурообразователем процент развития сложной коралловидной формы микоризы в 1,4 раза превышал этот показатель на контроле. Причем коралловидные микоризы в виде скоплений по 32–48 шт. в одной точке отмечались на корнях I, II и III порядков.

Следовательно, увеличение числа корней и их длины на корневых системах сеянцев во второй вегетационный период повлияло на активное формирование развитых (коралловидных) форм микоризных окончаний и привело к увеличению степени микоризности растений. Особенно это отразилось в вариантах опыта после внесения коровьих компостов с органоминеральными добавками и полимерным структурообразователем почвы (рисунок 1).

Рисунок 1 – Динамика показателя плотности микоризы на корневых системах сеянцев сосны по вариантам опыта в течение 2 вегетационных периодов

Из рисунка 1 видно, что показатель плотности микоризы на корнях двухлетних сеянцев в вариантах после внесения компостов с целевыми добавками превышал контроль в 1,5–1,7 раза.

Выводы

Использование КПС для предпосевной подготовки семян позволяет получать дражированные, гранулированные и инкрустированные семена, что обеспечивает равномерный их посев на поверхности почвы, снижает до 15–22% норму высева семян и обеспечивает нормативный выход стандартного посадочного материала.

Предпосадочная обработка корневых систем специальными модифицированными полимерными составами позволяет повысить приживаемость лесных культур и продлевает период их создания на 20–25 дней.

Для успешного прорастания семян саксаула черного и роста сеянцев содержание водорастворимых солей в 0–5 см слоя почвы не должно превышать 2,8%, в том числе ионов хлора – не более 0,5%, натрия – не более 0,3%. Сочетание этих солей оказало токсическое действие на растения. Кроме того, обязательным условием прорастания семян является наличие песчаного чехла, который под действием осадков опресняется и препятствует выпотному режиму засоления.

Літэратура

1. Коваль, И. А. Проект сохранения лесов и увеличения лесистости территории Казахстана на 2007–2012 годы / И. А. Коваль // Современное состояние лесного хозяйства и озеленения в Республике Казахстан: проблемы, пути их решения и перспективы. – Алматы, 2007. – С. 20–25.

2. Методические рекомендации по лесоразведению на осушенном дне Аральского моря / сост.: В. С. Каверин, А.-Б. А. Салимов, П. Ф. Шахматов / КазНИИЛХ ; утв. Ученым советом НПП лесного хоз-ва 12.12.2008, пр. № 8 и НТС Комитета лесного и охотн. хоз-ва МСХ РК 07.10.2009 г., пр. № 1. – Щучинск, 2009. – 19 с.

3. Родин, А. Р. Перспективы использования полимеров в лесокультурном производстве / А. Р. Родин // Лесное хозяйство. – 1990. – № 12. – С. 11–15.

4. Копытков, В. В. Композиционные полимерные материалы при лесовыращивании / В. В. Копытков. – Минск : изд. дом «Белорусская наука», 2008. – 304 с.

Summary

The paper reports the results of an investigation on the use of polymeric compounds in the *Pinus sylvestris* and *Haloxylon aphyllum* seedling production and covers the effects of different techniques for presowing seed treatment on the growth and development of the seedlings.

The treatment of root systems of forest tree seedlings with the polymeric compounds ‘Korpansil’ and ‘Tamyrkush’ was demonstrated to encourage the survival of the plants and increase the current height increment of artificial stands.

Поступила в редакцию 29.08.12.

МГТУ ИМ. И.П.ШАМЯКИНА

УДК 591.9:597.2(476.2)

ВИДОВОЕ РАЗНООБРАЗИЕ ИХТИОФАУНЫ МАЛЫХ РЕК ЕЛЬСКОГО РАЙОНА**А. П. Кудрицкая**магистр биологических наук,
учитель биологии СШ № 2 г. Хойники**Н. А. Лебедев**кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
доцент кафедры природопользования и охраны природы,
проректор по учебной работе УО МГПУ им. И. П. Шамякина

Приведены сведения о видовом разнообразии рыб в трех малых реках Ельского района. Установлено, что видовой состав ихтиофауны в исследованных водотоках представлен 12 видами, относящимися к 4 отрядам, 6 семействам и 12 родам. Максимальное количество видов наблюдалось на нижнем участке р. Батывля.

Введение

Республика Беларусь располагает хорошо развитой речной системой, в которой большинство водотоков (19,3 тысяч из 20,8 тысяч) являются малыми реками [1]. В последние десятилетия в водоемах многих стран мира наблюдается исчезновение одних (обычно ценных в промысловом отношении) и появление новых видов рыб (так называемых сорных) или происходят изменения в структуре рыбного населения (обычно негативные). Причем в эволюционном масштабе времени эти изменения носят стремительный характер. Так, во второй половине XX века в водную систему Беларуси проник и быстро распространился, в том числе и в бассейне р. Припять [2], [3], инвазийный вид – ротан-головешка. Считается [4], что появление новых видов рыб в фауне Беларуси может привести к серьезным экологическим, социальным и экономическим последствиям.

С точки зрения проведения ихтиологического мониторинга особый интерес представляет бассейн р. Припять [5]. По данным Д. Ф. Куницкого, В. К. Ризевского [6], в водоемах бассейна р. Припять до последнего времени встречался 51 вид рыб, относящийся к 7 отрядам, 14 семействам и 40 родам. Всего же в водоемах Беларуси в настоящее время насчитывается 63 вида рыб [7]. Таким образом, в Припяти встречается свыше 80% видов рыб от всего видового разнообразия ихтиофауны Беларуси, в том числе рыбы, занесенные в Красную книгу Республики Беларусь [8]. Если ихтиофауна р. Припять исследована достаточно хорошо, то исследования ихтиофауны малых рек бассейна р. Припять носили фрагментарный характер или вообще не проводились. В этой связи целью работы явилось определение видового разнообразия рыб в трех малых реках Ельского района.

Методы исследования. Сбор материала проведен в июне–ноябре 2011 г. на реках Батывля, Ясенец и Мытва. При выборе рек для исследований учитывались следующие факторы: отсутствие научных данных; принадлежность к малым рекам; расположение в северной, центральной и южной частях Ельского района. В качестве орудия лова использован сачок с металлической рамой размером 40 x 50 см с ячейей 8 мм.

Река Батывля. Протекает по территории Лельчицкого и Ельского районов, левый приток р. Словечно (правый приток р. Припять). Участок отлова № 1 (рисунок 1) расположен в низовье р. Батывля, вблизи д. Кузьмичи, и характеризуется наличием песчаных перекатов, небольших мелководных заводей, развитой водной растительностью. Грунт песчано-илистый, в ямах дно заилено. На данном участке отмечено большое разнообразие биотопов. Находящийся выше по течению участок отлова № 2 расположен вблизи д. Заширь, характеризуется замедленным течением, грунт песчано-илистый, местами илисто-песчаный. Протяженность участков отлова составила около 400 м каждого, глубина – от 0,3 до 1,3 м.

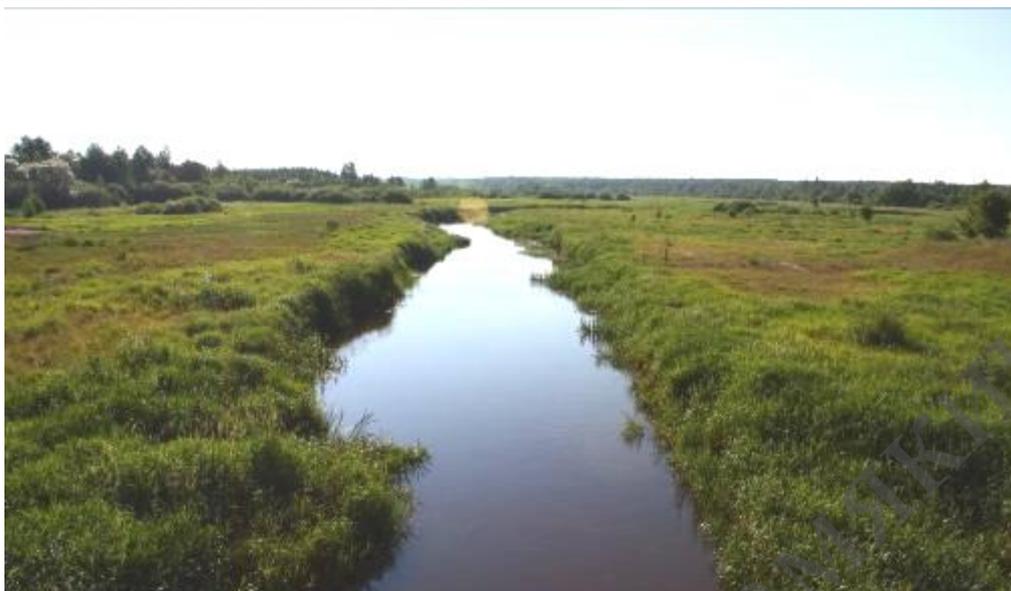

Рисунок 1 – Участок отлова № 1 на р. Батывля (собственное фото, 2011)

Река Ясенец. В Беларуси протекает по территории Ельского района, правый приток р. Словечно. Участок отлова (рисунок 2) протяженностью около 800 м характеризуется извилистостью, наличием сужений и расширений, песчаных перекатов, ям, небольших стариц, часто встречаются подводные коряги. Грунт песчано-илистый, иногда полностью песчаный, хорошо развита водная растительность, местами перекрывающая русло реки. Таким образом, на относительно небольшом участке р. Ясенец также отмечено большое разнообразие биотопов. На участке отлова выявлена болотная черепаха.

Рисунок 2 – Участок отлова на р. Ясенец (собственное фото, 2011)

Река Мытва. Правый приток р. Припять, протекает по территории Мозырского, Ельского и Наровлянского районов. Протяженность участка отлова (вблизи д. Мазуры) – около 800 м, средняя глубина – 50–60 см. Грунт песчаный, местами илистый, по берегам развита водная растительность (рисунок 3).

Рисунок 3 – Участок отлова на р. Мытва (собственное фото, 2011)

Поскольку в ходе исследований были изучены относительно небольшие участки водотоков и использовано только одно орудие отлова, то полученные нами данные по видовому разнообразию ихтиофауны исследованных рек не следует считать абсолютными.

Результаты исследования и их обсуждение

Общее количество рыб, отловленных в реке Батывля, составило 99 экземпляров. Распределение видов по численности приведено в таблице 1.

Таблица 1 – Распределение видов рыб по численности в уловах на обследованных участках (июнь–август 2011 г.)

Вид	Количество отловленных рыб, экз.					Итого: экз. (доля, %)
	Участок № 1			Участок № 2		
	11.06	02.07	20.08	29.06	20.08	
Горчак обыкновенный <i>Rhodeus sericeus amarus</i> (Bloch)	6	1	12	14	5	38 (38,4%)
Плотва обыкновенная <i>Rutilus rutilus rutilus</i> L.	4	12	8	–	–	24 (24,2%)
Пескарь обыкновенный <i>Gobio gobio gobio</i> L.	6	–	–	6	3	15 (15,2%)
Щиповка обыкновенная <i>Cobitis taenia</i> L.	1	5	–	1	–	7 (7,1%)
Щука обыкновенная <i>Esox lucius</i> L.	1	1	3	–	–	5 (5,1%)
Уклейка обыкновенная <i>Alburnus alburnus alburnus</i> L.	1	2	1	–	–	4 (4,1%)
Краснопёрка <i>Scardinius erythrophthalmus</i> L.	2	–	–	–	–	2 (2,0%)
Окунь речной <i>Perca fluviatilis</i> L.	–	–	2	–	–	2 (2,0%)
Густера <i>Blicca bjoerkna</i> L.	1	–	–	–	–	1 (1,0%)
Карась серебряный <i>Carassius auratus gibelio</i> (Bloch)	–	–	–	1	–	1 (1,0%)
Итого	22	21	26	22	8	99 (100%)

Как видно из таблицы 1, наиболее многочисленным видом в р. Батывля как на первом, так и на втором участках является *Rhodeus sericeus amarus* (Bloch) (38,4% от общего вылова рыб). В несколько меньших процентных соотношениях представлены *Rutilus rutilus rutilus* L. и *Gobio gobio gobio* L., составившие 24,2% и 15,2% от общего вылова соответственно. Выявление на втором участке серебряного карася может быть связано с близким расположением пруда д. Заширье, откуда он и попадает в водоток.

Выявленные в р. Батывля виды рыб относятся к двум фаунистическим комплексам:

1) *бореальный равнинный*: плотва обыкновенная, пескарь обыкновенный, щиповка обыкновенная, щука обыкновенная, окунь речной, карась серебряный (**60,0%**);

2) *понтотаспийский пресноводный*: горчак обыкновенный, уклейка обыкновенная, красноперка, густера (**40,0%**).

Общее количество рыб, выловленных в р. Ясенец, составило 50 экземпляров. Данные о видовом составе рыб р. Ясенец приведены в таблице 2.

Таблица 2 – Распределение видов рыб по численности на участке р. Ясенец (июнь–август 2011 г.)

Вид	Количество отловленных рыб, экз.		Итого: экз. (%)
	18.06	27.08	
Пескарь обыкновенный <i>Gobio gobio gobio</i> L.	12	13	25 (50%)
Уклейка обыкновенная <i>Alburnus alburnus alburnus</i> L.	4	6	10 (20%)
Плотва обыкновенная <i>Rutilus rutilus rutilus</i> L.	5	–	5 (10%)
Щиповка обыкновенная <i>Cobitis taenia</i> L.	3	–	3 (6%)
Голец усатый <i>Barbatula barbatula</i> (L.)	1	2	3 (6%)
Горчак обыкновенный <i>Rhodeus sericeus amarus</i> (Bloch)	–	2	2 (4%)
Щука обыкновенная <i>Esox lucius</i> L.	1	1	2 (4%)
Итого	26	24	50 (100%)

Распределение видов по численности (таблица 2) показывает, что доминирующими на данном участке р. Ясенец являются *Gobio gobio gobio* L. – 50% и *Alburnus alburnus alburnus* L. – 20%, т.е. виды с коротким жизненным циклом. По сравнению с уловом р. Батывля видовой состав р. Ясенец отличается отсутствием *Scardinius erythrophthalmus* L., *Blicca bjoerkna* L., *Carassius auratus gibelio* (Bloch) и небольшим количеством экземпляров *Rhodeus sericeus amarus* (Bloch). Однако на определенных биотопах был выявлен *Barbatula barbatula* (L.), принадлежащий к семейству Балиторовые (Balitoridae).

Выявленные виды рыб р. Ясенец относятся к трем фаунистическим комплексам:

1) *бореальный равнинный*: пескарь обыкновенный, плотва обыкновенная, щиповка обыкновенная, щука обыкновенная (**57%**);

2) *понтотаспийский пресноводный*: уклейка обыкновенная, горчак обыкновенный (**29%**);

3) *бореальный предгорный*: голец усатый (**14%**).

Как по способу питания, так и по используемым нерестовым субстратам сложившаяся структура ихтиоценоза р. Ясенец обеспечивает наиболее полное использование как кормовой базы, так и пригодных для размножения мест в реке.

Распределение видов по численности на обследованном участке р. Мытва представлено в таблице 3.

Таблица 3 – Распределение видов рыб по видовому составу и численности в уловах на обследованном участке р. Мытва (октябрь–ноябрь 2011 г.)

Вид	Количество отловленных рыб, экз.		Итого: экз. (%)
	01.10.11	05.11.11	
Окунь речной <i>Perca fluviatilis</i> L.	64	11	75 (69,4%)
Щиповка обыкновенная <i>Cobitis taenia</i> L.	11	9	20 (18,5%)
Пескарь обыкновенный <i>Gobio gobio gobio</i> L.	4	–	4 (3,7%)
Голец усатый <i>Barbatula barbatula</i> (L.)	3	1	4 (3,7%)
Горчак обыкновенный <i>Rhodeus sericeus amarus</i> (Bloch)	–	1	1 (0,9%)
Плотва обыкновенная <i>Rutilus rutilus rutilus</i> L.	1	–	1 (0,9%)
Уклейка обыкновенная <i>Alburnus alburnus alburnus</i> L.	1	–	1 (0,9%)
Карась серебряный <i>Carassius auratus gibelio</i> (Bloch)	–	1	1 (0,9%)
Колюшка трехиглая <i>Gasterosteus aculeatus</i> L.	1	–	1 (0,9%)
Итого	85	23	108 (100%)

Всего в р. Мытва было отловлено 108 экземпляров рыб, принадлежащих к 9 видам, 3 отрядам, 3 семействам и 9 родам (таблица 3). Основу улова составил *Perca fluviatilis* L. (69,4% от общего количества выловленных рыб). Помимо окуня, к числу распространенных видов можно отнести *Cobitis taenia* L. (18,5% от общего вылова). Равные процентные соотношения имеют *Gobio gobio gobio* L. и *Barbatula barbatula* (L.) – 3,7%.

В отличие от рыб рек Батывля и Ясенец, относящихся к 2 и 3 фаунистическим комплексам соответственно, для выявленных рыб р. Мытва установлена принадлежность к 4 фаунистическим комплексам:

- 1) *понтотанский пресноводный*: уклейка обыкновенная, горчак обыкновенный (**22%**);
- 2) *бореальный равнинный*: окунь речной, плотва обыкновенная, карась серебряный, щиповка обыкновенная, пескарь обыкновенный (**56%**);
- 3) *арктический морской*: колюшка трехиглая (**11%**);
- 4) *бореальный предгорный*: голец усатый (**11%**).

Вероятнее всего, это обусловлено тем обстоятельством, что в отличие от рек Батывля и Ясенец, являющихся притоками р. Словечно, р. Мытва впадает непосредственно в р. Припять. Крайне разнообразным у выявленных видов рыб был используемый нерестовой субстрат (растительность, двустворчатые моллюски, песок и др.), также весьма варьировали сроки размножения.

Выводы

Всего в малых реках Ельского района (р. Батывля, р. Мытва и р. Ясенец) выявлено 12 видов рыб, относящихся к 4 отрядам, 6 семействам и 12 родам.

Отряд Лососеобразные (Salmoniformes)

Семейство Щуковые (Esocidae)

Род *Esox* Щуки

1. Щука обыкновенная *Esox lucius* L.

Отряд Карпообразные (Cypriniformes)**Семейство Карповые (Cyprinidae)****Род *Alburnus* Уклейки**

2. Уклейка обыкновенная *Alburnus alburnus alburnus* L.

Род *Blicca* Густеры

3. Густера *Blicca bjoerkna* L.

Род *Carassius* Караси

4. Карась серебряный *Carassius auratus gibelio* (Bloch)

Род *Gobio* Пескари

5. Пескарь обыкновенный *Gobio gobio gobio* L.

Род *Rhodeus* Горчаки

6. Горчак обыкновенный *Rhodeus sericeus amarus* (Bloch)

Род *Rutilus* Плотвы

7. Плотва обыкновенная *Rutilus rutilus rutilus* L.

Род *Scardinius* Красноперки

8. Красноперка *Scardinius erythrophthalmus* L.

Семейство Балиторы (Balitoridae)**Род *Barbatula* Усатые гольцы**

9. Гольц обыкновенный *Barbatula barbatula* (L.)

Семейство Вьюновые (Cobitidae)**Род *Cobitis* Щиповки**

10. Щиповка обыкновенная *Cobitis taenia* L.

Отряд Колюшкообразные (Gasterosteiformes)**Семейство Колюшковые (Gasterosteidae)****Род *Gasterosteus* Трехиглые колюшки**

11. Колюшка трехиглая *Gasterosteus aculeatus* L.

Отряд Окунеобразные (Perciformes)**Семейство Окуневые (Percidae)****Род *Perca* Пресноводные окуни**

12. Окунь речной *Perca fluviatilis* L.

Наиболее полно в уловах представлено семейство Карповые – 7 видов, 1 видом представлены семейства Окуневые, Вьюновые, Щуковые, Балиторы и Колюшковые. Максимальное видовое разнообразие ихтиофауны отмечено на нижнем участке р. Батывля, расположенном в приустьевой зоне. В структуре рыбного населения малых рек Ельского района преобладающими являются виды с коротким жизненным циклом.

С биогеографических позиций ихтиофауна малых рек Ельского района разнородна и представлена четырьмя фаунистическими комплексами: бореальным равнинным – 6 видов (50,0%) (щука, карась, окунь, плотва, пескарь, щиповка); арктическим морским – 1 вид (8,3%) (колюшка трехиглая); понтокаспийским пресноводным – 4 вида (33,3%) (красноперка, густера, уклея, горчак), бореальным предгорным – 1 вид (8,3%) (голец). Большинство видов рыб относится к бореальному равнинному и к понтокаспийскому пресноводному комплексам.

На обследованных участках р. Батывля доминирующими видами рыб были такие аборигенные виды, как горчак обыкновенный (38,4%), плотва обыкновенная (24,2%) и пескарь обыкновенный (15,2%); на р. Ясенец – пескарь обыкновенный (50,0%), уклея обыкновенная (20,0%) и плотва обыкновенная (10,0%); на р. Мытва – окунь речной (69,4%) и щиповка обыкновенная (18,5%).

Сравнительный анализ видового разнообразия, низкая встречаемость и численность инвазивных видов рыб (карась серебряный) позволяют сделать вывод об отсутствии существенной антропогенной трансформации ихтиофауны исследованных малых рек Ельского района.

Літаратура

1. Блакітны скарб Беларусі: Рэкі, азёры, вадасховішчы, турысцкі патэнцыял водных аб'ектаў / Ю. А. Тарэў, У. І. Цярэнцьеў. – Мінск : БелЭн, 2007. – 480 с.
2. Обухович, И. И. Морфометрическая характеристика ротана-головешки *Perccottus glenii* Dybowski, 1877 из мелиоративного канала бассейна р. Припять / И. И. Обухович, Н. А. Лебедев, В. К. Ризевский // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та. – 2010. – № 1(26). – С. 7–11.
3. Ризевский, В. К. Изменения состава фауны рыб бассейна р. Припять за обозреваемый период времени / В. К. Ризевский // Прыроднае асяроддзе Палесся: асаблівасці і перспектывы развіцця : тэз. дакл. III Міжнар. навук. канф., Брэст, 7–9 чэрв. 2006 г. / Палескі аграрна-экалагічны ін-т ; рэдкал.: М. В. Міхальчук (адк. рэд.) [і інш.]. – Брэст, 2006. – С. 149.
4. Ризевский, В. К. Потенциально новые виды рыб водоемов бассейна р. Припять на территории Беларуси / В. К. Ризевский, В. М. Плюта // Современные экологические проблемы устойчивого развития Полесского региона и сопредельных территорий: наука, образование, культура : материалы 3-го Междунар. науч.-практ. конф. : в 3 ч. / редкол.: В. В. Валетов [и др.]. – Мозырь, 2007. – Ч. 1. – С. 198–200.
5. Валетов, В. В. Видовое разнообразие рыб в уловах на участке реки Припять в летний период / В. В. Валетов, Н. А. Лебедев, В. К. Ризевский // Весн. Мазыр. дзярж. пед. ун-та. – 2009. – № 1(21). – С. 7–15.
6. Куницкий, Д. Ф. Современный состав ихтиофауны водоемов бассейна р. Припять / Д. Ф. Куницкий, В. К. Ризевский // Прыроднае асяроддзе Палесся: сучасны стан і яго змены – Natural environment of Polesie: Present situation and changes, Люблін – Шацк – Брэст, 17–21 чэрв. 2002 г. : матэрыялы канф. : пол.-укр.-бел. Міжнар. канф. : у 2 ч. – Ч. 2. – С. 380–385.
7. Лещенко, А. Наша ихтиофауна / А. Лещенко // Родная прырода. – 2010. – № 11. – С. 25–43.
8. Красная книга Республики Беларусь: Редкие и находящиеся под угрозой исчезновения виды диких животных / редкол.: Г. П. Пашков (гл. ред.) [и др.]. – Минск : БелЭн, 2006. – 320 с.

Summary

There is information about fish species variety of some small rivers of Yelsk region. It is found out that specious variety of ichthyofauna of research rivers is 12 species, referred to 4 orders, 6 families and 12 genus. Maximum quantity of species was found out in the lower reaches of the Batyvlya.

Поступила в редакцию 04.09.12.

УДК 598.243.8:591.5

ИЗМЕНЧИВОСТЬ ЛИНЕЙНЫХ РАЗМЕРОВ И ФОРМЫ ЯИЦ ПТИЦ ПОДСЕМЕЙСТВА STERNINAE

О. А. Назарчук

ассистент кафедры биологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина

Сравнительный анализ ооморфологических параметров двух модельных видов крачек, гнездящихся в местообитаниях с различной степенью антропогенной трансформации, выявил статистически значимые отличия формы яиц. Форма яиц является информативным параметром, который целесообразно использовать в биоиндикационных исследованиях.

Введение

Изучение оологических параметров птиц вызывает повышенный интерес у орнитологов разных стран с начала XX века. Особую актуальность приобрело выделение наиболее важных оологических параметров птиц, которые могут быть применены при решении общебиологических и экологических вопросов. Такими параметрами могут быть параметры формы и размеров яиц модельных видов птиц.

Регион и методы исследований. Исследования проводились на территории юго-востока Беларуси в весенне-летний период 2005–2007 года. В качестве стационаров был выбран участок поймы реки Припять на территории Житковичского и Мозырского районов, а также участок агробиоценоза на территории Ветковского района.

В основу типологической характеристики местообитаний птиц семейства *Laridae* были положены следующие формы воздействия на территории, прилегающие к изучаемым поселениям: сельскохозяйственная освоенность территорий, а также выполнение хозяйственных работ; загрязнение территорий, прилегающих к поселениям крачек, органикой сельскохозяйственных животных и фактор беспокойства.

Учитывая интенсивность воздействия отмеченных факторов, было выделено три типа местообитаний: слабоизмененные, измененные и сильноизмененные. Установлено гнездование белокрылой крачки в местообитаниях трех типов, для речной крачки выделено два типа местообитаний.

За период исследования было описано 571 яйцо речной крачки (*Sterna hirundo*) и 335 яиц белокрылой крачки (*Chlidonias leucopterus*).

Для выполнения работы применялась методика оценки яйца, предложенная в 1988 году эстонским орнитологом Райво Мяндром [1]. На основании снятых с яиц промеров определялись: линейные размеры, объем, параметры формы (индекс округленности (*Sph*), индекс оvoidности (*Ov*), индекс грушевидности (*Psh*), индекс конусовидности (*Con*), индекс выпуклости (*Bec*), индекс заостренности (*Sec*), индекс полноты (*Pmp*)).

Статистический анализ данных произведен с использованием пакета прикладных статистических программ STATISTICA 6.0.

Результаты исследования и их обсуждение

Сравнительный анализ линейных размеров и объема яиц речной крачки двух исследуемых местообитаний с различным уровнем антропогенной нагрузки выявил незначительное уменьшение длины, наибольшего диаметра и объема яиц в сильноизмененном местообитании (таблица 1).

Таблица 1 – Линейные размеры и объем яиц речной крачки (Kruskal–Wallis Test, $p > 0,05$)

Местообитание	N	Длина, мм	Наибольший диаметр, мм	Объем, мм ³
слабоизмененное	223	41,43 ± 0,11	30,66 ± 0,07	19,90 ± 0,12
сильноизмененное	348	41,30 ± 0,11	30,61 ± 0,05	19,77 ± 0,10

В сильноизмененном местообитании изучаемого вида степень изменчивости данного параметра яиц больше ($\sigma = 2,00$), чем в слабоизмененном местообитании ($\sigma = 1,69$). Размах, отражающий пределы изменчивости длины яиц, почти в два раза выше в местообитании, испытывающем повышенную антропогенную нагрузку. В сильноизмененном местообитании речной крачки $R = 16,00$, в то время как в слабоизмененном – $R = 9,00$. В местообитании, испытывающем повышенную антропогенную нагрузку, отмечается увеличение доли яиц речной крачки с наибольшей длиной. На это указывает отрицательная асимметрия длины яиц речной крачки ($As = -0,23$). В слабоизмененном местообитании наблюдается обратное ($As = 0,31$). Значимый крутовершинный эксцесс длины яиц речной крачки, гнездящейся в сильноизмененном местообитании, свидетельствует о повышенном накоплении частот длины яиц со средними значениями параметра ($Ex = 1,89$). В слабоизмененном местообитании эксцесс длины яиц речной крачки незначительный плосковершинный ($Ex = -0,05$). При изменчивых условиях среды наблюдается большая вариабельность длины яиц речной крачки.

Диаметр оказывает наиболее существенное влияние на величину объема и форму яйца. Вариабельность наибольшего диаметра яиц речной крачки в двух исследуемых местообитаниях незначительна. Так, в местообитании, испытывающем наибольшую антропогенную нагрузку, размах (R) распределения частот данного параметра составляет 6,00, а в слабоизмененном местообитании – $R = 5,00$. Величина среднего квадратического отклонения наибольшего диаметра практически одинакова в двух исследуемых местообитаниях (в сильноизмененном местообитании – $\sigma = 1,03$, в слабоизмененном местообитании – $\sigma = 1,04$).

Объем яиц напрямую зависит от длины и диаметра. Степень изменчивости объема яиц речной крачки выше в местообитании, испытывающем повышенную антропогенную нагрузку ($R = 11,24$; $\sigma = 1,85$) по сравнению со слабоизмененным местообитанием ($R = 9,80$; $\sigma = 1,77$).

Таким образом, все количественные показатели яиц речной крачки проявляют невысокую степень изменчивости. Однако сравнительный анализ показал, что степень изменчивости наибольшего диаметра яиц меньше по сравнению с длиной и объемом яиц. Это может свидетельствовать о том, что данный параметр контролируется отбором и генетически запрограммирован. Сравнивая степень изменчивости изучаемых параметров яиц речной крачки между двумя местообитаниями, можно отметить, что вариабельность длины, наибольшего диаметра и объема яиц изучаемого вида больше в сильноизмененном местообитании.

Для анализа формы яиц речной крачки были рассчитаны индексы округленности, овоидности, грушевидности, конусовидности, выпуклости, заостренности и полноты. Форма яиц эволюционировала от типично овоидной у палеорнисов в сторону увеличения доли каплевидной у паранеорнисов и неорнисов [2]. Для отряда Ржанкообразные (*Charadriiformes*), к которому относятся птицы семейства *Laridae*, характерна каплевидная форма яиц.

Подавляющее большинство рассматриваемых индексов формы яиц речной крачки, гнездящейся в местообитаниях с различной степенью антропогенной нагрузки, не имеет статически значимых отличий (Kruskal–Wallis Test, $p > 0,05$). Исключение составляет только индекс овоидности, который имеет наибольшее значение для яиц речной крачки, гнездящейся в сильноизмененном местообитании (таблица 2).

Таблица 2 – Форма яиц речной крачки

Индекс	Слабоизмененное	Сильноизмененное
	М ± m	М ± m
округленности (Sph)	74,11 ± 0,22	74,26 ± 0,21
овоидности (Ov)	0,75 ± 0,008	1,08 ± 0,02
грушевидности (Psh)	5,21 ± 0,24	5,20 ± 0,20
конусовидности (Con)	4,55 ± 0,22	4,51 ± 0,17
выпуклости (Vec)	0,72 ± 0,004	0,72 ± 0,003
заостренности (Sec)	0,63 ± 0,004	0,62 ± 0,003
полноты (Pmp)	0,29 ± 0,001	0,29 ± 0,0008

Самки речной крачки, гнездящиеся в местообитаниях с повышенной степенью антропогенной нагрузки, откладывают яйца, имеющие больший индекс овоидности ($Ov = 1,08 \pm 0,02$), чем в слабоизмененных местообитаниях ($Ov = 0,75 \pm 0,008$). Данные отличия имеют высокую степень статистической значимости (Kruskal–Wallis Test, $H = 107,22$ $p = 0,0001$).

Сравнительный анализ длины яиц белокрылой крачки выявил незначительное увеличение данного показателя по мере повышения антропогенной нагрузки на местообитания птиц (таблица 3).

Таблица 3 – Линейные размеры и объем яиц белокрылой крачки (Kruskal–Wallis Test, $p > 0,05$)

Местообитание	N	Длина, мм	Наибольший диаметр, мм	Объем, мм ³
слабоизмененное	147	35,23 ± 0,14	25,89 ± 0,08	12,07 ± 0,10
измененное	92	35,29 ± 0,15	25,85 ± 0,09	12,05 ± 0,12
сильноизмененное	96	35,54 ± 0,13	25,78 ± 0,09	12,06 ± 0,10

Величина наибольшего диаметра яиц, наоборот, уменьшается в направлении сильноизмененного местообитания. Для объема яиц белокрылой крачки, гнездящейся в местообитаниях с разной степенью антропогенной нагрузки, отличий не выявлено.

Степень изменчивости ооморфологических параметров белокрылой крачки различна. Наибольшей изменчивостью характеризуется длина яиц. Кроме того, величина изменчивости данного параметра яиц несколько отличается в трех исследуемых местообитаниях белокрылой крачки. В слабоизмененном местообитании размах распределения длины яиц белокрылой крачки, интерквартильная широта и среднее квадратическое отклонение данного параметра имеют максимальные значения ($R = 10,00$; $Qr = 2,00$; $\sigma = 1,66$). В измененном местообитании белокрылой крачки показатели степени изменчивости длины яиц ниже ($R = 7,00$; $Qr = 2,00$; $\sigma = 1,43$). В сильноизмененном местообитании изучаемого вида размах распределения частот длины яиц не имеет отличий по сравнению с измененным местообитанием ($R = 7,00$). Область повышенного накопления частот длины яиц белокрылой крачки в сильноизмененном местообитании ниже по сравнению с другими рассматриваемыми местообитаниями ($Qr = 1,45$). Величина среднего квадратического отклонения также минимальна ($\sigma = 1,32$). Обобщив вышесказанное, можно отметить, что с повышением антропогенного воздействия на местообитания белокрылой крачки происходит уменьшение длины их яиц.

Наибольший диаметр яиц белокрылой крачки менее вариабелен по сравнению с длиной яиц. В рассматриваемых местообитаниях изучаемого вида степень изменчивости данного параметра имеет незначительные отличия. В слабоизмененном местообитании $\sigma = 0,95$, в измененном – $\sigma = 0,88$, в сильноизмененном – $\sigma = 0,85$. Величина размаха наибольшего диаметра яиц белокрылой крачки имеет одинаковые значения в слабоизмененном и сильноизмененном местообитаниях ($R = 5,00$). Несколько меньше данный показатель ($R = 4,00$) – в измененном местообитании белокрылой крачки. Область максимального накопления частот (Qr) наибольшего диаметра яиц белокрылой крачки в слабоизмененном местообитании составляет 2,00. В сильноизмененном местообитании данный показатель ниже ($Qr = 1,20$) и незначительно отличается между измененным местообитанием ($Qr = 1,00$).

Объем яиц белокрылой крачки в трех рассматриваемых местообитаниях одинаков, при этом степень изменчивости данного параметра имеет некоторые отличия. Наименьшая вариабельность объема яиц белокрылой крачки отмечена в местообитании, испытывающем повышенную антропогенную нагрузку ($R = 4,79$; $Qr = 1,36$; $\sigma = 0,98$). В измененном местообитании степень изменчивости объема яиц белокрылой крачки несколько выше ($R = 5,50$; $Qr = 1,37$; $\sigma = 1,13$). Наибольшая вариабельность объема яиц белокрылой крачки отмечена в слабоизмененном местообитании ($R = 5,62$; $Qr = 1,60$; $\sigma = 1,17$).

Таким образом, из рассмотренных ооморфологических параметров белокрылой крачки менее вариабельным, а значит, более стабильным параметром яиц является наибольший диаметр. Кроме того, установлено, что в местообитании, испытывающем повышенную антропогенную нагрузку, степень изменчивости наибольшего диаметра, а также длины и объема яиц минимальны.

Оценивая форму яиц белокрылой крачки, можно отметить, что в направлении сильноизмененного местообитания, испытывающего наибольшее антропогенное воздействие, индекс округленности яиц уменьшается (Kruskal–Wallis Test, $H = 6,00$ $p = 0,04$). В слабоизмененном местообитании индекс округленности (Sph) яиц белокрылой крачки составляет $73,61 \pm 0,31$, в измененном – $Sph = 73,31 \pm 0,30$, в сильноизмененном местообитании – $Sph = 72,61 \pm 0,34$ (таблица 4).

Таблица 4 – Форма яиц белокрылой крачки

Индекс	Слабоизмененное	Измененное	Сильноизмененное
	М ± m	М ± m	М ± m
округленности (Sph)	73,61 ± 0,31	73,31 ± 0,30	72,61 ± 0,34
овоидности (Ov)	0,99 ± 0,03	1,03 ± 0,04	1,17 ± 0,04
грушевидности (Psh)	6,24 ± 0,36	6,29 ± 0,56	7,81 ± 0,38
конусовидности (Con)	5,71 ± 0,33	5,49 ± 0,48	6,78 ± 0,34
выпуклости (Bec)	0,72 ± 0,006	0,71 ± 0,008	0,72 ± 0,007
заостренности (Sec)	0,60 ± 0,006	0,60 ± 0,008	0,58 ± 0,007
полноты (Pmp)	0,29 ± 0,001	0,29 ± 0,002	0,30 ± 0,002

Индекс овоидности яиц белокрылой крачки увеличивается в направлении сильноизмененного местообитания (Kruskal–Wallis Test, $H = 15,04$ $p = 0,0005$). В слабоизмененном местообитании индекс овоидности яиц белокрылой крачки минимальный ($Ov = 0,99 \pm 0,03$). В измененном местообитании данный показатель несколько выше ($Ov = 1,03 \pm 0,04$). Максимальная величина данного индекса выявлена для яиц белокрылой крачки, гнездящейся в сильноизмененном местообитании ($Ov = 1,17 \pm 0,04$).

Индексы грушевидности (Psh) и конусовидности (Con) характеризуют уменьшение клоакальной зоны яиц по сравнению с инфундибулярной зоной. Индекс грушевидности яиц белокрылой крачки в слабоизмененном и измененном местообитаниях практически одинаков и составляет соответственно $Psh = 6,24 \pm 0,36$ и $Psh = 6,29 \pm 0,56$. В местообитании, испытывающем повышенную антропогенную нагрузку, индекс грушевидности яиц белокрылой крачки максимальный ($Psh = 7,81 \pm 0,38$) (Kruskal–Wallis Test, $H = 10,07$ $p = 0,006$). Наименьшее значение индекса конусовидности установлено для яиц белокрылой крачки измененного местообитания ($Con = 5,49 \pm 0,48$). Несколько больше величина данного индекса в слабоизмененном местообитании белокрылой крачки ($Con = 5,71 \pm 0,33$). Максимальное значение индекса конусовидности установлено для яиц белокрылой крачки, гнездящейся в местообитании с повышенной степенью антропогенной трансформации ($Con = 6,78 \pm 0,34$) (Kruskal–Wallis Test, $H = 7,53$ $p = 0,02$). Индексы грушевидности и конусовидности характеризуют каплевидную форму яиц. Увеличение доли яиц каплевидной формы имеет важное адаптивное значение. Такая форма яиц обеспечивает компактность укладки и не позволяет яйцам раскатываться от центра гнезда. Это позволяет расположить большое количество яиц либо яиц более крупных размеров под наседным пятном. Увеличение индекса грушевидности способствует более эффективному прохождению яиц по яйцеводу.

Индексы выпуклости (Bec), заостренности (Sec) и полноты (Pmp) яиц белокрылой крачки не имеют статистически значимых отличий между рассматриваемыми местообитаниями (Kruskal–Wallis Test, $p > 0,05$).

Выводы

Сравнительный анализ ооморфологических параметров речной и белокрылой крачек, гнездящихся в местообитаниях с различной степенью антропогенной трансформации, не выявил статистически значимых отличий таких параметров, как длина, наибольший диаметр и объем яиц. В виду этого длина, наибольший диаметр и объем яиц, выбранных в качестве модельных видов птиц, не может быть использован в целях биоиндикации (Kruskal–Wallis Test, $p > 0,05$).

В биоиндикационных исследованиях целесообразно использовать такой параметр, как форма яиц. В частности, для речной крачки информативным является индекс овоидности яиц. В местообитаниях, испытывающих повышенную антропогенную нагрузку, индекс овоидности яиц выше, чем в местообитаниях, характеризующихся относительным антропогенным покоем (Kruskal–Wallis Test, $H = 107,22$ $p = 0,0001$). Для белокрылой крачки в биоиндикационных исследованиях могут быть использованы индексы округленности, овоидности, грушевидности и конусовидности. Наиболее информативными являются индексы грушевидности и конусовидности яиц. В местообитаниях, характеризующихся повышенной антропогенной трансформацией, значения индексов грушевидности (Kruskal–Wallis Test, $H = 10,07$ $p = 0,006$) и конусовидности (Kruskal–Wallis Test, $H = 7,53$ $p = 0,02$) выше, чем в местообитаниях, характеризующихся слабой и умеренной антропогенной нагрузкой.

Литература

1. Мянд, Р. Внутрипопуляционная изменчивость птичьих яиц / Р. Мянд. – Таллинн : Валгус, 1988. – 193 с.
2. Климов, С. М. Эколого-эволюционные аспекты изменчивости ооморфологических показателей птиц / С. М. Климов ; под ред. В. М. Константинова. – Липецк : Липецк. гос. пед. ун-т, 2003. – 208 с.

Summary

The comparative analysis of oomorphological parameters of two modeling types of the morwennols nesting in habitats with various extent of anthropogenous transformation, revealed statistically significant differences of a form of eggs. The form of eggs is informative parameter which is expedient for using in bioindicator researches.

Поступила в редакцию 03.08.12.

УДК 505.054

ОЦЕНКА СОДЕРЖАНИЯ ТЯЖЕЛЫХ МЕТАЛЛОВ В ТОРФЯНОЙ НИЗИННОЙ ПОЧВЕ МОЗЫРСКОГО ПОЛЕСЬЯ

С. С. Позняк

кандидат сельскохозяйственных наук, доцент,
проректор по научной работе УО «МГЭУ им. А. Д. Сахарова»

А. А. Шиманская

аспирант кафедры экологического мониторинга и менеджмента
УО «МГЭУ им. А. Д. Сахарова»
Научный руководитель: С. С. Позняк

Проведенные исследования по оценке содержания тяжелых металлов в торфяной низинной почве Мозырского Полесья позволили выявить, что обследуемые почвы по валовому содержанию марганца, никеля, меди и цинка не превышают значения ПДК/ОДК, при этом в некоторых пробах почвы концентрации тяжелых металлов (меди и никеля) превышали среднереспубликанские региональные кларки для торфяных почв.

Введение

Торфяные низинные почвы занимают около 11% общей площади республики. Самые значительные площади находятся в районах Полесья и в центральной части Республики Беларусь, наименьшие – в районах Поозерья [1]. Способность этих почв накапливать большие массы органического вещества привлекает к себе особое внимание. В прошлом торфяные залежи использовались лишь как источник тепловой энергии, в последние десятилетия мелиорированные торфяные почвы стали занимать большую долю среди земель сельскохозяйственного назначения.

Низинные торфяные почвы являются наиболее ценными для сельского хозяйства. Осушенные и освоённые под пашню торфяно-болотные низинные почвы имеют значительное эффективное плодородие и являются первоочередным объектом мелиорации ввиду богатого органического вещества и азота. Балл их плодородия после осушения может достигать 80 пунктов по 100-бальной шкале [1].

Проблеме повышения плодородия почв уделяется все больше внимания, особенно при стремлении получать экологически чистую продукцию. Однако в последнее время загрязнение окружающей среды вызывает особое беспокойство во всем мире.

Человек стал основным «загрязнителем» природы. До нынешнего столетия развитие техногенного производства не оказывало заметного влияния на сбалансированную в процессе эволюции экологическую среду. В настоящее время в ряде регионов земного шара экологическое равновесие нарушено. Следствием стало увеличение объема отходов, сбрасываемых в воду, на поверхность почвы, в воздух, химическими и другими промышленными и сельскохозяйственными предприятиями [2].

Среди многочисленных веществ, загрязняющих биосферу, тяжелые металлы (ТМ) считаются самыми опасными. ТМ – группа химических элементов, имеющих плотность более 5 г/дм. Этот термин заимствован из технической литературы, в которой металлы делятся на легкие и тяжелые.

Многие из ТМ проявляют высокую токсичность и способны концентрироваться в живых организмах. Все основные циклы миграции ТМ в биосфере начинаются в почве. Миграция выступает как природный переносчик химических элементов в атмосферу, гидросферу, растения и пищу. Металлы сравнительно легко накапливаются в почве, но трудно и медленно из нее удаляются [3].

Цель настоящего исследования заключалась в изучении содержания тяжелых металлов (марганец, никель, медь, цинк) в торфяной низинной почве Мозырского Полесья.

Объект исследования – почвенный покров торфяной низинной почвы Мозырского Полесья (Мозырский район, д. Боровики, 20 м от о. Гусиное). *Предмет исследования* – особенности распределения тяжелых металлов в торфяной низинной почве.

Методы исследования – полевые и лабораторные эксперименты, химический анализ, статистическая обработка экспериментальных данных.

Полевые исследования включали следующие мероприятия:

- обследование выбранного участка с уточнением его размера, типа почвы;
- отбор образцов.

Почвенные образцы отбирали на глубине 5–20 см; 20–35 см; 35–50 см. Отбор почвенных образцов производился из 3 точечных проб на расстоянии 20 м от каждой. Объединенную почвенную пробу формировали из 3 точечных проб, что позволяло дать более объективную оценку степени накопления тяжелых металлов почвой. Объединенную пробу тщательно перемешивали, очищали от растительных остатков и вместе с этикеткой заворачивали в бумажный пакет. Таким образом, отобрано 9 почвенных образцов для лабораторных анализов.

Лабораторные исследования:

- химико-аналитическое исследование отобранных образцов почвы на содержание тяжелых металлов (никель, цинк, медь и марганец) с использованием рентгено-флуоресцентного метода;
- статистическая обработка результатов исследования.

Оценка загрязнения образцов почв проводилась в соответствии с требованиями технических нормативных правовых актов, устанавливающих значения предельно-или ориентировочно-допустимых концентраций загрязняющих веществ в почве [4]. Определение тяжелых металлов в почве проводили из трех параллельных навесок. Пробоподготовка и лабораторные исследования образцов проводилась в соответствии с методикой [5]. Образцы почвы измельчались в ступке и прессовались в таблетки, которые помещались в пакеты, маркировались и в дальнейшем анализировались на содержание тяжелых металлов (никель, цинк, медь и марганец) методом рентгено-флуоресцентного анализа с использованием методики МВИ.МН 4092-2011.

Статистическая обработка полученных результатов измерений проводилась с использованием прикладных программных пакетов «MatLab R2007b», «Statistika 6,0» и программного продукта «Microsoft Excel 2003».

Измерения количественных показателей массовой доли химических элементов в пробах почвы проводились с использованием методики выполнения измерений МВИ.МН 4092-2011. Границы погрешности измерений ($P = 0,95$) по данной методике составляют $\pm(0,5-30,0)\%$. Оценка погрешностей измерений, устанавливаемая в соответствии с утвержденной МВИ (методика выполнения измерений), осуществлялась автоматически в ходе выполнения измерений средствами программного обеспечения спектрометра энергий рентгеновского излучения СЕР-001. Показатели повторяемости и воспроизводимости настоящей МВИ получены в ходе эксперимента, организованного и подвергнутого анализу в соответствии с СТБ ИСО 5725-1-2002.

Результаты единичных измерений массовой доли химических элементов в пробе ω , статистическая погрешность, а также границы погрешности Δ выводились в цифровом виде на экран персонального компьютера.

Числовые значения результата измерения и погрешности Δ представлялись так, чтобы они оканчивались цифрами одного порядка.

Результаты исследования и их обсуждение

В настоящее время известно, что большинство металлов, в том числе и тяжелых, в определенных количествах необходимы для жизнедеятельности живых систем. Многочисленными исследованиями установлено, что влияние металлов разнообразно и зависит от степени нуждаемости в них микроорганизмов, растений, животных и человека. Фитотоксическое действие ТМ проявляется на высоком уровне техногенного загрязнения ими почв и зависит от свойств и особенностей поведения конкретного металла [6].

Марганец (Mn) – атомная маса 54,9. Сребристо-белый твердый металл. В почве основным состоянием марганца является катион Mn^{+2} [7]. Одна из важнейших биохимических функций этого элемента – участие в окислительно-восстановительных реакциях в связи с его способностью легко менять валентность.

В растениях марганец участвует в дыхательном процессе, азотном обмене, биосинтезе белка, образовании хлорофилла, синтезе нуклеиновых кислот и передаче наследственной информации. Марганец является одним из элементов, которые способствуют избирательному поглощению ионов из питательных растворов, а также обеспечивает устойчивость растений к неблагоприятным факторам среды. В животных организмах марганец выполняет аналогичные функции, что и в растениях, а также ряд специфических. Он необходим для нормальной секреции инсулина, воспроизводства, формирования скелета, работы центральной нервной системы и т. д.

Марганец, как и другие металлы переходной группы периодической системы (Fe, Zn, Cu) активизирует ферменты или входит в состав ферментов системы переноса электронов. По данным Диксона и Уэбба, он является составной частью более 10 ферментов, которые катализируют различные метаболические процессы. Нарушение поступления марганца в живые организмы, обусловленное его недостатком, избытком или дисбалансом с другими элементами, негативно сказывается на их росте и развитии.

Избыток марганца опасен также для растений: он нарушает нормальное соотношение Fe/Mn, вызывает депрессию в нуклеиновом обмене. Токсичное действие марганца на растения обычно наблюдается на богатых им почвах с кислой реакцией среды (при pH 5,5 и ниже). Избыток марганца возможен и при высоком значении pH на плохо дренируемых (плохо аэрируемых) почвах – солонцах, луговых и болотных.

Региональный кларк марганца составляет 247 мг/кг [8], среднее содержание марганца в торфе – 363 мг/кг [7], ПДК (предельно допустимая концентрация) валового Mn в почве составляет 1500 мг/кг [4].

В пределах Мозырской гряды могут встречаться ситуации с природным недостатком и избытком марганца. Антропогенное воздействие на почвы может усиливать как дефицит, так и избыток микроэлементов в звеньях пищевой цепи.

Содержание валового марганца в почвах отобранных образцов на 1-м уровне (5–20 см) составило 60,9 мг/кг, на 2-м уровне (20–35 см) – 157,9, на 3-м (35–50 см) – 255,9 мг/кг. Анализ данных, полученных в результате лабораторного исследования, свидетельствует о том, концентрация марганца ниже ПДК и не превышает региональный кларк в торфе (рисунок 1).

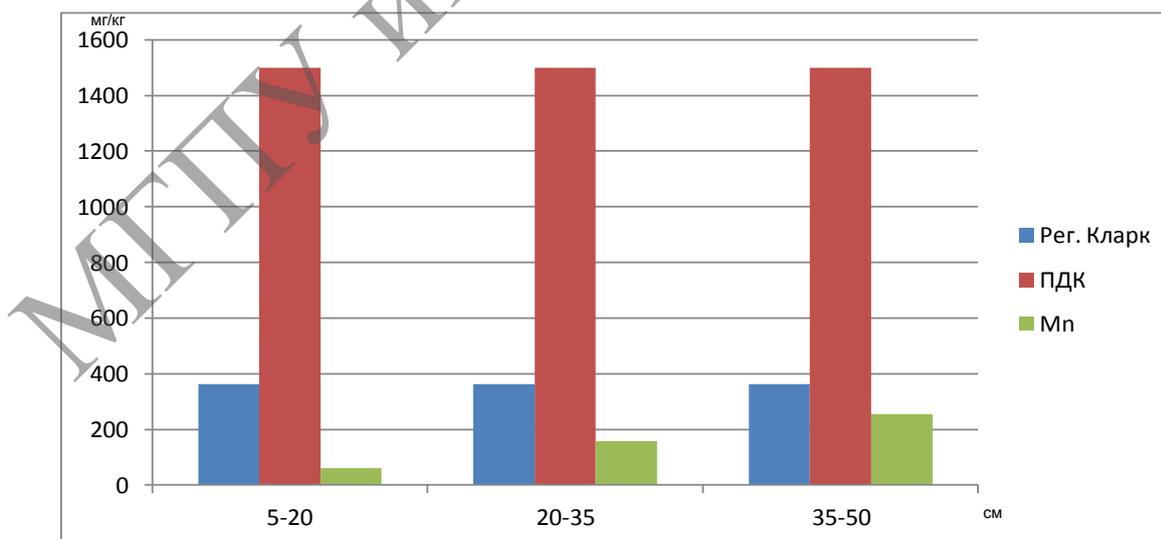

Рисунок 1 – ПДК, региональный кларк и фактическое содержание Mn в торфяной низинной почве, мг/кг

В результате эксперимента установлено, что марганец мигрирует вглубь по почвенному горизонту, что должно вызывать определенную озабоченность. Несмотря на то, что его содержание в торфяных почвах ниже регионального кларка и существующих значений ПДК, при накоплении элемента в корневом для сельскохозяйственных растений горизонте почвы возрастает опасность загрязнения растениеводческой продукции, поскольку химические реакции с участием марганца в почвах зависят от pH среды [9]. В более кислых условиях марганец становится более подвижным и, соответственно, более токсичным.

Никель (Ni) – атомная масса 58,7. Очень твердый металл желтовато-белого цвета. Характеризуется высокой коррозионной устойчивостью. В верхних горизонтах почв никель присутствует в связанных с органическим веществом формах, часть которых находится в виде легкорастворимых хелатов. Распределение Ni в почвенном профиле определяется содержанием органического вещества, аморфных оксидов и количеством глинистой фракции [2].

Доля загрязненных никелем почв в ряду других ТМ (Pb, Cd, Zn, Cr, Co, As и др.) является фактически самой значительной и уступает только землям, загрязненным медью (3,8%) [10]. В почвах Республики Беларусь в среднем содержится 20,0 мг/кг никеля [8], среднее содержание никеля в торфе составляет 4 мг/кг [2].

Гигиенические нормативы для концентраций никеля следующие: ПДК рабочей зоны – 0,005 мг/м³, атмосферного воздуха – 0,002 мг/м³, воды водоисточников – 0,1 мг/л, ОДК для песчаных и супесчаных почв – 20 мг/кг [4].

Необходимость данного элемента для живых организмов доказана сравнительно недавно. По механизму биологического действия никель схож с железом и кобальтом. Основное биологическое назначение никеля в животных организмах – участие в структурной организации и функционировании ДНК, РНК и белков [11].

При техногенном загрязнении почв в пищевой цепочке может появиться опасная для здоровья животных и человека концентрация рассматриваемого элемента [12].

Среднее содержание никеля в отобранных образцах на 1-м уровне составляет 2,3 мг/кг, на 2-м уровне – 3,3 мг/кг, на 3-м – 5,9 мг/кг. Анализ содержания никеля в торфяной почве показал, что его количество ниже существующего ОДК, при этом на 3-м уровне концентрация элемента превышает региональный кларк в торфе (рисунок 2).

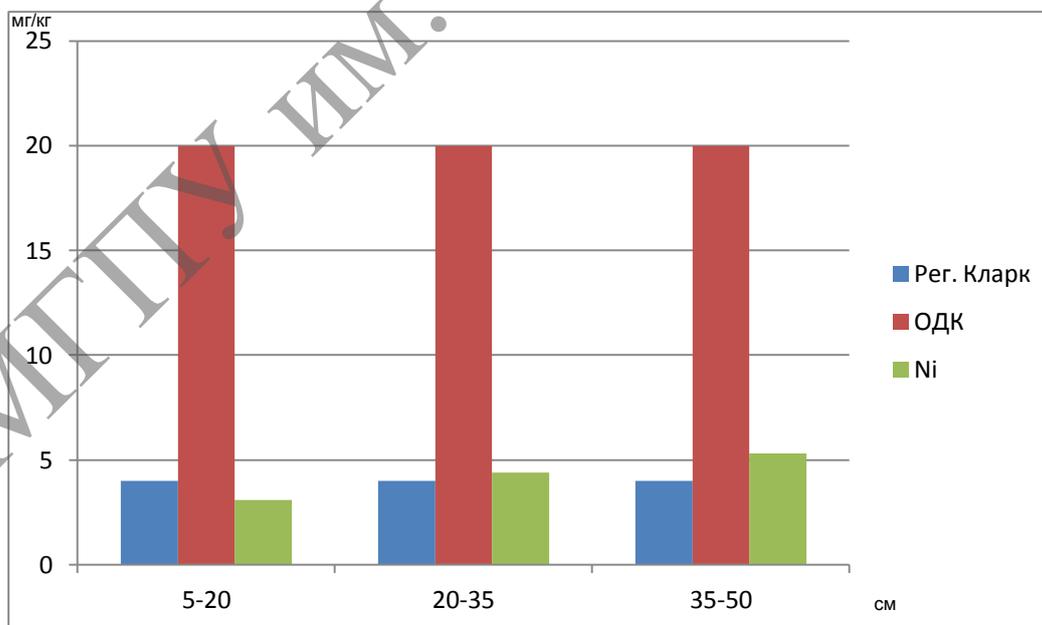

Рисунок 2 – ОДК, региональный кларк и фактическое содержание Ni в торфяной низинной почве, мг/кг

Никель мигрирует вглубь по почвенному горизонту, накапливаясь, в основном в илистых, богатых органическим веществом фракциях. В целом, по содержанию элемента почвы классифицируются как незагрязненные. Однако, при планировании размещения сельскохозяйственных культур в севообороте следует иметь в виду, что элемент никель, слабо подвижный в кислых почвах, в щелочной среде переходит в растворимые, подвижные и крайне токсичные формы [9].

Медь (Cu) – атомная масса 63,5. Чистая медь это тягучий металл светло-розового цвета. Отличается высокой тепло- и электропроводностью. В химическом отношении является малоактивным. В почве катионы меди взаимодействуют с органическими и минеральными соединениями и могут осаждаться такими анионами, как сульфид, карбонат и гидроксид. Поэтому медь является малоподвижным элементом в почвах, представленным, главным образом, валовой формой. Гуминовые и фульвокислоты способны образовывать устойчивые комплексы с медью. В связи с этим торф обладает способностью к прочной фиксации этого элемента [2].

Медь играет важную роль во многих физиологических процессах. В растениях – это фотосинтез, синтез гемоглобина, дыхание, перераспределение углеводов, восстановление и фиксация азота и т. д. Животным медь необходима для синтеза гемоглобина и участия во многих биологических процессах, аналогичных вышеописанным для растений. У животных и человека дефицит меди (гипокупероз) приводит к анемии, снижению интенсивности роста, потере живой массы, при острой нехватке металла (менее 2–3 мг/сут.) возможно возникновение ревматического артрита и эндемического зоба. Причина дефицита – низкое содержание меди в кормах и продуктах питания, а также неблагоприятное ее соотношение с другими элементами – Ca, Zn, Mn, Pb и др. Избыток этих элементов-антагонистов снижает поступление меди в организм и ее усвоение [12].

В почвах Беларуси содержание меди составляет 13,0 мг/кг [8], среднее содержание меди в торфе – 5мг/кг [9]. ОДК в песчаных и супесчаных почвах для меди составляет 33,0 мг/кг [4].

Среднее содержание меди в отобранных образцах на 1-м уровне составляет 2,1 мг/кг, на 2-м – 3,7 мг/кг, на 3-м – 5,8 мг/кг. Анализ данных свидетельствует о том, что содержание меди в торфяной почве ниже существующего ОДК (ориентировочно допустимая концентрация), на 3-м уровне превышен региональный кларк меди в торфе (рисунок 3).

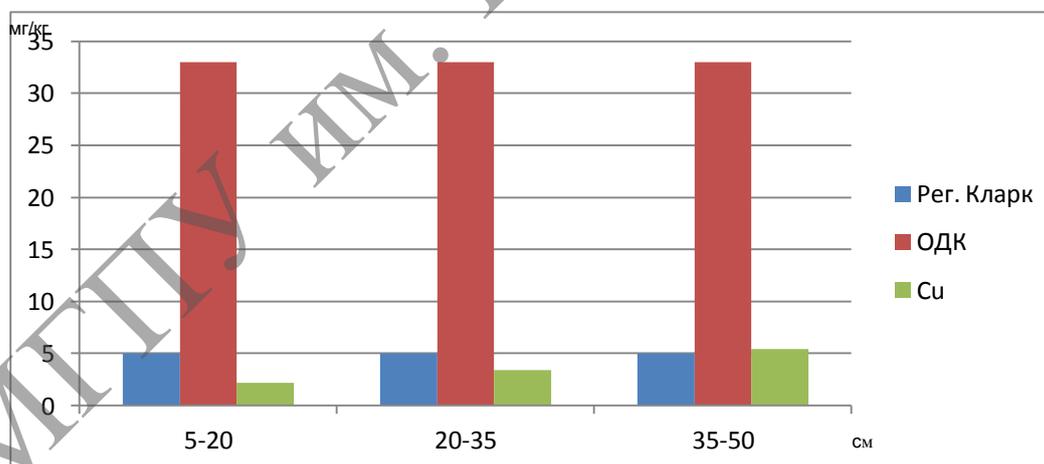

Рисунок 3 – ОДК, региональный кларк и фактическое содержание Cu в торфяной низинной почве, мг/кг

Содержание меди в торфяных почвах Мозырского Полесья следует рассматривать как один из источников повышения продуктивности сельскохозяйственных угодий. В основном, полученные результаты соответствуют общей тенденции содержания элемента в торфяных почвах республики. Следует иметь в виду, что даже при высоком содержании подвижной формы элемента в почве, медь является малоактивным слабомигрирующим элементом, наибольшее количество

которого в почве связано с оксидами железа и марганца, гидрооксидами железа и алюминия [9]. Гуминовые и фульвокислоты торфяных почв способны образовывать устойчивые комплексы с медью, поэтому на торфяных почвах требуется дополнительное внесение медьсодержащих удобрений для повышения продуктивности сельскохозяйственных культур.

Цинк (Zn) – атомная масса 65,4. Голубовато-серебристый металл. На воздухе покрывается тонким слоем оксида, предохраняющим его от дальнейшего окисления. С органическим веществом образует устойчивые формы, поэтому в большинстве случаев он накапливается в горизонтах почв с высоким содержанием гумуса и в торфе [2].

Недостаток цинка в почве – распространенное явление на Земле. Он может быть обусловлен как низким содержанием элемента, так и малой его подвижностью. Обычно дефицит в растениях возникает на легких и малогумусных почвах при высоком содержании карбонатов и рН более 7 [9].

Среднее содержание цинка в почвах Беларуси составляет 35,0 мг/кг [9], среднее содержание цинка в торфе – 87 мг/кг [8].

Гигиенические нормативы имеются как для цинковых соединений, так и для цинка. Так, в воздухе рабочей зоны ПДК магния цинка должна составлять 6,0 мг/м³, для оксида цинка – 0,5 мг/м³, для сульфата цинка – 5,0 мг/м³. В воде водоемов ПДК цинка составляет 1,0 мг/л по общесанитарному показателю вредности, а в водоемах, используемых для рыбохозяйственных целей – 0,01 мг/л. В песчаных и супесчаных почвах ОДК для цинка равна 55,0 мг/кг [4].

Среднее содержание цинка в отобранных образцах почвы на 1-м уровне – 17 мг/кг, на 2-м – 17 мг/кг, на 3-м – 40 мг/кг. В результате эксперимента установлено, что содержание цинка в торфяной почве ниже существующего ОДК и не превышает региональный кларк (рисунок 4).

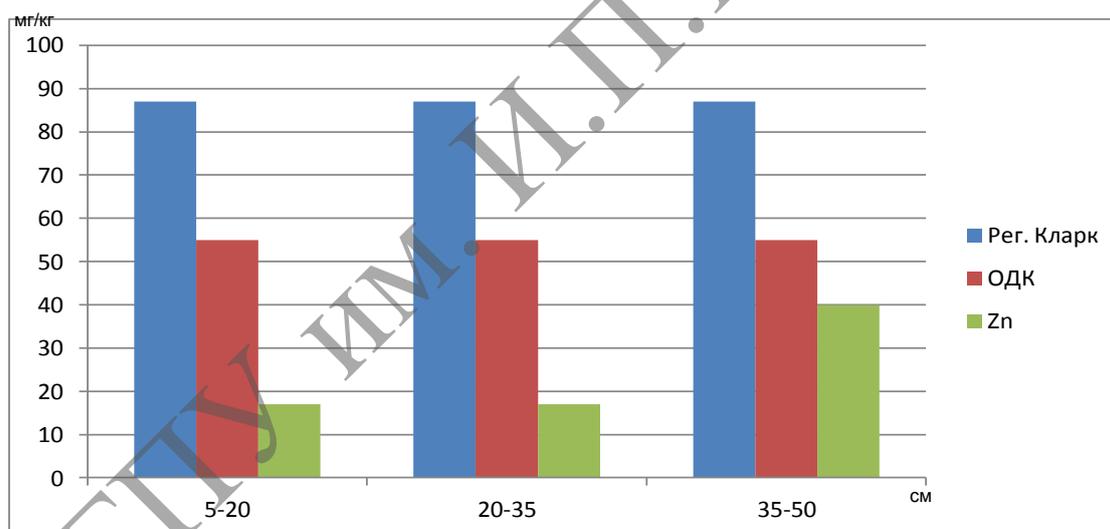

Рисунок 4 – ОДК, региональный кларк и фактическое содержание Zn в торфяной низинной почве, мг/кг

В результате эксперимента установлено, что цинк мигрирует вглубь по почвенному горизонту. Несмотря на то, что его содержание в торфяных почвах ниже регионального кларка и существующих значений ПДК, при накоплении элемента в корнедоступном для сельскохозяйственных растений горизонте почвы возрастает опасность загрязнения растениеводческой продукции, поскольку основными факторами, влияющими на подвижность цинка в опчвах, являются содержание глинистых минералов и величина рН [9]. Только при повышении рН элемент переходит в органические комплексы и образует устойчивые формы.

Проведенные исследования содержания тяжелых металлов в торфяных почвах Мозырского Полесья показали, что почву по уровню валового содержания тяжелых металлов (марганец, никель, медь, цинк) можно квалифицировать как условно загрязненную.

Из таблицы 1 видно, что валовое содержание тяжелых металлов (марганец, никель, медь и цинк) в торфяных низинных почвах Мозырского Полесья не превышает значения ПДК/ОДК, но в некоторых пробах почвы концентрация меди и никеля превышает значения региональных кларков для торфа.

Таблица 1 – Валовое содержание марганца, никеля, меди и цинка в торфяных почвах Мозырского Полесья, мг/кг

Элемент	Уровень, см	Среднее значение, мг/кг	Ст. откл.	ПДК/ОДК, мг/кг	Рег. кларк, мг/кг
Mn	5–20	60,9	±2,6	1500	363
	20–35	157,9	±13,4		
	35–50	255,9	±12,0		
Ni	5–20	2,3	±2,7	20	4
	20–35	3,3	±0,0		
	35–50	5,9	±1,8		
Cu	5–20	2,1	±0,3	33	5
	20–35	3,7	±0,5		
	35–50	5,8	±1,5		
Zn	5–20	17,0	±2,6	55	87
	20–35	17,0	±4,9		
	35–50	40,0	±17,1		

Выводы

В сфере охраны окружающей среды одной из главных является проблема снижения уровня загрязнения почвенного покрова тяжелыми металлами, поскольку в современных условиях из-за возрастающей техногенной нагрузки на окружающую среду прогнозируется тенденция увеличения их концентрации.

Тяжелые металлы имеют особое экологическое, биологическое и природоохранное значение, так как поступление их в живые организмы, даже в невысоких концентрациях, уменьшает их иммунологический статус и может иметь нежелательные последствия, в том числе и генетические.

Для оценки содержания тяжелых металлов в почве использовали рентгено-флуоресцентный метод. В результате проведенного исследования сделаны следующие выводы:

1. Тяжелые металлы в условиях воздействия техногенной эмиссии накапливаются в почве и при достижении уровня, значительно превышающего геохимический фон, к которому приспособлены растения, оказывают угнетающее воздействие на урожайность.

2. Валовое содержание тяжелых металлов (марганец, никель, медь и цинк) в торфяных низинных почвах Мозырского Полесья не превышает значения ПДК/ОДК, что связано с удаленностью территории от источников загрязнения и интенсивного промышленного производства. Почвы по уровню загрязнения классифицируются как незагрязненные до условно загрязненных.

3. Марганец, никель, медь и цинк мигрирует вглубь по почвенному горизонту, накапливаясь, в основном, в илистых, богатых органическим веществом фракциях.

4. Содержание тяжелых металлов (медь и никель) в торфяных почвах исследуемой территории выше значений среднереспубликанских региональных кларков, что может быть связано с повышенным значением pH среды, поскольку в кислых почвах подвижность элементов существенно возрастает.

5. При планировании размещения сельскохозяйственных культур в севообороте следует учитывать содержание тяжелых металлов в корнеобитаемом слое почвы, а также pH среды и содержание органического вещества в почве, которые являются важнейшими условиями подвижности тяжелых металлов в системе почва-растение.

Полученные результаты исследований могут быть использованы при подборе сельскохозяйственных культур, выращиваемых на торфяных низинных почвах Мозырского Полесья, а также в качестве рекомендаций для совершенствования агроэкологического мониторинга.

Літаратура

1. Географія почв Беларусі : учеб. пособие / Н. В. Клебанович [и др.]. – Минск : БГУ, 2009. – 198 с.
2. Тяжелые металлы в системе почва-растение-удобрение / М. М. Овчаренко [и др.] ; под общ. ред. М. М. Овчаренко. – М. : Пролетарский светоч, 1997. – 291 с.
3. Убугунов, В. Л. Тяжелые металлы в садово-огородных почвах и растениях г. Улан-Удэ : монография / В. Л. Убугунов, В. К. Кашин. – Улан-Удэ : изд-во БНЦ СО РАН, 2004. – 128 с.
4. Гигиенические нормативы 2.1.7.12-01-2004. Перечень предельно допустимых концентраций (ПДК) и ориентировочно допустимых концентраций (ОДК) химических веществ в почве / М-во здравоохранения Респ. Беларусь. – Минск, 2004. – 45 с.
5. Ринкис, Г. Я. Оптимизация минерального питания растений / Г. Я. Ринкис. – Рига : Зинатне, 1972. – 352 с.
6. Амосова, Н. В. О комбинированном действии алюминия и железа на проростки ячменя и пшеницы / Н. В. Амосова, Б. И. Сынзыныс // Сельскохозяйственная биология. – 2005. – № 1. – С. 85–87.
7. Матвеев, Ю. М. Проблемы содержания химических соединений в почвах / Ю. М. Матвеев, И. В. Попова, О. В. Чернова // Агрохимия. – 2001. – № 12. – С. 54–60.
8. Петухова, Н. Н. Кларкам микроэлементов в почвенном покрове Беларуси / Н. Н. Петухова, В. А. Кузнецов // Докл. АН Беларуси. – 1992. – Т. 26, № 5. – С. 461–465.
9. Позняк, С. С. Экологическое состояние сельскохозяйственных земель в зоне воздействия крупных промышленных центров : монография / С. С. Позняк. – Минск : МГЭУ им. А. Д. Сахарова, 2010. – 211 с.
10. Аристархов, А. Н. Характеристика состояния и подходы к прогнозированию загрязнения агроэкосистем тяжелыми металлами / А. Н. Аристархов, А. Ф. Харитонов // Тяжелые металлы, радионуклиды и элементы-биофилы в окружающей среде : II Междунар. науч.-практ. конф. – Семипалатинск, 2002. – Т. 1. – С. 192–200.
11. Зименко, Т. Г. Деятельность микроорганизмов и минерализация органического вещества в торфяных почвах с разным уровнем грунтовых вод / Т. Г. Зименко // Изв. АН СССР. Сер. биол. – 1972. – № 6. – С. 38–49.
12. Ильин, В. Б. Микроэлементы и тяжелые металлы в почвах и растениях Новосибирской области / В. Б. Ильин, А. И. Сысо. – Новосибирск : изд-во СО РАН, 2001. – 229 с.

Summary

Evaluation study of the content of the heavy metals in the peat lowland soil of Mozyr Polesie revealed that the gross content of manganese, copper, nickel and zinc doesn't exceed the MPC/UEC in the investigated soils, while in some samples of soil the concentration of heavy metals of copper and nickel exceeded the average regional clark for peat soils.

Поступила в редакцию 05.09.12.

УДК 636.2:612.015.348

**ОСОБЕННОСТИ БЕЛКОВОГО ОБМЕНА
У КОРОВ-ПЕРВОТЕЛОК В РАЗЛИЧНЫЕ ПЕРИОДЫ ЛАКТАЦИИ
В УСЛОВИЯХ ПРОМЫШЛЕННОГО ПРОИЗВОДСТВА МОЛОКА**

О. П. Позывайло

кандидат ветеринарных наук, доцент,
доцент кафедры биологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина

И. В. Котович

кандидат биологических наук, доцент,
заведующий кафедрой биологии УО МГПУ им. И. П. Шамякина

Н. П. Разумовский

кандидат биологических наук, доцент,
доцент кафедры кормления УО «ВГАВМ»

Ю. Г. Соболева

кандидат ветеринарных наук,
доцент кафедры химии УО «ВГАВМ»

Исследованы показатели белкового обмена у коров-первотелок черно-пестрой породы ЗАО «Ольговское» Витебской области в начальный и заключительный периоды лактации. Установлен низкий уровень общего белка, альбуминов в сыворотке крови и пониженная активность аминотрансфераз в плазме крови первотелок, что свидетельствует о недостаточной работе белоксинтезирующей системы организма данной группы животных.

Введение

Одной из ведущих отраслей агропромышленного комплекса Республики Беларусь является молочное скотоводство. Согласно Государственной программе развития села, к 2015 году планируется получить от коровы за лактацию не менее 6500 кг молока. Однако высокий генетический потенциал черно-пестрой породы (на уровне 8000 кг) в силу ряда причин (главным образом, алиментарных) реализуется не более чем на 55% [1].

В практике хозяйств нередко наблюдается высокая выбраковка животных по причинам заболеваний, связанных с нарушениями обмена веществ, в том числе и метаболизма белков. Любое изменение плазменных белков приводит к нарушению постоянства внутренней среды и специфической реактивности организма. Это связано с тем, что белки плазмы крови являются транспортным средством для многочисленных экзо- и эндогенных веществ, связывают гормоны, минеральные вещества, неэтерифицированные жирные кислоты, свободный и конъюгированный билирубин, а также другие биологически важные соединения [2]–[4]. Об интенсивно протекающем белковом метаболизме говорит тот факт, что у взрослой коровы ежедневно печенью синтезируются около 0,2 кг белка [3].

Высокая молочная продуктивность коров-первотелок вызывает большое напряжение обменных процессов в организме животных и предъявляет повышенные требования к организации их полноценного кормления и соблюдения технологии содержания [5]. У лактирующих коров при недостатке белка наблюдается низкая молочная продуктивность, активизируется расход тканевых белков. Удои при этом снижаются, а иногда наступает срыв лактации. В результате дефицита белка возникает ослабление защитных реакций в организме [6].

В связи с этим выявление количественного содержания биохимических компонентов в крови здоровых коров и их изменений при заболеваниях позволяет с помощью лабораторных исследований провести своевременную диагностику болезней при отсутствии клинических

проявлений. Кроме того, биохимические тесты дают возможность контролировать и полноценность кормления. При установлении изменений биохимических показателей на ранних стадиях нарушений их удается снивелировать с помощью сбалансированного кормления [7].

Крупные животноводческие хозяйства должны проводить плановые диспансеризации с целью своевременного контроля и коррекции выявленных нарушений. Однако на практике диспансеризацию проводят в том случае, когда возникают значительные нарушения у коров (при снижении молочной продуктивности и прироста живой массы, а также высокой степени выбраковки животных в стаде) [8].

При оценке биохимического статуса организма сельскохозяйственных животных важно изучать интенсивность белкового обмена. Среди показателей, характеризующих белковый обмен, наиболее информативными являются активность аспаратаминотрансферазы (АсТ), аланинаминотрансферазы (АлТ), глутаматдегидрогеназы (ГлДГ), содержание общего белка (ОБ), альбуминов и мочевины в сыворотке (плазме) крови [9].

Целью нашей работы было исследование показателей белкового обмена у коров-первотелок черно-пестрой породы на начальном и заключительном этапах лактации.

Методы исследования. Работа проводилась на базе СПК «Ольговское» Витебского района Витебской области в условиях молочного комплекса «Подберезье» на группе коров-первотелок (10 голов) черно-пестрой породы живой массой 450–470 кг в начальный и заключительный периоды лактации. Животные находились в одной секции в условиях беспривязного содержания.

В начале лактации коровы получали рацион в виде кормосмеси, состоявшей из смеси злаково-бобовых трав (50 кг) и комбикорма К-60 (6 кг). Суточный удой первотелок в данный период составлял 23,5 кг молока.

В конце лактации животные получали силос кукурузный (28 кг), комбикорм К-60 (7 кг), шрот рапсовый (0,7 кг) и патоку (0,5 кг). Суточный удой коров составлял 12 кг молока.

Исследование химического состава кормов, входивших в состав рациона первотелок, проводили в соответствии с традиционными методами зооанализа в лаборатории кафедры кормления сельскохозяйственных животных учреждения образования «Витебская ордена «Знак Почета» государственная академия ветеринарной медицины» (УО «ВГАВМ»). В кормах рассчитывали обменную энергию и определяли содержание сухого вещества, сырого и переваримого протеина, сырой клетчатки, сахаров и сырого жира.

Кровь от животных брали утром до кормления. В качестве антикоагулянта для получения плазмы использовали гепарин.

Биохимические исследования проводили в лаборатории кафедры химии УО «ВГАВМ».

В плазме крови с использованием наборов НТК «Анализ-Х» (Республика Беларусь) определяли активность АсТ (КФ 2.6.1.1), АлТ (2.6.1.2) по методу Райтмана-Френкеля и ГлДГ (КФ 1.4.1.3) кинетическим методом по убыли в реакционной смеси НАДН(Н⁺), которую регистрировали при длине волны 340 нм на спектрофотометре СФ-46. Активность ферментов выражали в нкат/л. Также было рассчитано соотношение активности ферментов – АсТ/АлТ (коэффициент де Ритиса) и АсТ + АлТ/ГлДГ (коэффициент Шмидта).

Определение содержания мочевины в плазме крови осуществляли ферментативным уреазным-глутаматдегидрогеназным методом с применением наборов «Витал Дигностикс СПб» (Российская Федерация), общего белка в сыворотке крови – биуретовым методом, а сывороточного альбумина (СА) – с бромкрезоловым зеленым с использованием наборов НТК «Анализ-Х».

Полученные данные были статистически обработаны с использованием программы «Microsoft Excel».

Результаты исследования и их обсуждение

На фоне достаточно высокой продуктивности коров-первотелок в начале лактации отмечались серьезные погрешности в их кормлении. Проведенный нами анализ рациона показал, что по уровню обменной энергии он соответствовал норме (таблица 1).

Таблица 1 – Содержание элементов питания в рационе коров-первотелок в начальный период лактации

Элемент питания	Норма	Фактическое содержание	% обеспечения
<i>Начало лактации</i>			
Кормовые единицы, к	17,1	17,3	101,2
Обменная энергия, МДж	193	195	101,0
Сухое вещество, кг	19	17,5	92,1
Сырой протеин, г	2760	2526	91,5
Переваримый протеин, г	1795	1650	91,9
Сырая клетчатка, г	4180	4286	102,5
Сахара, г	1395	1240	88,9
Сырой жир, г	615	656	106,7
<i>Конец лактации</i>			
Кормовые единицы, к	11,1	10,7	97,2
Обменная энергия, МДж	135	123,64	91,6
Сухое вещество, кг	15,9	12,02	75,6
Сырой протеин, г	1710	1637,6	95,8
Переваримый протеин, г	1130	1117,6	98,9
Сырая клетчатка, г	4290	1864,6	43,5
Сахара, г	1000	572,4	57,2
Сырой жир, г	355	456	128,45

Однако наблюдался заметный дефицит протеина (до 9%) при недостатке сахаров (до 11%). Это приводит к снижению сахаро-протеинового соотношения до 0,75:1, является предпосылкой к нарушению метаболических процессов в организме первотелок и возможному развитию кетоза, что в конечном итоге может отразиться на снижении продуктивности коров, ухудшении состава и качества молока и привести к преждевременной выбраковке животных из стада.

К концу лактации рацион коров-первотелок по содержанию кормовых единиц и переваримому протеину в целом соответствовал нормам кормления данных животных. В то же время отмечался значительный переизбыток сырого жира (28,45%) и недостаток сырой клетчатки (до 66,5%) и сахаров (42,8%).

Несбалансированность рациона коров-первотелок по ряду питательных компонентов отразилась на биохимическом профиле крови (таблица 2).

Таблица 2 – Показатели белкового обмена в плазме и сыворотке крови коров-первотелок в разные периоды лактации

Исследованные показатели	Min – Max	M ± m	Норма
<i>Начало лактации</i>			
ОБ, г/л	63,30–78,30	70,47 ± 1,37	72,00–86,00
СА, г/л	11,00–14,25	12,23 ± 0,31	27,36–43,00
Мочевина, ммоль/л	0,67–2,28	1,46 ± 0,18	0,83–6,91
АсТ, нкат/л	310,00–630,00	474,00 ± 28,53	934,00–1417,00
АлТ, нкат/л	70,00–220,00	137,50 ± 15,73	450,00–700,00
ГлДГ, нкат/л	26,80–80,39	48,23 ± 5,48	23,40–96,70
АсТ/АлТ	2,07–7,25	4,01 ± 0,63	1,33–3,15
АсТ + АлТ/ГлДГ	7,15–24,63	14,19 ± 1,74	14,31–90,47
<i>Конец лактации</i>			
ОБ, г/л	54,00–66,90	60,33 ± 1,22***	72,00–86,00
СА, г/л	9,25–12,00	10,28 ± 0,28***	27,36–43,00
Мочевина, ммоль/л	0,25–2,50	0,97 ± 0,26	0,83–6,91
АсТ, нкат/л	320,00–480,00	391,00 ± 16,96*	934,00–1417,00
АлТ, нкат/л	240,00–390,00	323,00 ± 13,50***	450,00–700,00
ГлДГ, нкат/л	26,80–128,62	65,38 ± 10,68	23,40–96,70
АсТ/АлТ	0,90–1,54	1,22 ± 0,06***	1,33–3,15
АсТ + АлТ/ГлДГ	6,22–29,85	13,59 ± 2,21	14,31–90,47

Примечание: содержание общего белка и альбумина приведены в сыворотке крови, остальные показатели – в плазме; *P < 0,05; ***P < 0,001 по отношению к показателям на начало лактации.

Известно, что уровень общего белка в сыворотке (плазме) крови в определенной степени отражает состояние белоксинтезирующей системы в организме животных. Проведенные нами исследования показали, что в начальный период лактации у 60% обследованных коров-первотелок содержание общего белка не соответствовало нормативным критериям, а на заключительном этапе – у всех обследованных животных. Пониженный уровень общего белка в сыворотке крови коров-первотелок связан, на наш взгляд, с двумя причинами, с одной стороны – с дефицитом белка в рационе первотелок, а с другой – с усиленным использованием аминокислот для синтеза белков молока в начальный период лактации, а также на построение структурных компонентов тела развивающегося плода. Также необходимо отметить, что к концу лактации наблюдалось достоверное снижение содержания общего белка в сыворотке крови на 14,39% ($P < 0,001$).

Альбумины плазмы крови участвуют в транспорте многих соединений (гормоны, витамины, желчные пигменты и др.), регулируют коллоидно-осмотическое давление, выполняют антиоксидантные функции, являются быстро реализуемым резервом белка. Сывороточный альбумин входит также в состав белков молока. Содержание СА у всех исследованных коров-первотелок не соответствовало нормативным критериям. При этом средний уровень сывороточного альбумина в начале лактации оказался в 2,24 раза меньше нижней границы физиологической нормы, а в конце лактации – в 2,66 раза. Это может привести к очень серьезным сбоям в работе всех жизненно важных систем организма первотелок, так как характеризует пониженную синтетическую функцию печени в достаточно напряженный период физиологического состояния. Динамика СА в процессе лактации имела, как и по ОБ, тенденцию к снижению, составив 15,94% ($P < 0,001$).

Недостаточное содержание белка в рационе коров отражается также на относительно невысоком уровне мочевины в плазме крови. Данный метаболит, как известно, является конечным продуктом белкового обмена у жвачных животных. Уровень мочевины в плазме крови коров-первотелок хотя в целом и соответствовал норме, все же находился ближе к нижней границе нормативных параметров. При этом в начале лактации у 20% животных было установлено несоответствие физиологической норме, а к концу лактации – у 50% коров-первотелок. В процессе лактации наблюдается снижение содержания мочевины в плазме крови. Однако данные изменения оказались недостоверными.

Аминотрансферазы (трансаминазы), а также глутаматдегидрогеназа участвуют в процессах синтеза и распада аминокислот и являются индикаторными ферментами, по активности которых в сыворотке (плазме) крови можно судить о функциональном состоянии печени, в которой синтезируется большинство белков крови. Наши исследования показали, что в начале лактации средняя активность АсТ в плазме крови первотелок была в 1,97 раза меньше нижней границы физиологической нормы, а АлТ – в 3,38 раза. В конце лактационного периода активность АсТ снизилась в 2,4 раза ниже физиологической нормы, а АлТ – в 1,4 раза. Лишь активность ГлДГ соответствовала нормативам у всех исследованных животных. Динамика активности трансаминаз в течение лактации имела разную направленность. Так, активность АсТ к концу лактации снизилась на 17,51% ($P < 0,05$), а активность АлТ – увеличилась в 2,35 раза ($P < 0,001$).

Для дифференциальной диагностики различных патологий организма животных часто используют определение соотношения активностей ферментов [3], [10]. Рассчитанный нами коэффициент де Ритиса (АсТ/АлТ) в среднем оказался несколько выше нормы, а коэффициент Шмидта (АсТ + АлТ/ГлДГ) находился в нижних границах физиологических нормативов. Это свидетельствует об отсутствии патологии со стороны печени у коров-первотелок, но во избежание ее возможного проявления на протяжении лактационного периода обязательно необходима корректировка рациона по протеину в начальный период лактации и по жиру, клетчатке и сахарам – на заключительном этапе лактации.

Выводы

Проведенные нами исследования показали, что в крови коров-первотелок в течение лактационного периода отмечается низкий уровень общего белка, сывороточного альбумина и активности аминотрансфераз. Это свидетельствует о недостаточной работе белоксинтезирующей системы коров-первотелок и является следствием несбалансированности рациона по содержанию протеина, сырого жира, клетчатки и сахаров. Для устранения выявленных нарушений следует провести корректировку рационов данной группы животных на различных этапах лактации в соответствии с необходимыми нормативными критериями.

Літаратура

1. Коваленок, Ю. К. Совершенствование способов лечения и профилактики микроэлементозов продуктивных животных / Ю. К. Коваленок // Уч. записки Витеб. ордена «Знак Почета» гос. акад. вет. медицины. – 2007. – Т. 43, вып. 1. – С. 105–108.
2. Камышников, В. С. Справочник по клинико-биохимической лабораторной диагностике : в 2 т. / В. С. Камышников. – Минск : Беларусь, 2002. – Т. 2. – 463 с.
3. Холод, В. М. Клиническая биохимия : учеб. пособие : в 2 ч. / В. М. Холод, А. П. Курдеко. – Витебск : УО «ВГАВМ», 2005. – Ч. 1. – 188 с.
4. Холод, В. М. Печеночнозависимые показатели белкового обмена у коров в возрастной динамике и в период стельности / В. М. Холод, Ю. Г. Соболева, Г. М. Асон // Актуальные проблемы ветеринарной медицины : материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвященной 125-летию ветеринарии Курской обл., Курск, 22–23 мая 2008 г. / Курск. гос. с.-х. акад.; редкол.: В. Ю. Тарасов (отв. ред.) [и др.]. – Курск, 2008. – С. 394–397.
5. Ковзов, В. В. Диагностика нарушений обмена веществ у высокопродуктивных коров / В. В. Ковзов // Уч. записки Витеб. ордена «Знак Почета» гос. акад. вет. медицины. – 2007. – Т. 43, вып. 1. – С. 109–111.
6. Разумовский, Н. П. Высокопродуктивные коровы: обмен веществ и полноценное кормление : практ. пособие для вет. врачей, зооинженеров, студ. фак-та вет. медицины, зооинженерного фак-та и слушателей ФПК / Н. П. Разумовский, В. В. Ковзов, И. Я. Пахомов. – Витебск : УО «ВГАВМ», 2007. – 290 с.
7. Кучинский, М. П. Биозлементы – фактор здоровья и продуктивности животных / М. П. Кучинский. – Минск : Бизнесофсет, 2007. – 372 с.
8. Курдеко, А. П. Профилактика внутренних незаразных болезней высокопродуктивных молочных коров на основе диспансеризации в условиях административного района / А. П. Курдеко, А. А. Мацинович, С. Л. Борознов // Уч. записки Витеб. ордена «Знак Почета» гос. акад. вет. медицины. – 2005. – Т. 41, вып. 2, Ч. 2. – С. 45–47.
9. Методы ветеринарной клинической лабораторной диагностики : справочник / И. П. Кондрахин [и др.]; под ред. проф. И. П. Кондрахина. – М. : КолосС, 2004. – 520 с.
10. Холод, В. М. Справочник по ветеринарной биохимии / В. М. Холод, Г. Ф. Ермолаев. – Минск : Ураджай, 1988. – 168 с.

Summary

The indicators of protein metabolism of black-and-white breed cow heifers of the Closed Joint Stock Company «Olgovskoye» Vitebsk region are investigated in the initial and final period of lactation. Low level of total protein, serum albumins and reduced activity in plasma aminotransferase of heifers was set up. It indicates a lack of work of protein-synthesizing system of the body of the animal group.

Поступила в редакцию 23.08.12.

ПЕДАГАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 796:372.879.6

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ ОСНОВЫ ФОРМИРОВАНИЯ КУЛЬТУРЫ
ДОСУГА СТАРШЕКЛАССНИКОВ СЕЛЬСКИХ ШКОЛ**В. В. Клинов**преподаватель кафедры теории и методики физического воспитания
УО МГПУ им. И. П. Шамякина**М. В. Клинов**магистрант кафедры теории и методики физической культуры
УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

В статье рассматриваются вопросы организации свободного времени старшеклассников сельских школ. Выделено и раскрыто содержание структурных компонентов культуры досуга старшеклассников сельских школ, выявлены критерии и уровни сформированности культуры досуга. Определены основные этапы методики, направленной на формирование культуры досуга у старшеклассников сельских школ.

Введение

Сфера свободного времени и досуга всегда являлась объектом научного интереса. Философия рассматривает свободное время в качестве пространства для осуществления специфических социальных процессов, выявляет истоки возникновения свободного времени и его взаимосвязь с временем рабочим, его социальную ценность. Социология и экономика осуществляют количественный и статистический анализы указанных процессов, исследуют характер и содержание свободного времени личности, деятельность социальных институтов досуга по его наполнению, аксиологию досуга. Психология обращает внимание на потребности и мотивы, определяющие поведение и поступки человека в этой временной сфере. В своей совокупности данные этих наук свидетельствуют о том, что свободное время является доминирующим пространством, в котором происходит физическое и духовное развитие человека [1]–[3].

Разнообразие форм досуговой деятельности диктует разнообразие культуры поведения, досугового общения, развития личностных качеств индивида, его духовных, физических и других социально-значимых потребностей и интересов, что находит отражение в индивидуальной социокультурной деятельности. В связи с этим актуализируется значение социокультурных потребностей, связанных с различными видами, формами организации, функциями, содержанием досуговой деятельности, что определяет необходимость изучения развития культуры досуга личности как фактора формирования современного общества.

Результаты исследования и их обсуждение

Свободное время является одним из важных средств формирования личности молодого человека. Оно непосредственно влияет и на его производственную сферу деятельности, ибо в условиях свободного времени наиболее благоприятно происходят рекреационно-восстановительные процессы, снимающие интенсивные физические и психические нагрузки. Использование свободного времени молодёжью является своеобразным индикатором её культуры, круга духовных потребностей и интересов конкретной личности молодого человека или социальной группы.

Научно-методическое исследование изучаемой проблемы позволило обосновать положение о том, что наиболее благоприятным, «сенситивным» периодом для целенаправленного формирования культуры досуга является старший школьный возраст – это время активного мировоззренческого поиска, центром которого становится проблема смысла жизни. У старшеклассников уже не только имеется достаточный запас знаний, но и отчётливо проявляется стремление и возможность к их систематизации, упорядочиванию [4], [5].

Особенности культурно-досуговой деятельности старшеклассников во многом обусловлены теми сложными и противоречивыми процессами, которые происходят в условиях научно-технического развития, кризиса основных институтов социализации, возрастающего разрыва между социальной и физиологической зрелостью учащихся. Психологические и возрастные особенности, связанные с социальным статусом учащейся молодежи, усиливающейся автономизацией её от родителей, а также спецификой становления подросткового и юношеского самосознания, накладывают существенный отпечаток на характер использования свободного времени.

Исследователи отмечают, что особенности старшего школьного возраста (поисковая, творчески-экспериментальная активность, склонность к игровой деятельности, романтизм, повышенная эмоциональность) сложным образом преломляются в его досуге, который по сравнению с досугом других возрастных групп отличается наибольшей мобильностью, активностью, разнообразием [4].

Таким образом, на досуг старшеклассников оказывают влияние и психологические особенности возраста. Как часто отмечают психологи, поведение молодёжи обусловлено не только её общественным положением, но и впечатлительностью, психической подвижностью и возбудимостью, интеллектуальной мобильностью, преобладанием эмоций над рассудком и др. [5]. Однако было бы неверным характеризовать досуг старшеклассников в целом, не отмечая того, что и внутри этой социально-демографической группы существует много особенностей организации досугового пространства. Вся совокупность различных особенностей даёт возможность выделения культуры досуга старшеклассников в качестве отдельного предмета исследования.

Досуг для современных старшеклассников является одной из первостепенных ценностей, в этой области реализуются многие социокультурные потребности учащихся. Для досуговой сферы жизнедеятельности в наибольшей степени характерна свобода личности, которая проявляется в выборе форм, места, времени проведения досуга. Именно в сфере досуга старшеклассники более чем где-либо выступают в качестве свободных индивидуальностей.

Актуализация вопросов культуры досуга старшеклассников обусловлена и тем, что молодое поколение, в соответствии со своими социокультурными потребностями, время досуга посвящает в основном общению в молодёжных компаниях, группах сверстников, где формируется особая молодёжная субкультура, влияющая на становление личности молодого человека. Исходя из вышеизложенного, решение проблемы культуры досуга старшеклассников сельских школ является своевременным и актуальным.

Для обоснования системы формирования культуры досуга старшеклассников сельских школ, наряду с теоретико-методологическим анализом проблемы, мы провели исследование, направленное на определение их культурно-досуговых предпочтений. В ходе исследования нами было проведено анкетирование учащихся 10–11-х классов сельских школ Калинковичского района (Государственное учреждение образования Антоновская средняя школа, ГУО «Бобровицкая средняя школа», ГУО «Домановицкая средняя школа»). Общий объём выборки составил 139 старшеклассников сельских школ.

Анкетирование позволило определить наиболее актуальные формы проведения свободного времени учащихся старших классов сельских школ. Они были условно разделены на три группы: а) наиболее привычные формы досуга – используемые постоянно, регулярно или часто большинством старшеклассников (суммарно более 60% ответов); б) встречающиеся формы досуга – используемые постоянно, регулярно или часто (40–60%; опрошенных);

в) редко используемые формы досуга (сумма ответов редко или практически не используется не менее 60%). Результаты представлены в таблице 1.

Таблица 1 – Формы культурно-досуговых предпочтений старшеклассников проживающих в сельской местности

Формы времяпрепровождения	ОТВЕТЫ			
	<i>постоянно, регулярно (%)</i>	<i>часто (%)</i>	<i>редко (%)</i>	<i>практически не используется (%)</i>
Наиболее привычные				
1. Компьютер (интернет)	64,8%	14,4%	14,4%	6,4%
2. Просмотр телевизионных передач	59,04	21,6	12,96	6,4
3. Игра на компьютере	48,24	25,2	18	8,56
4. Посещение вечеров отдыха, дискотек	32,4	29,52	23,7	14,38
5. Прослушивание аудиозаписей, радио	29,8	34,56	14,4%	21,4
Встречающиеся				
6. Занятия физкультурой, спортом	27,36	29,52	39,6	3,52
7. Пассивный отдых	25,2	32,4	34,56	7,84
8. Туризм	21,6	34,56	32,4	11,44
9. Рыбалка, охота, собирание грибов и ягод	18	39,6	27,36	15,01
10. Игра в карты, домино и пр.	18	34,56	29,52	17,92
11. Работа в саду, на огороде, на приусадебном участке	14,4	32,4	44,64	8,56
12. Физкультурно-оздоровительные мероприятия	12,96	29,52	48,24	9,28
13. Чтение художественной литературы	12,96	39,6	39,6	7,84
Редко используемые				
14. Участие в общественной жизни	10,8	32,4	29,56	34,56
15. Чтение газет, общественно-политических журналов	8,64	26,56	32,4	32,4
16. Сочинение стихов,	7,2	31,6	39,6	21,6
17. Занятие живописью	7,2	22,96	44,64	25,2
18. Игра на музыкальных инструментах	5,76	33,04	50,4	10,8
19. Посещение театров, выставок, музеев	3,6	28,36	59,4	8,64

Приведённые данные свидетельствуют о том, что досуг большинства старшеклассников ориентирован на потребление так называемой «массовой культуры»: интернет, игра в компьютерные игры, прослушивание аудиозаписей, радио, просмотр телевизионных передач, видеозаписей посещение вечеров отдыха, дискотек.

Неумение правильно организовать свой досуг приводит современных старшеклассников к долгому сидению перед телевизором, компьютерной зависимости и т. п., что приводит к потере зрения, нарушению осанки, болезням позвоночника. Малоподвижный образ жизни способствует развитию гиподинамии, наблюдается потеря аппетита, плохой сон. Старшеклассник становится апатичным, раздражительным, у него часто меняется настроение. Возможность выхода в сеть интернет и виртуального общения не способствует развитию навыков общения с реальными сверстниками. Занятия физкультурой, спортом, туризмом и участие в физкультурно-оздоровительных мероприятиях не пользуются популярностью у современных сельских старшеклассников, они выбирают эти формы проведения свободного времени не так часто, как следовало бы. Это свидетельствует об неэффективной работе со старшеклассниками в сфере их свободного времени и наличии определённых проблем в этой области.

Таким образом, проведённое анкетирование показывает, что требуется целенаправленная работа по привлечению старшеклассников к занятиям физкультурой и спортом с целью компенсации способов проведения досуга с элементами гиподинамии.

Исходя из вышесказанного, вектор педагогических исследований должен быть направлен на поиск эффективных путей и способов формирования культуры досуга у учащихся старших классов сельской местности.

Под культурой досуга мы понимаем качественную характеристику человеческой деятельности во всём многообразии её видов, форм, способов и результатов, представляющую собой набор ценностных ориентаций и форм поведения, а также готовность к участию в социально значимых видах досуговой деятельности, способствующих самореализации внутреннего творческого потенциала личности в свободное время.

Досуговую деятельность школьников мы рассматриваем как комплексную педагогическую форму организации свободного от обязательных учебных занятий времени, которое используется для прогулок, спорта, физкультурно-оздоровительных занятий, занятий искусством, техникой и другими полезными видами деятельности по собственному выбору и влечению школьников.

Были выделены следующие компоненты культуры досуга:

Потребностно-мотивационный – предполагает наличие у старшеклассников потребностей и мотивов, придающих действиям по организации культуры досуга более осмысленный и целенаправленный характер, развитие интереса и желания участия в культурно-досуговой деятельности. Отражает своеобразие потребностей, мотивов и целей, определяющих активность учащихся в области своего досуга.

Когнитивный – включает систему знаний о личном и общественном досуге, направлениях его организации. Предполагает наличие у учащихся комплекса теоретических знаний, охватывающих широкий спектр психологических, экологических, физкультурно-оздоровительных и других аспектов, тесно связанных со знаниями о культуре досуга, приобщающими старшеклассников к формированию индивидуального стиля культурно-досуговой деятельности.

Ценностно-смысловой – включает совокупность социальных, психологических и педагогических ценностей культуры досуга. Определяет направление предстоящих преобразований личности старшеклассника с ориентацией на присвоение ценностей культуры досуга с учётом их деятельности и современной социокультурной ситуации. Усвоенные ценности наделяют смыслом культурно-досуговую деятельность старшеклассников.

Деятельностно-поведенческий – характеризует готовность действовать в соответствии с общепринятыми нормами, предполагает ориентацию поведения личности на реализацию норм и требований культуры досуга, а также возможность рационального использования потенциала физкультурно-оздоровительной и спортивной деятельности при организации своего досуга. Включает в себя совокупность основных форм культуры досуга.

Исходя из выделенных структурных компонентов культуры досуга, можно сделать вывод, что чем выше уровень развития отдельных компонентов, тем выше уровень развития структуры в целом. В свою очередь, развитость указанных компонентов определяется сформированностью составляющих каждого из них. Логично предположить, что на высоком уровне воспитания культуры досуга все компоненты в относительно равной степени взаимосвязаны и взаимодействуют, а низкий уровень представлен слабым развитием и взаимообусловленностью составляющих. Для определения уровня развития культуры досуга необходимо использовать специальную критериальную базу. В рамках нашего исследования критерий рассматривается как признак, на основании которого осуществляется классификация изменений, происшедших в процессе формирования культуры досуга старшеклассников и их оценка.

В соответствии с выделенными структурными компонентами культуры досуга и исходя из системного понимания подготовки старшеклассников к культурно-досуговой деятельности, нами определены критерии, характеризующие их (рисунок). Культура досуга старшеклассников, как и другие виды культуры личности, имеет разные уровни сформированности. На основе её сущностных характеристик, динамики развития, выявленных критериев мы выделяем четыре основных уровня её сформированности: оптимальный, допустимый, критический, недопустимый.

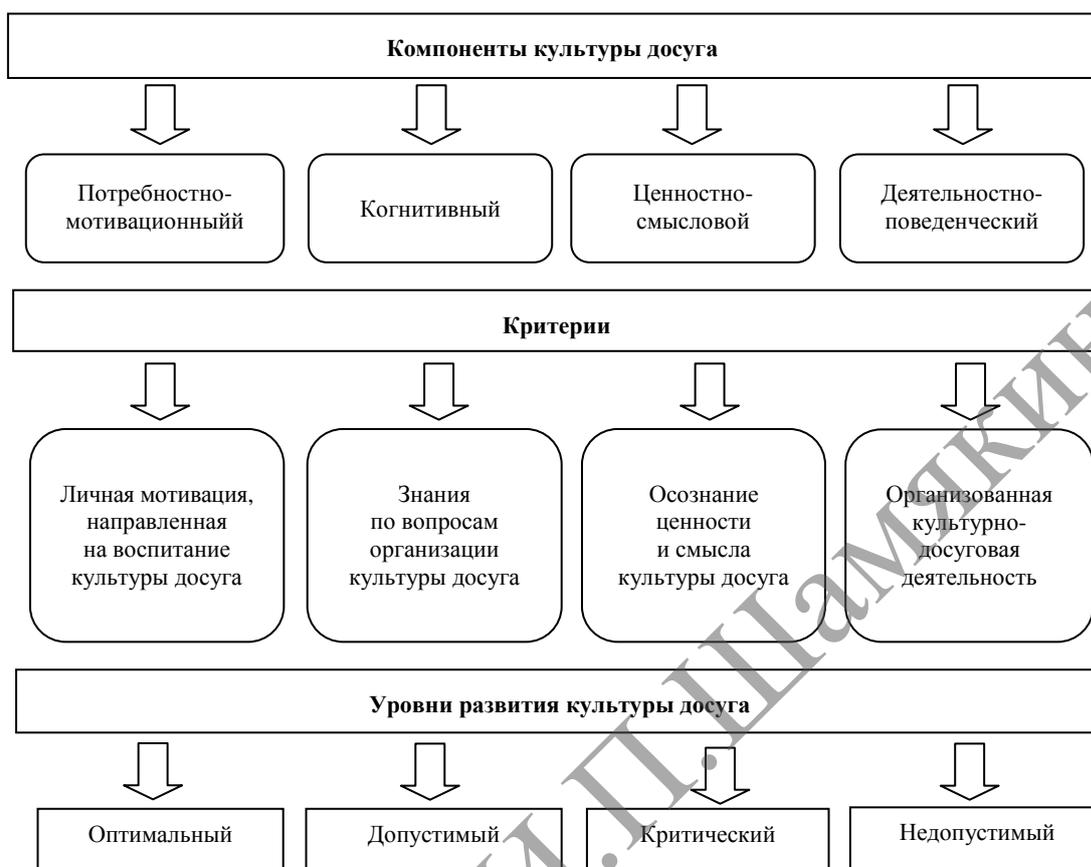

Рисунок – Структура культуры досуга старшеклассников, проживающих в условиях сельской местности

Представленные теоретико-методологические основы культуры досуга (рисунок) могут быть использованы организации процесса формирования культуры досуга старшеклассников. Теоретико-методологические основы культуры досуга носят открытый характер, постоянно развиваются и при необходимости могут пополниться новыми компонентами.

Таким образом, системное целостное представление о культуре досуга учащихся старших классов, определение её сущности, структурных компонентов представляет собой теоретическую основу для разработки научно-технологических основ её формирования.

Для эффективной подготовки старшеклассника при формировании культуры досуга необходим поиск современных форм и методов обеспечения эффективности данного процесса. В содержательном отношении процесс формирования культуры досуга представляется нам состоящим из четырёх функциональных этапов, ориентированных на формирование определённой группы лично значимых качеств, характеризующих развитие всех структурных компонентов культуры досуга и повышение уровней их сформированности. Исходя из данных теоретико-методологических оснований, нами были выделены основные этапы образовательной методики, которые отражают план преобразующей деятельности: диагностический, побудительно-ориентировочный, конструктивный, итоговый. Каждый этап характеризуется целью, методами, средствами и ожидаемым результатом, что в целом позволяет достичь поставленной цели (таблица 2). Предполагаемым результатом реализации методики является положительная динамика уровней сформированности культуры досуга старшеклассников сельских школ.

Таблиця 2 – Методика формування культури дозуга учасників старших класів сільських шкіл

Етапи формування	Цель	Методи и средства формирования	Ожидаемый результат
<i>Диагностический</i>	Диагностика начального уровня культуры досуга старшеклассников	Анкетирование направленное на определение уровня сформированности культуры досуга	Получение информации о первичных характеристиках состояния культуры досуга
<i>Побудительно-ориентировочный</i>	Формирование установки на культурно-досуговую деятельность и устойчивой потребности в физкультурно-оздоровительных занятиях	Проведение лекций, бесед о культуре досуга, индивидуальные консультации	Устойчивая потребность в систематической культурно-досуговой деятельности; восприятие понятия культура досуга как необходимой ценности человека
<i>Конструктивный</i>	Системная культурно-досуговая деятельность	Занятия в спортивных секциях, физкультурно-оздоровительные праздники и фестивали, спартакиады, дни спорта и здоровья, туризм, подвижные игры	Сформированная жизненная позиция по вопросам культуры досуга и, как следствие, эффективная организация своего досуга
<i>Итоговый</i>	Определение итогового уровня сформированности культуры досуга	Мониторинг сформированности культуры досуга	Допустимый и оптимальный уровень культуры досуга старшеклассников

При формировании культуры досуга старшеклассника необходимо решать следующие задачи:

- привлекать старшеклассников к культурно-досуговой деятельности;
- реализовывать программы, режимы занятий в области культуры досуга в соответствии с потребностями старшеклассников;
- подбирать адекватные формы культурно-досуговой деятельности;
- обеспечивать уровень двигательной активности, соответствующий состоянию и потребностям занимающихся;
- способствовать осознанному использованию физической культуры как средства культурно-досуговой деятельности;
- формировать умения эффективного общения между участниками культурно-досуговой деятельности;
- формировать систему знаний о способах и формах культуры досуга, её влиянии на старшеклассников.

Таким образом, предложенная нами методика позволяет пробудить у старшеклассников интерес к культуре досуга, вооружить их знаниями, апробировать механизмы перевода знаний в устойчивую жизненную позицию на основе сформированности у них умений культурно-досуговой деятельности, развить творческие способности, реализуемые в конкретном поведении учащихся на основе ценностного отношения к своему свободному времени и здоровью, что, в свою очередь, позволило последовательно и целенаправленно формировать у них культуру досуга.

В современных условиях важно, чтобы учащиеся старших классов не только владели культурой досуга, но и приобретали целостное, системное видение мира, что является существенным показателем культурной личности. Обучение культуре досуга предполагает всестороннее развитие личности, что означает органическое единство интеллектуальных, физических, нравственных, эстетических качеств ученика, направленных на формирование творческой активности, сознания и самосознания, развитие креативных способностей в процессе

реализации досуговой деятельности. Формирование культуры досуга представляет собой набор ценностных ориентаций и форм поведения, а также готовность к участию в социально значимых видах досуговой деятельности, способствующих самореализации внутреннего творческого потенциала личности в досуговое время. Данный процесс ориентирован на личностное развитие старшеклассника. Ему предоставлено право выбора объектов и форм деятельности, которые соответствуют его интересам и способностям.

Выводы

Разработанные нами теоретические основы формирования культуры досуга у старшеклассников сельских школ дают наглядно-логическое представление исследуемого нами процесса и отражают компоненты, входящие в его состав, критерии сформированности и основные уровни сформированности культуры досуга.

Предложенная нами методика позволяет пробудить у старшеклассников интерес к культуре досуга, вооружить их знаниями, апробировать механизмы перевода знаний в устойчивую жизненную позицию на основе сформированности у них умений культурно-досуговой деятельности, развить творческие способности, реализуемые в конкретном поведении учащихся на основе ценностного отношения к своему свободному времени и здоровью, что, в свою очередь, позволит последовательно и целенаправленно формировать у них культуру досуга.

Литература

1. Брижатова, С. Б. Культурная среда / С. Б. Брижатова. – Барнаул : АлтГАКИ, 2002. – 268 с.
2. Социально-культурная деятельность: история, теория, основные сферы реализации, субъекты, ресурсы, технологии / Т. Г. Киселева, Ю. Д. Красильникова. – М. : МГУКИ, 2001. – 237 с.
3. Стрельцов, Ю. А. Культурология досуга / Ю. А. Стрельцов. – М. : МГУКИ, 2003. – 296 с.
4. Гурьянова, М. П. Сельская школа и социальная педагогика : пособие для педагогов / М. П. Гурьянова. – Минск : Амалфея, 2000. – 448 с.
5. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии : в 2 т. / С. Л. Рубинштейн. – М. : Педагогика, 1989. – Т. 1. – 283 с.

Summary

In the article questions of the organisation of free time of senior pupils of rural schools are considered. The maintenance of structural components of leisure culture of senior pupils of rural schools is allocated and opened, criteria and levels to form leisure cultures are revealed. The basic stages of the technique directed on the formation of leisure culture of senior pupils of rural schools are defined.

Поступила в редакцию 03.08.12.

УДК 796.376

**ПРОЕКТИРОВАНИЕ МАТЕРИАЛЬНО-ТЕХНИЧЕСКОГО КОМПОНЕНТА
СОВРЕМЕННОЙ ФИЗКУЛЬТУРНО-СПОРТИВНОЙ ОБРАЗОВАТЕЛЬНОЙ СРЕДЫ****М. Г. Кошман**кандидат педагогических наук,
доцент кафедры ТиМФК УО «ГГУ им. Ф. Скорины»**В. Н. Старченко**кандидат педагогических наук,
доцент кафедры ТиМФК УО «ГГУ им. Ф. Скорины»**Т. Г. Шатюк**кандидат педагогических наук,
заведующий кафедрой социальной и педагогической психологии
УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

В статье рассматривается проблема проектирования материально-технического компонента современной физкультурно-спортивной образовательной среды. Выделены две группы его функций (общая и специальная). Определены принципы организации материально-технического компонента современной физкультурно-спортивной образовательной среды. Доказано, что проектирование выступает условием развития материально-технического компонента посредством создания его стратегического проекта.

Введение

Реализация современных концептуальных положений физического воспитания подрастающего поколения требует проектирования адекватной образовательной среды и ее материально-технического компонента [1]. Остановимся на краткой характеристике теоретико-методологических основ средового подхода в образовательном пространстве. Современная образовательная среда (СОС) отечественных общеобразовательных учреждений является социокультурным порождением, которое в свою очередь предопределяется необходимостью создания и реализации комплекса условий для оптимального запуска процессов становления, функционирования и развития физической культуры личности молодого гражданина Республики Беларусь.

В исследовании материально-технического компонента теоретической основой выступает эколого-личностная модель образовательной среды, разработанная В. А. Ясвиным [2]. По его утверждению, термином «образовательная среда» следует обозначать «систему влияний и условий формирования личности по заданному образцу, а также возможностей для ее развития, содержащихся в социальном и пространственно-предметном окружении». Для того чтобы образовательная среда обладала развивающим эффектом, она должна быть способна обеспечивать комплекс возможностей для саморазвития всех субъектов образовательного процесса (учащихся и педагогов). Этот комплекс, по мнению В. А. Ясвина, включает три структурных компонента:

- пространственно-предметный – помещения для занятий и вспомогательных служб, здание в целом, прилегающая территория и т. п.;
- социальный – характер взаимоотношений всех субъектов образовательной деятельности (учащихся, педагогов, родителей, администраторов и др.);
- психодидактический – содержание и методы обучения, обусловленные психологическими целями построения образовательного процесса.

Кроме этого, эвристическими являются и другие модели образовательной среды, разработанные отечественными учеными: коммуникативно-ориентированная модель образовательной среды, разработанная В. В. Рубцовым; антрополого-психологическая модель образовательной среды, которая предложена В. И. Слободчиковым; психодидактическая модель образовательной среды школы, предложенная В. П. Лебедевой, В. А. Орловым, В. А. Ясвиным и др.; экпсихологическая модель образовательной среды, предложенная психологом В. И. Пановым.

Результаты исследования и их обсуждение

При раскрытии сущностных характеристик этого феномена мы опираемся на теоретико-методологические исследования коллектива ученых лаборатории проектирования образовательных систем Научно-методического учреждения «Национальный институт образования», которые сформулировали обобщенное определение понятия «Образовательная среда школы». Образовательная среда школы – совокупность (система) разного рода возможностей, предоставляемых учреждением образования субъектам образовательных процессов для обеспечения условий их полноценного и разностороннего развития. Материально-технический компонент развивающей образовательной среды представляет собой систему технических и предметных средств, служащую для предоставления субъектам возможностей для освоения знаний, умений и способов деятельности, стимулирующую к активной познавательной деятельности, позволяющую удовлетворять потребности в познании, общении и присвоении базовых основ культуры. В соответствии с онтологическими представлениями, зафиксированными в данных определениях под «Материально-техническим компонентом (МТК) современной развивающей образовательной физкультурно-спортивной среды понимается система технических и предметных средств, служащая для предоставления субъектам физкультурно-спортивной деятельности возможностей для освоения физкультурного мышления, знаний, ценностей, двигательных умений и способов физкультурной деятельности, развития физических качеств, стимулирующая и активизирующая познавательную и учебно-двигательную деятельность, позволяющую удовлетворять потребности в познании, общении, двигательной деятельности и присвоении базовых основ физической культуры».

В данном определении понятия «Материально-технический компонент современной развивающей образовательной физкультурно-спортивной среды» имеет одно смыслообразующее ядро, в качестве которого выступает «система возможностей для развития учащихся (педагогов), усвоения ими физкультурных знаний, ценностей, способов физкультурного мышления и деятельности ...». В соответствии с этим внешняя материальная и технико-технологическая среда физической культуры и спорта должна создавать систему актуальных и потенциальных возможностей для развития участников (субъектов) образовательного процесса.

В соответствии с важностью и значением материально-технического компонента в современной развивающей физкультурно-спортивной среде раскроем его структуру и функциональное назначение, что позволит задать его структурно-функциональную модель. В состав пространственно-предметных элементов материально-технического компонента включаются такие группы объектов, как: сооружения, помещения, оборудование, инвентарь, книги, предметы одежды и др.

Сооружения и помещения. Делятся на открытые и крытые, а по включенности в учебно-двигательную деятельность:

– **учебно-тренировочные** (спортивные залы, спортивные площадки, стадионы, бассейны, корты, тренажерные залы, тиры...);

– **оздоровительно-рекреационные** (рекреации, зал лечебной физической культуры, зал адаптивной физической культуры, зал физической реабилитации, актовые залы, сауны, видео и кинозалы...).

– **учебно-бытовые** (холлы, коридоры, релактоны, комнаты отдыха, столовая, душевые, фитобары и др.).

– **образовательные и историко-культурные** (музеи спортивной славы, кабинеты олимпийского образования, ...)

Оборудование и инвентарь. Объекты, входящие в состав материально-технического компонента СОС, представляет три основных блока оборудования:

– **учебное:** учебная техника (тренажеры, технические устройства и приспособления, усилители, термометры, микрофоны, вспомогательные материалы и инструмент, музыкальные инструменты и др.), спортивный инвентарь (мячи, скакалки, канаты, сетки, гири, лыжи, коньки, ворота, брусья, тренажеры и др.); учебная мебель (столы и стулья для учащихся и педагогов, учебные доски, скамейки, стеллажи, шкафы и др.);

– *досуговое* (технические устройства, гостевое, праздничное и специальное оборудование, наглядные пособия, спортивно-хозяйственный инвентарь, мебель и др.);

– *учебно-бытовое* технические устройства и предметы для удовлетворения физиологических потребностей (устройства, обеспечивающие работу пищеблока, медблока, санблока), специализированная мебель (диваны, кресла, скамейки, стулья для холлов, коридоров, релактонов, комнат отдыха; столы, стулья, шкафы, стеллажи для оборудования учительской комнаты; диваны, кушетки, кровати, шкафы, используемые для меблировки медицинского блока; шкафчики индивидуального пользования для хранения предметов собственности, размещенные в гардеробе или приспособленном для этого помещении и др.).

Носители информации. Экранно-звуковые и мультимедийные средства (телевизоры, видео- и аудиоманитофоны, экраны, интерактивные доски, проекторы, планшеты, компьютеры, информационно-компьютерные комплексы и др.); наглядно-учебные пособия (учебные плакаты, муляжи, куклы, учебные стенды, макеты, наборы коллекций); учебники; методическая литература; научно-техническая литература; справочники, энциклопедии, словари; художественная литература; периодическая печать; виртуальные библиотеки и др.

Экипировка и атрибутика. Предметы одежды (деловая, спортивная, рабочая, специальная и праздничная...); ранцы, сумки, сменная сезонная спортивная одежда и обувь; вещи; верхняя одежда; эмблемы; медали; символы; физкультурно-спортивные знаки и другая экипировка и атрибутика.

Представленный в форме блиц-содержания состав материально-технического компонента СОС не является законченным и закрытым для дальнейшего расширения, дополнения и развития с учетом появления новых материалов, образцов мебели, оборудования, средств обучения и т. п., которые вызваны развитием науки, техники и человеческого мышления. Эта информация является базисной для дальнейшего размышления, научного поиска, исследовательской аналитики, герменевтической экспертизы и рефлексии, что предоставляет широкие возможности для дальнейшего продвижения по траверзе экспериментального пути в рамках выявления, аргументации, формулировки и фиксации стратегии (принципов) организации материально-технического компонента современной образовательной среды в общеобразовательных учреждениях в сфере физической культуры и спорта.

Функции материально-технического компонента современной развивающей физкультурно-спортивной среды подразделяются на две группы: общие и специальные. К общим функциям относятся следующие: эстетическая, зрелищная, коммуникативная, обучающая, воспитательная, развивающая, досугово-рекреационная, реабилитационно-коррекционная, гедонистическая, эвристическая.

Эстетическая функция заключается в создании условий, отражающих высшие достижения науки и техники, информационных технологий в сфере физического совершенствования человека. Помещения, оборудование, инвентарь по физическому воспитанию и спорту должны соответствовать канонам красоты и продуцировать красоту тела, движения, отношения и физкультурного мышления. Зрелищная функция отражает проявление максимальных физических и психических возможностей человека в условиях соревнования, кризиса и экстремальных условий. Современный и адекватный физическому упражнению МТК СОС в сфере физического воспитания и спорта, а также само соревнование предстают как зрелище, яркое, захватывающее событие участников состязания, демонстрирующее силу духовно-телесной природы человека. Коммуникативная функция заключается в процессе познания, общения участников физкультурно-спортивной и соревновательной деятельности. МТК СОС в потенциале имеет большой информационный компонент и выражает отношение общества и личности к физкультурно-спортивной сфере в поликультурном взаимодействии. Обучающая функция заключается в том, что, по мнению профессора И. П. Ратова, реализуется концепция искусственно-управляющей среды, способствующая более эффективному обучению двигательных умений и навыков. Она выражается в принципе принудительно-облегчающего разучивания, где создаются искусственные условия внешней среды, позволяющие поэтапно формировать двигательные действия. Воспитательная функция заключается в стимулировании и создании мотивации для формирования базой культуры личности в процессе занятий физической культурой и спортом. Развивающая функция заключается в создании условий для рефлексивно-деятельностного отношения субъектов физкультурно-спортивной деятельности на основе реализации принципа обратной связи. Досугово-рекреационная функция выражает валеологическую, здоровьесберегающую направленность МТК СОС в физическом воспитании и массовом спорте. Имеется огромное

количество материально-технических средств в физическом воспитании и спорте, позволяющих человеку заняться активным отдыхом и полезно, рационально проводить свободное время. Реабилитационно-коррекционная функция реализуется в адаптивном физическом воспитании и спорте, а также в процессе занятий с учащимися, отнесенными по состоянию здоровья к специальной медицинской группе и группе лечебной физической культуры. Она выражается в восстановлении утраченных форм и функций организма, а также в совершенствовании телесной и двигательной функций человеческого организма. Гедонистическая функция заключается в получении удовольствия от занятий физическими упражнениями на современной базе МТК СОС в сфере физической культуры и спорта. Эвристическая функция проявляется в решении различных и многообразных двигательных задач и проблем при выполнении образовательной, учебно-тренировочной и соревновательной деятельности.

К специальным функциям МТК СОС относятся следующие: мотивирующая, деятельностно-практическая, прикладная, преобразующая, диагностическо-оценочная, организационно-управленческая, информационно-коммуникативная.

Мотивирующая функция заключается в проявлении внутренней и внешней мотивации личности занимающихся, в стимулировании, в появлении интереса к занятиям физической культурой и спортом. Деятельностно-практическая функция проявляется в осуществлении полноценной, в соответствии с учебной программой, двигательной и физкультурно-спортивной деятельности. Прикладная функция заключается в решении с помощью МТК СОС жизнедеятельностных задач в процессе физического воспитания и спорта. Преобразующая функция отражает изменение, трансформацию телесности и двигательной сферы человека, который занимается в условиях СОС, насыщенной материально-техническим компонентом физкультурно-спортивного профиля. Диагностическо-оценочная функция отражает механизм обратной связи в процессе занятий физическими упражнениями в условиях МТК СОС, насыщенного информационными технологиями и искусственным интеллектом. Организационно-управленческая функция МТК СОС выражает создание и организацию занятий физическим упражнениями, а также управление физкультурным развитием человека. Информационно-коммуникативная функция отражает до предела насыщенность современными информационными технологиями и обмен информацией между субъектами физкультурно-спортивной деятельности с целью познания и общения.

Принципы организации МТК современной физкультурно-спортивной образовательной среды: целесообразности (принцип отражения цели), трансформируемости, модульности [3]. Раскроем сущностные характеристики каждого принципа.

Целесообразности (принцип отражения цели). При разработке (проектировании) МТК СОС необходимо исходить из преследуемой целевой установки. При этом цель должна быть представлена системно и, по-возможности, конкретно, с указанием численных значений её главных параметров. Такое представление цели использования МТК СОС позволяет реализовать принцип отражения цели, который требует от проектировщика использования значений главных параметров цели при создании всех конструктивных элементов упомянутой среды.

Трансформируемости. При разработке (проектировании) МТК СОС следует исходить из принципиальной возможности её трансформации в соответствии с изменениями параметров цели, а также в соответствии с изменениями педагогически значимых параметров контингента её пользователей.

Модульности. Достижение требований предыдущего принципа естественным образом может быть реализовано посредством модульного построения элементов МТК СОС. Комбинация модулей в том или ином порядке позволит трансформировать МТК СОС среду как в соответствии с изменениями параметров цели, так и в соответствии с изменениями параметров контингента её пользователей.

Вопросами проектирования, организации и управления созданием материально-технического компонента СОС по статусу должны заниматься управленцы различных уровней, начиная от членов Правительства, курирующих вопросы образования, физической культуры и спорта, работников министерства образования, министерства спорта и туризма и заканчивая директорами учебных заведений, детско-юношеских спортивных школ, учителями физической культуры, тренерами, учащимися и их родителями и родственниками.

Наличие принципов организации материально-технического компонента современной физкультурно-спортивной образовательной среды (СФСООС) в общеобразовательных учреждениях,

учреждениях спорта в свою очередь характеризуется стратегическим проектом ее создания: аналитико-проблематизационный; потребностно-мотивационный; аксиологический; научно-теоретический; проектировочный (разработка проекта создания материально-технического компонента СФСОС); ресурсный (всестороннее ресурсное обеспечение проекта МТК СФСОС: кадровое, финансовое, научное, материально-техническое, учебно-методическое и др.); оценочно-экспертный (осуществление логико-герменевтической и социокультурной видов экспертиз в рамках профессиональной, общественной, государственной, общественно-государственной типов экспертиз); рефлексивно-управленческий; экспериментальный; инновационный; внедренческий [4]. Реализация стратегического плана базируется на тактическом планировании, которое представляет в развернутом виде поэтапную деятельность по организации и созданию материально-технического компонента СФСОС.

Выводы

1) Функции материально-технического компонента современной развивающей физкультурно-спортивной среды подразделяются на две группы: общие и специальные. К общим функциям относятся: эстетическая, зрелищная, коммуникативная, обучающая, воспитательная, развивающая, досугово-рекреационная, реабилитационно-коррекционная, гедонистическая, эвристическая. К специальным функциям относятся следующие: мотивирующая, деятельностно-практическая, прикладная, преобразующая, диагностическо-оценочная, организационно-управленческая, информационно-коммуникативная.

2) Принципами организации МТК современной физкультурно-спортивной образовательной среды являются: целесообразности (принцип отражения цели), трансформируемости и модульности.

3) Организация и управление материально-техническим компонентом современной физкультурно-спортивной образовательной среды в общеобразовательных учреждениях, учреждениях спорта осуществляется посредством создания ее стратегического проекта (концептуальная часть, технологическая часть и ресурсное обеспечение).

Литература

1. Кряж, В. Н. Гуманизация физического воспитания / В. Н. Кряж. – Минск : НИО, 2001. – 179 с.
2. Ясвин, В. А. Образовательная среда: от моделирования к проектированию / В. А. Ясвин. – М. : Смысл, 2001. – 362 с.
3. Старчанка, У. М. Натуральныя ўмовы педагагічнага працэсу / У. М. Старчанка // Педагагічная спадчына акадэміка І. Ф. Харламава і сучасныя праблемы навучання і выхавання вучнёўскай і студэнцкай моладзі (да 85-годдзя з дня нараджэння) : матэрыялы рэсп. навук.-практ. канф. : у 2 ч. / ГГУ ім. Ф. Скарыны ; рэдкал.: Ф. У. Кадол [і інш.]. – Гомель :, 2005. – Ч. 1. – С. 139–144.
4. Кошман, М. Г. Культура педагогического проектирования в образовании : учеб.-практ. пособие / М. Г. Кошман, И. А. Мазурок ; под ред. И. А. Мазурок. – 2-е изд., испр. и доп. – Гомель : ГУО «ГОИРО», 2008. – 148 с.

Summary

The article deals with the problem of building material and technical components of modern physical training, sport and educational space.

Two groups of its functions (the general and special) are allocated. Principles of the organisation of a material component of the modern physical training, sport and educational space. It is proved that designing acts as a condition of development of a material and technical components by means of creation of its strategic project.

Поступила в редакцию 03.08.12.

УДК 796.15

СПОРТИВНЫЙ РЕЗУЛЬТАТ КАК МНОГОФАКТОРНОЕ ЯВЛЕНИЕ В ПОДГОТОВКЕ ВЫСОКОКВАЛИФИЦИРОВАННЫХ СКОРОХОДОВ

В. С. Лемешков

кандидат педагогических наук, доцент,
преподаватель физической культуры
УО «Гомельский государственный педагогический колледж
им. Л. С. Выготского»

В статье проведен анализ стремления к достижению наиболее высоких спортивных результатов, что является специфической чертой спорта как уникального и многогранного социального феномена. При этом спортивный результат выступает в качестве интегрального продукта всей системы подготовки спортсмена. Сопоставление спортивных результатов в отдельных видах спорта по шкале «лучше – хуже» свидетельствует о возможностях человека в данном виде спортивной деятельности, о качестве школы спорта в стране, об уровне развития спортивной культуры и степени прогресса с ней других видов культуры общества.

Введение

В связи с тем, что разработка общих основ акмеологии спортивных достижений как относительно нового направления в теории спорта началась сравнительно недавно, большинство категорий данной области научных знаний пока ещё не систематизировано и не подвергалось обстоятельному формально-логическому и содержательному анализу. Некоторые из понятий, к примеру «спортивный результат», «спортивное достижение», рассматривались главным образом в рамках теории спорта.

Поэтому накопленные на сегодня научно-прикладные знания о спортивных результатах носят весьма фрагментарный, неупорядоченный и противоречивый характер, не определена их специфика и структура. Наблюдается неравномерность развития знаний, освещающих теоретико-методологические, психологические, медико-биологические, педагогические, метрологические и многие другие аспекты проблемы максимальных достижений высококвалифицированных скороходов.

Цель исследования – описание влияния факторов, обеспечивающих спортивные наивысшие результаты, что позволяет глубже познать природу рекордных проявлений в спортивной ходьбе, тенденции и закономерности их развития; разработка научно обоснованной методики прогнозирования спортивных результатов; анализ процесса организации и управления подготовкой при достижении спортивных результатов.

Результаты исследования и их обсуждение

Соревнования в системе подготовки спортсменов являются не только средством контроля за уровнем подготовленности, способом выявления победителя, но и важнейшим средством повышения тренированности и спортивного мастерства.

Спортивный результат как продукт соревновательной деятельности, имеющий самостоятельную ценность для спортсмена, тренера, зрителей, спортивной организации, страны и т. п., обуславливается большим количеством факторов [1], [2].

В научно-методической литературе описано более 150 факторов и условий, прямо или косвенно влияющих на уровень и динамику спортивных достижений в обществе [3].

На наш взгляд, все эти факторы условно можно разделить на 3 основные группы, обладающие общими родственными признаками (рисунок).

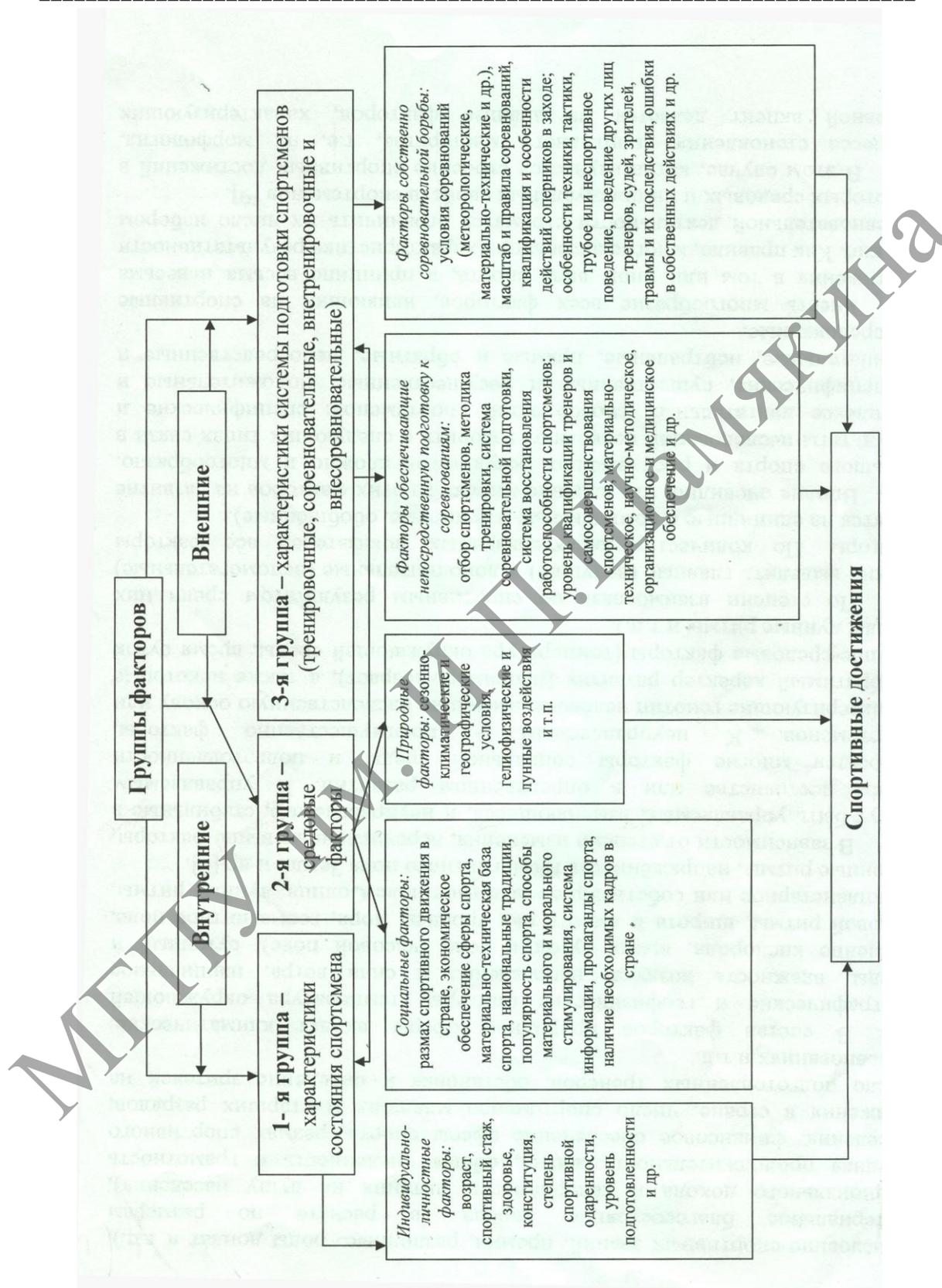

Рисунок – Классификация факторов, обуславливающих спортивные достижения квалифицированных спортсменов

Первая группа факторов связана с индивидуально-личностными особенностями скороходов и со степенью их готовности к спортивным достижениям. К ним обычно относят: возраст, пол, спортивный стаж, морфологическую конституцию, тип нервной системы и темперамента, хронотип, одарённость, уровень спортивной работоспособности, адаптационных возможностей организма спортсменов, их спортивной подготовленности – физической, технической, психологической и мн. др. [4].

Вторая группа факторов характеризует эффективность системы подготовки, обеспечивающую рост спортивных достижений в определённом виде спорта. К их числу относят: ориентацию и отбор спортсменов; совершенство методики тренировки, соревнований и реабилитации; материально-техническое, информационное, научное, медико-биологическое обеспечение тренировочного процесса, соревнований; повышение специальных знаний и педагогического мастерства тренеров и уровня самосовершенствования спортсмена [5], [6].

Это, по терминологии Л. П. Матвеева [7], комплекс так называемых тренировочных, соревновательных, внутренировочных и внесоревновательных факторов в системе подготовки и соревновательной деятельности спортсменов.

Третья группа факторов включает в себя окружение спортсменов, условия жизни и спортивной деятельности. Это средовые факторы – социальные и природные. К социальным факторам спортивных достижений относят: престиж спорта и спортивных высших достижений в общественном мнении, способы морального и материального вознаграждения за победы в соревнованиях и результаты (публичное одобрение властей, награды, присвоение спортивных званий, премии, различные роды доплат и т. п.), материальное благосостояние народа (в расчёте по размерам национального дохода и калорийности питания на душу населения), средняя продолжительность жизни, общая численность и грамотность населения, финансовое обеспечение сферы спорта, размах спортивного движения в стране, число спортсменов младших и старших разрядов, число подготовленных тренеров, обстановка и поведение зрителей на соревнованиях и т. д.

В состав факторов природной сферы входят климатические, географические и геофизические факторы: температура окружающей среды, влажность воздуха, направление и сила ветра, парциальное давление кислорода, время суток и года (часовой пояс), суточный и годовой ритмы, широта и высота над уровнем моря, геомагнитное поле, межпланетарное или собственное магнитное поле Солнца, лунные ритмы, сезонные ритмы, напряжённость геомагнитного поля Земли и др. [8].

В зависимости от степени изменения перечисленные выше факторы могут быть управляемыми, изменяющимися, и неуправляемыми, стабильными в своём постоянстве или в определённом развитии. К управляемым относятся многие факторы социальной среды и подготовленности спортсменов. К неуправляемым – преимущественно факторы, характеризующие генотип человека, имеющие наследственную основу или необратимый характер развития (например возраст), а также некоторые внешнесредовые факторы (температура окружающей среды, время суток и года, лунные ритмы и т. д.).

По степени взаимосвязи со спортивным результатом среди них можно выделить главные (ведущие) и дополнительные (вспомогательные) факторы. По количеству характеризующих показателей все факторы делятся на единичные и комплексные (групповые, обобщённые).

Вполне очевидно, что влияние многих из этих факторов на развитие большого спорта и рост высших результатов сложно и многообразно. Результаты исследований позволяют говорить о следующих типах связи в комплексе двигательных способностей спортсменов: специфические и неспецифические, существенные и несущественные, положительные и отрицательные, нейтральные, прямые и обратные, непосредственные и опосредованные.

Учесть многообразие всех факторов, влияющих на спортивные достижения в том или ином виде спорта, в принципе, весьма сложно. Как правило, многие авторы при характеристике результативности соревновательной деятельности стремятся ограничить их число набором некоторых средовых и индивидуальных свойств спортсменов [9].

В этом случае, когда изучается строение спортивных достижений в процессе становления спортивного мастерства, т. е. их морфология, основной акцент делается на анализе факторов, характеризующих различные стороны подготовленности, определяющих успешность спортивной деятельности [10].

При этом в строении достижений спортсменов разных специализаций и квалификаций целесообразно различать состав и структуру образующих его компонентов [10]. Под составом подразумевается комплекс качественно специфических форм работоспособности, объективно присущих человеку и определяющих успех его спортивной деятельности, а под структурой – закономерности взаимодействия (связи и отношения) между различными составляющими спортивного результата, обеспечивающие их функциональное единство и спортивные возможности человека.

В качестве составляющих спортивных результатов используется широкий круг разнообразных показателей, отражающих параметры соревновательной деятельности, уровень технико-тактического мастерства, физической и психологической подготовленности, морфологические особенности организма и возможности его функциональных систем и т. п. Хочется подчеркнуть, что именно набор многих из этих факторов и их комбинаций определяет содержание спортивных достижений в отдельных спортивных дисциплинах. Отдельные параметры физической, технической, тактической и других сторон подготовленности и состояния спортсмена, определяющие его результат, являются не чем иным, как внутренним фактором спортивных достижений [7].

Все эти факторы, в конечном счёте, определённым образом взаимосвязаны и взаимозависимы в момент достижения спортивного результата. Перечисленные выше составляющие спортивных достижений отражают наиболее общие, свойственные спортсменам разных дисциплин и квалификаций качественные характеристики подготовленности. В то же время в зависимости от специфики вида спорта и квалификации спортсменов каждый из этих показателей включает ряд более тонких характеристик, отражающих спортивное мастерство в каждой спортивной дисциплине. Тип связей между ними и позволяет определить структуру достижения. Учитывая множественность и разнородность составляющих спортивных достижений, его строение носит, скорее всего, полиструктурный характер.

Как известно, количественно структура спортивного достижения может быть выражена посредством многомерного статического анализа – корреляционного, факторного, кластерного, регрессивного.

Как уже было показано выше, разные спортсмены могут добиваться одного и того же результата за счёт развития различных качеств и степени совершенства необходимых умений и навыков, компенсируя функциональное отставание одних из них более выраженным развитием других.

Следовательно, при исследовании структуры спортивных достижений речь может идти об общей структуре, которая присуща всем спортсменам одной специализации, и индивидуальной структуре, присущей отдельным выдающимся спортсменам.

Факты, накопленные некоторыми исследователями, свидетельствуют, что структура спортивных достижений в отдельных спортивных дисциплинах не может оставаться постоянной в ходе становления спортивного мастерства [1]. Она изменяется по мере роста подготовленности. Практически это означает, что связи между отдельными факторами в спортивной ходьбе могут изменяться, и довольно существенно. Те из них, которые играли ведущую роль при одном уровне достижений, могут оказаться менее значимыми при другом уровне. Для углублённого познания строения спортивных достижений в каждом виде спорта необходимо выяснить, от каких индивидуальных факторов зависят максимальные результаты в данном виде спорта; какова зависимость между ними и степень важности каждого из них.

Комплексный и структурный анализ спортивных достижений в спортивной ходьбе имеет принципиальное значение и для изучения их строения и законов развития, и для управления тренировкой. Ведь для того, чтобы начать целенаправленную подготовку, тренеру и спортсмену необходимо чётко представлять, что следует тренировать, какие свойства, качества развивать, какие умения и навыки совершенствовать, т. е. необходимо знать, что лежит в основе рекордных достижений.

В связи с повышением уровня спортивного мастерства, возрастанием конкуренции на крупнейших состязаниях (чемпионаты мира и Олимпийские игры) усилилось и стремление проникнуть вглубь самой сущности и структуры спортивного результата, выявить факторы, в наибольшей мере определяющие спортивные высшие достижения. Иначе говоря, стали предприниматься попытки ответить на вопрос: как устроено то или иное спортивное высшее

достижение. Исследование строения спортивного достижения возможно с помощью комплексного подхода. Его применение предусматривает выделение двух этапов работы: расчленение спортивного достижения на отдельные составляющие и их синтез, интеграция в единое целое. В процессе этого анализ необходимо сочетать с синтезом и наоборот. Познание строения спортивного достижения как системного объекта заключается в выявлении решающих факторов и их доли в данном результате; в определении их упорядочения (иерархии) в рамках целого; в определении взаимных связей между отдельными факторами.

Так как спортивные достижения с позиции системного подхода целесообразно изучать как многомерный и целостный многоуровневый объект, необходимо, прежде всего, выявить взаимосвязи между некоторыми его компонентами, расположенными на различных уровнях единой иерархической структуры. Уже говорилось, что высший иерархический уровень занимают показатели, характеризующие потенциал каждого спортсмена в процессе спортивной деятельности и уровень его спортивного мастерства.

Необходимо отметить, что каждый структурный компонент соревновательной деятельности отражает тот или иной фактор индивидуальных возможностей спортсменов – степень развития и проявления соответствующих двигательных качеств, эффективность техники, морфологические особенности (рост, вес, пропорции тела) и др. Значимость каждого из компонентов соревновательной деятельности в достижении максимальных результатов можно определить по величине коэффициентов корреляции между окончательным результатом и зафиксированными значениями этих составляющих соревновательного упражнения.

Как показывает практика, при демонстрации высших (рекордных) достижений в спортивной ходьбе могут быть различные варианты динамики скорости прохождения различных участков дистанции:

1. На протяжении всей дистанции скорость ходьбы практически неизменна от старта до финиша.
2. В начале дистанции скорость ходьбы несколько меньше, чем за несколько километров до финиша.
3. Высокая скорость ходьбы находится в начале дистанции, затем она постепенно падает и на заключительном отрезке начинает возрастать.

Характер варьирования скорости на соревновательных дистанциях зависит, прежде всего, от длины дистанции и индивидуальных особенностей подготовленности спортсменов, ранга соревнований, целей, которые ставит спортсмен в них, тактики ходьбы, условий соревнований и др.

На наш взгляд, зависимость между результатами и структурными компонентами соревновательной деятельности у одного и того же спортсмена, показанными в длительной серии состязаний, имеет прямое отношение к разработке индивидуальной структуры спортивного достижения и выбору специальных упражнений, которые должны способствовать совершенствованию наиболее значимых его факторов.

Приведённые выше данные показывают, что в спортивной ходьбе состав и структура соревновательной деятельности имеют характерные особенности. Вклад отдельных компонентов соревновательной деятельности в общую спортивную результативность различен. В каждом конкретном случае значимость отдельных параметров соревновательной деятельности в достижении высоких спортивных результатов зависит от специфики спортивной дисциплины, условий внешней среды, морфологических данных и подготовленности спортсменов.

В структуре соревновательной деятельности необходимо учитывать следующие компоненты:

- общие, включающие в себя параметры, присущие всем спортсменам независимо от уровня мастерства;
- особенные, свойственные отдельным группам спортсменов, достигших высоких результатов преимущественно за счёт родственных параметров соревновательной деятельности;
- индивидуальные, указывающие на неповторимость и своеобразие структуры соревновательной деятельности именно данного спортсмена, которые обусловлены его природным отличием от других спортсменов, конкретными условиями спортивной деятельности и индивидуальными путями формирования его спортивного мастерства.

Влияние основных компонентов структуры соревновательной деятельности спортсменов на уровень их спортивных результатов является неоднозначным и изменяется как в рамках годового цикла от соревнования к соревнованию, так и в процессе многолетнего роста мастерства спортсменов.

Структурно-компонентный аспект системного подхода позволяет рассматривать структуру спортивного достижения как иерархическую и многоуровневую.

Выводы

Таким образом, на основании вклада отдельных факторов соревновательной деятельности, обеспечивающих достижение максимальных результатов в спортивной ходьбе, можно утверждать, что:

1. Первый фактор (системообразующий) включает в себя в качестве составляющих представительность, прогрессирующее, стабильность, надёжность и другие параметры достижения, которые характеризуют продуктивность, эффективность системы подготовки спортсмена в целом.

2. Второй фактор (системореализующий) характеризует особенности протекания деятельности спортсмена во время состязания и влияние отдельных её элементов на промежуточный и конечный результат.

3. Третий фактор (системообеспечивающий) определяет степень влияния подготовленности (физической, технической, тактической, психологической) на спортивный результат.

4. Четвёртый фактор (системонаполняющий) характеризует взаимосвязь между спортивным достижением и показателями, обуславливающими спортивные возможности личности (морфологические особенности, пол, возраст и др.).

Логика исследования структуры спортивных результатов требует выявления закономерных связей между компонентами достижений в рамках как одного, так и разных факторов.

Литература

1. Платонов, В. Н. Общая теория подготовки спортсменов в олимпийском спорте / В. Н. Платонов. – Киев : Олимпийская литература, 1997. – 583 с.
2. Платонов, В. Н. Система подготовки спортсменов в олимпийском спорте. Общая теория и её практические приложения / В. Н. Платонов. – Киев : Олимпийская литература, 2004. – 808 с.
3. Матвеев, Л. П. Общая теория спорта / Л. П. Матвеев. – М. : 4-ый филиал Воениздата, 1997. – 304 с.
4. Шварц, Б. В. Медико-биологические аспекты спортивной ориентации и отбор / Б. В. Шварц, С. В. Хрущёв. – М. : Физкультура и спорт, 1984. – 151 с., ил.
5. Войнар, Ю. Теория спорта. Методология программирования : монография / Ю. Войнар, С. Бойченко, В. Барташ. – Минск : Харвест, 2001. – 320 с.
6. Сулов, Ф. П. Структура годового соревновательно-тренировочного цикла подготовки: реальность и иллюзии / Ф. П. Сулов, С. П. Шепель // Теория и практика физической культуры. – 1999. – № 9. – С. 57–61.
7. Матвеев, Л. П. Основы спортивной тренировки : учеб. пособие для ин-тов физ. культуры / Л. П. Матвеев. – М. : Физкультура и спорт, 1977. – 270 с.
8. Ленц, Н. А. Проблемы подготовки спортсменов высшей квалификации / Н. А. Ленц // Научно-спортивный вестник. – 2004. – № 4. – С. 25–32.
9. Stiehler, G. Sportspiele / G. Stiehler, G. Konzag, H. Dobler. – Berlin : Sportverlag, 1988. – 47 p.
10. Разумовский, Е. А. Совершенствование специальной подготовки спортсменов высшей квалификации : автореф. дис. ... д-ра пед. наук : 13.00.04 / Е. А. Разумовский ; Гос. центр. ин-т физ. культуры. – М., 1993. – 48 с.

Summary

The issue of this article is aspiration for the achievement the highest sport results which are a peculiar feature of sport as a many-sided social phenomenon. Alongside sport results step forward as an integral product of the whole sportsmen's preparing system.

Поступила в редакцию 30.01.12.

УДК 37(6)

**ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ОРГАНИЗАЦИИ СТУДЕНЧЕСКОГО САМОУПРАВЛЕНИЯ
В ВЫСШЕМ КОЛЛЕДЖЕ****Т. А. Парафиянович**

соискатель ученой степени кандидата наук кафедры психологии
и педагогического мастерства ГУО «РИВШ»,
проректор по воспитательной работе УО «МГВРК».
Научный руководитель: доктор педагогических наук, профессор,
первый заместитель Министра образования РБ А. И. Жук

В статье рассматривается теоретическая модель организации студенческого самоуправления как условие личностно-профессионального становления обучающихся в высшем колледже. Представленная модель разработана с учетом личностно-ориентированного, системно-деятельностного, компетентностного, культурологического подходов к организации студенческого самоуправления. Охарактеризованы целевой и методологический блоки принципов, содержательный, технологический, ресурсный, результативный блоки разработанной модели.

Введение

В соответствии с гуманистической парадигмой организация процесса воспитания в вузе предусматривает создание необходимых условий для самостоятельного выбора обучающимися индивидуальных траекторий личностно-профессионального становления и саморазвития [1]. В нашем исследовании мы рассматриваем организацию студенческого самоуправления как необходимое условие, фактор личностно-профессионального становления будущих специалистов. Изучив деятельность существующих моделей организации студенческого самоуправления вузов, на основе собственного опыта и метода моделирования как универсального, применяющегося в научных исследованиях при изучении сложных явлений, мы предлагаем авторскую теоретическую модель организации студенческого самоуправления в высшем колледже.

В. В. Краевский в наиболее общем виде под моделью понимает систему, которая, отражая или воспроизводя некоторые стороны, связи, функции объекта исследования, способна замещать его с целью получения новой информации [2]. Моделирование в педагогике способствует усилению ее научно-теоретической функции и предполагает создание теоретической и нормативной моделей [2]. Главным признаком любой теоретической модели выступает наличие структуры, т. е. внутренней организации и взаимосвязи ее элементов. Построение теоретической модели осуществляется на основе ряда принципов – руководящих идей, которые определяют процесс организации студенческого самоуправления, обеспечивают его развитие, совершенствование и реализацию. Для эффективной организации студенческого самоуправления необходимо представлять и реализовывать на практике его теоретическую модель, которую мы понимаем как внутреннюю организацию, структурно-функциональную взаимосвязь входящих в нее блоков, своеобразную платформу, каркас, «обрамление» самоуправленческого процесса, внутри которого последовательно реализуется интеллектуально-творческий потенциал, интересы и способности обучающихся и осуществляется личностно-профессиональное становление будущих специалистов.

Результаты исследования и их обсуждение

В современных научных разработках (В. В. Краевский [2], А. Д. Лашук [3], [4], Д. А. Погонишева [5], О. С. Анисимов [6]) имеет место множество управленческих и критериальных моделей, отражающих наиболее существенные качества коллектива, ведущие факторы эффективного управления, в том числе закономерности организационного поведения. Наличие модели организации студенческого самоуправления и ее педагогическое сопровождение есть главное условие эффективной реализации управления личностно-профессиональным становлением будущих специалистов.

На основании теоретических положений и результатов нашего исследования мы разработали теоретическую модель организации студенческого самоуправления в высшем колледже (рисунок).

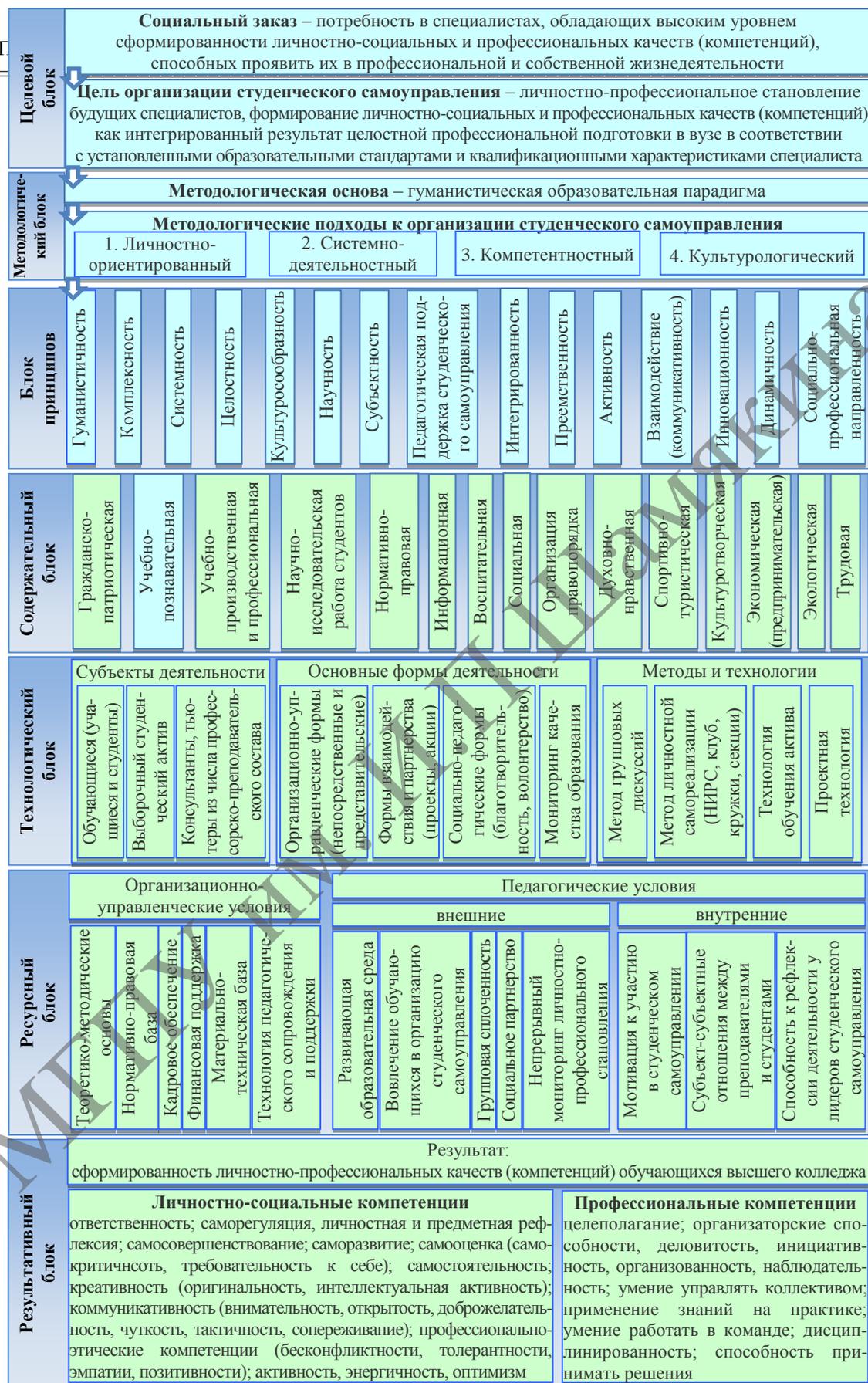

Рисунок 1.1 – Теоретическая модель организации студенческого самоуправления

Теоретическая модель организации студенческого самоуправления включает в себя: целевой блок; методологический блок; блок принципов; содержательный блок; технологический блок; блок ресурсного обеспечения, состоящий из организационно-управленческих и педагогических (внешних и внутренних) условий; результативный блок. При этом целью организации студенческого самоуправления является личностно-профессиональное становление будущих специалистов, формирование личностно-социальных и профессиональных качеств (компетенций) как интегрированный результат целостной профессиональной подготовки в вузе в соответствии с установленными образовательными стандартами и квалификационными характеристиками специалиста. Стержневой основой действующих образовательных стандартов является компетентностный подход, который позволяет более точно сформулировать требования к выпускникам, их профессиональным и личностным компетенциям [7]. **Целевой блок** организации студенческого самоуправления ориентирован на выполнение социального заказа на подготовку специалистов, обладающих высоким уровнем сформированности личностно-социальных и профессиональных качеств (компетенций), способных проявить их в профессиональной и собственной жизнедеятельности.

Методологический блок основан на гуманистической образовательной парадигме, в рамках которой важнейшей ценностью и основным капиталом современного общества является человек, а понятие «личность» становится приоритетным, причем развитие личности человека происходит на протяжении всей жизни, но именно в вузе закладываются основы личностных качеств и формирование их осуществляется на основании следующих подходов:

- *личностно-ориентированного*, который строится на гуманизации образования, развитии индивидуальности обучающихся через вовлечение их в деятельность студенческого самоуправления, расширении границ сотрудничества, партнерского взаимодействия педагогов и обучающихся;

- *системно-деятельностного*, предполагающего целостное построение, моделирование и организацию студенческого самоуправления в развивающей образовательной среде учреждения образования, позволяющего проводить анализ, проектирование личностного, социального, профессионального становления и развития обучающихся, которое определяется характером их практической деятельности, социальной активности;

- *компетентностного*, обеспечивающего ориентацию образования на личностную составляющую, студентоцентрированность, практикоориентированность; конструирование уровня профессионального образования определяется творческим и ответственным отношением обучающихся к обучению, индивидуальными способностями, опытом, мотивированным стремлением к непрерывному саморазвитию и самосовершенствованию, результатами образования в виде компетенций как критерия качества высшего образования;

- *культурологического*, в рамках которого уровень культуры учреждения образования, соответствующий современным нормам и принципам культуры, становится основой развития нового поколения образованных людей, исследование влияния организации студенческого самоуправления на личностно-профессиональное становление осуществляется через специфику деятельности, особенности взаимодействия педагогов и обучающихся, систему ценностей, основанных на традициях, преемственности, опыте, а также призму культуры и качества образования.

Блок принципов организации студенческого самоуправления строится на идеях, которые определяют закономерности построения процесса, обеспечивают его развитие, совершенствование, реализацию, включают в себя следующие принципы: *гуманистичности*, заключающийся в направленности студенческого самоуправления на интересы обучающихся, в создании максимально благоприятных условий для овладения ими социальным опытом, освоения избранной профессии, для развития и проявления творческой индивидуальности, гражданских, нравственных, интеллектуальных качеств, которые обеспечивали бы ему социальную защищенность и комфортную жизнедеятельность; *комплексности*, предполагающий единство педагогического управления и партнерства в учебной и внеучебной деятельности, расширение условий для вовлечения обучающихся в принятие общих управленческих решений, интеллектуально-творческую и научно-исследовательскую деятельность, т. е. включение обучающихся во все виды (формальное, неформальное) образования; *системности*, построенный на взаимосвязи целого и частей, выражающейся в иерархической организации студенческого самоуправления, которая рассматривается как система, не сводимая к сумме элементов,

обладающих структурой, а свойства элемента определяются его местом в структуре; *целостности*, предполагающий стремление к достижению единства и завершенности структурных компонентов, входящих в студенческое самоуправление, наряду с соблюдением формата индивидуальности и персонификации деятельности; *культуросообразности*, подразумевающий, что воспитание должно основываться на общечеловеческих ценностях, преемственности, приобщении обучающихся к различным пластам культуры, традициям высшего колледжа и студенческого самоуправления; *научности*, опирающийся на теоретические положения современных педагогических концепций и представления о сущности, движущих силах и закономерностях процесса становления и развития личности обучающегося, включенного в организацию студенческого самоуправления; *субъектности*, представляющий собой интегральное социально-психологическое качество, сознательную деятельность личности и деятельное отношение к себе и миру, которые, будучи взаимообусловленными, определяют степень субъектного воздействия (взаимодействия) на развивающую образовательную среду и организацию студенческого самоуправления в частности; *педагогической поддержки организации студенческого самоуправления*, предполагающий создание организационно-управленческих условий для личностно-профессионального становления будущих специалистов, процесс личностного и социального взаимодействия преподавателя и обучающихся, осуществляющийся через активность самой личности, соуправление, сетевое взаимодействие; *интегрированности*, подразумевающий создание развивающей образовательной среды, учитывающей возрастные особенности и уровни образования, соответствующей потребностям субъектов образования (личность обучающегося) и студенческого самоуправления; *преемственности*, при котором обучающимся предоставляется возможность обогатить существующие ценности и традиции высшего колледжа и студенческого самоуправления новыми идеями и делами; *активности*, предполагающий способность преодолевать стереотипы, конструировать, создавать новые способы, методы и механизмы освоения профессиональной, управленческой, личностной культуры, в том числе способности эффективной самореализации в студенческом самоуправлении; *взаимодействия (коммуникативности)*, развивающий способности к достижению деловой эффективности посредством неформальной коммуникации, к командообразованию, к коммуникативному стилю работы и делегированию полномочий; *инновационности*, развивающий умения и способности генерировать идеи, видеть будущее, выходить «за границы» собственного сознания, принимать перемены; *динамичности*, способствующий изменению существующих устоев и способов деятельности студенческого самоуправления, учитывающий сложившиеся потребности и мотивы обучающихся; *социально-профессиональной направленности*, включающий создание системы дополнительных возможностей получения опыта, навыков управления, социально-адаптивных норм поведения, самореализации обучающихся с учетом их интересов и потребностей.

Содержательный блок модели организации студенческого самоуправления представлен совокупностью основных направлений деятельности обучающихся (таблица), методов и средств развития их способностей.

Таблица – Основные направления и содержание деятельности обучающихся в организации студенческого самоуправления

Структурные формирования	Содержание деятельности
1	2
Гражданско-патриотическая деятельность	
<i>ПО ОО «БРСМ», профсоюз учащихся и студентов, студенческий клуб, совет музея</i>	сохранение, развитие, приумножение традиций учреждения образования, в таких формах, как проведение дней белорусской культуры, встречи представителей органов государственного управления, администрации с обучающимися, шефство и встречи с ветеранами ВОВ и труда, связи с воинскими частями, работа с допризывной молодежью, историко-этнографические экскурсии по территории Республики Беларусь
Учебно-познавательная деятельность	
<i>комиссия по профилактике правонарушений, учебно-воспитательные комиссии, старосты</i>	повышение сознательности и ответственности обучающихся, вопросы соблюдения правил внутреннего распорядка, обеспечения учебной дисциплины, контроля за посещаемостью учебных занятий и успеваемостью

Продолжение таблицы

Учебно-производственная и профессиональная деятельность	
1	2
<i>технологическая, педагогическая практика</i>	приобретение практического опыта, активизация социальной и профессиональной деятельности, развитие и совершенствование способностей обучающихся, их самоорганизация, самоконтроль, самореализация
Научно-исследовательская работа обучающихся	
<i>СНТО, кружки технического творчества</i>	инновационная научно-исследовательская работа обучающихся (студенческие научно-практические конференции разного уровня); организация и проведение обучающих семинаров-практикумов, семинаров-тренингов, курсов, проектная деятельность; межвузовское взаимодействие
Нормативно-правовая деятельность	
<i>Координационный совет студенческого самоуправления</i>	создание методологического базиса студенческого самоуправления (системы основных идей, теорий, подходов, принципов, концепций, положений, методов, актов), формирование целостного законодательно-правового поля, включающего гласность решений, защиту прав и интересов студентов, формирование просоциальных норм поведения, профилактику асоциальных проявлений, формирование правовой компетенции
Информационная деятельность	
<i>информационно-аналитический центр, радио, малотиражная газета, информационные листки и стенды</i>	своевременное информирование о молодежных акциях, проектах, программах, конкурсах, фестивалях; формирование информационного пространства высшего колледжа, широкое использование информационно-коммуникационных технологий, обеспечение ИКТ-безопасности, прежде всего, ограждение от негативных факторов Интернета
Воспитательная деятельность	
<i>ПО ОО «БРСМ, профсоюз учащихся и студентов», студенческий клуб</i>	целенаправленный процесс создания условий для мотивированного выбора личностью предметной, культурно-досуговой, спортивно-оздоровительной и другой деятельности, определяемой потребностями и интересами, способствующими развитию интеллектуального и творческого потенциала, самореализации, становлению личностно-профессиональных качеств (компетенций) обучающихся, формированию ответственной гражданской позиции, защиты интересов и прав обучающихся
Трудовая деятельность	
<i>ПО ОО «БРСМ» – штаб трудовых дел, штаб «Абитуриент»</i>	обеспечение вторичной занятости обучающихся и формирование студенческих строительных, сервисных, волонтерских, педагогических отрядов, проведение и участие в акциях, субботниках, трудовых десантах
Социальная деятельность	
<i>профсоюз учащихся и студентов, студсовет общежития</i>	содействие созданию условий для улучшения социально-бытового и материального положения обучающихся; содействие оздоровлению и санаторно-курортному лечению обучающихся; сетевые взаимоотношения; осуществление контроля за проживанием обучающихся в общежитии, общественным питанием и медицинским обслуживанием
Организация правопорядка	
<i>ПО ОО «БРСМ», молодежный оперативный отряд охраны правопорядка</i>	обеспечение организации общественного порядка и сохранности имущества учреждения образования и общежития; участие в организации и проведении профилактических акций
Духовно-нравственная деятельность	
<i>ПО ОО «БРСМ», профсоюз учащихся и студентов, студенческий клуб, совет музея</i>	реализация Программы сотрудничества с Белорусской Православной Церковью, проведение конференций, семинаров, выставок
Культуротворческая деятельность	
<i>профсоюз учащихся и студентов, студенческий клуб, кружки по интересам</i>	культуротворческая деятельность, организация досуга обучающихся; проведение выставок, конкурсов, ярмарок, фестивалей, игр КВН и т. д.; содействие участию обучающихся в культурных обменах и программах; организация поддержки творческих коллективов студенческого клуба; взаимодействие с другими культурно-просветительскими учреждениями
Экономическая (предпринимательская) деятельность	
<i>Координационный совет студенческого самоуправления</i>	включает все, что предпринимается для организации студенческого самоуправления, развития личности, среды; сферу студенческого производства и бизнеса, где студенты формируют способности и опыт функционирования в экономической среде, овладевают искусством менеджмента и осуществляют материально-финансовое самообеспечение

Окончание таблицы

Экологическая деятельность	
<i>профсоюз учащихся и студентов</i>	воспитание культуры безопасной жизнедеятельности; оформление в качестве экологически безопасной локальной окружающей среды учреждения образования и его социально-бытовых структур (общежития, спортплощадок) осуществляется через экологически направленные исследовательские проекты, формирующие нравственно-мировоззренческую сферу личности – личностную креативность, экологическую ответственность по отношению к внешней среде и природе человека, ценностные ориентации, взгляды и убеждения социально-экологического характера
Спортивно-туристическая деятельность	
<i>ПО ОО «БРСМ», профсоюз учащихся и студентов, спортивные секции</i>	пропаганда здорового образа жизни – реализация инновационных проектов, акций по формированию культуры питания, труда, отдыха, предупреждение вредных зависимостей; участие в спортивных соревнованиях, спартакиадах, туристических походах, слетах

Технологический блок исследуемой модели представлен совокупностью проблем, связанных с содержанием деятельности и организацией студенческого самоуправления, принципами его оптимизации, управляемости, эффективности. Технологичность процесса организации студенческого самоуправления предполагает субъектность деятельности, различные формы деятельности, систему методических и педагогических приемов, осуществляющих требуемые изменения в личностно-профессиональном становлении обучающихся, гарантирующие достижение планируемых результатов. Технологический блок включает:

- субъекты деятельности (обучающиеся, выборный студенческий актив, консультанты, тьюторы из числа профессорско-преподавательского состава);
- основные формы деятельности (организационно-управленческие формы – непосредственные и представительные; формы взаимодействия и партнерства – проекты, акции; социально-педагогические формы – волонтерство, благотворительность; мониторинг качества образования – анкетирование);
- методы и технологии (метод групповых дискуссий – клубы, кружки; метод личностной самореализации – НИРС, студенческий клуб, секции; технология обучения актива – обучающие программы для студенческого актива; проектная технология – инновационные проекты различного уровня сложности – от уровня учебной группы до регионального и республиканского уровня).

Специфика высшего колледжа заключается в подготовке специалистов с высшим профессиональным и средним специальным образованием, что требует сделать акцент на педагогическом сопровождении и поддержке организации студенческого самоуправления как факторе личностно-профессионального становления будущих специалистов. Педагогическое сопровождение мы рассматриваем как создание организационно-управленческих и педагогических (внешних и внутренних) условий, рассмотренных в **блоке ресурсного обеспечения**.

Под организационно-управленческими условиями мы понимаем, теоретические и практические ориентиры, установки, способы, средства организации студенческого самоуправления, позволяющие объективно оценивать ситуацию и прогнозировать личностно-профессиональное становление будущих специалистов.

Теоретико-методические основы включают: *научно-теоретическое обеспечение*, состоящее из концепции организации студенческого самоуправления, программ и планов, научной литературы о нормах, правилах и содержании деятельности органов студенческого самоуправления, документальную, информационно-справочную литературу, структурно-функциональную модель студенческого самоуправления; *методическое и информационно-инструктивное обеспечение*, включающее: методические пособия, положения, инструкции, памятки для актива, информационную деятельность, научно-практические конференции, семинары, тренинги, инструктивно-методическую работу педагогов и представителей органов самоуправления с активом первичных коллективов учебных групп.

Нормативно-правовая база: определение обязанностей и наделение обучающихся реальными правами, придание всем подструктурам студенческого самоуправления статуса самоуправляемых коллективов, принятие устава общеузовского студенческого самоуправления, повышение уровня правовой и организационной культуры обучающихся.

Кадровое обеспечение: повышение квалификации, обучение педагогического коллектива технологии сопровождения и поддержки студенческого самоуправления, обучение студенческого актива.

Финансовая поддержка: финансирование штата сотрудников, занимающихся внеучебной воспитательной деятельностью, обучением актива; финансирования деятельности студенческих общественных организаций, объединений, клубов, комиссий, творческих коллективов, студенческих конкурсов, фестивалей, проектов.

Материально-техническая база: регулярное обновление материально-технической базы, широкий доступ в Internet обучающихся и преподавателей.

Технология педагогического сопровождения и поддержки: теоретико-методологические основания деятельности педагога; алгоритм деятельности педагога, динамика студенческого самоуправления на разных этапах развития коллектива.

Педагогические условия – это подсистема образовательного процесса, целенаправленно созданная развивающая образовательная среда, комплекс взаимосвязанных внешних и внутренних условий (факторов), позволяющих педагогу эффективно поддерживать организацию студенческого самоуправления. К педагогическим условиям мы относим: **внешние**: развивающую образовательную среду, которая понимается как форма сотрудничества (взаимодействия), конструктивной интерактивной субъект-субъектной коммуникации, способствующая самоорганизации обучающихся в совместной деятельности; **вовлечение обучающихся в организацию студенческого самоуправления**, осуществляемое через погружение в среду студенческого самоуправления, сочетание формального и неформального взаимодействия, лидерский стиль управления, предполагающий, что участники социального взаимодействия, проявляя лидерские качества, стимулируют друг друга; **групповую сплоченность**, предполагающую формирование сплоченного общевузовского коллектива: студенческий коллектив ускоряет внутриличностные изменения и формирование личностно-социальных и профессиональных качеств; **социальное партнерство** в организации студенческого самоуправления, понимаемое как неотъемлемая часть соуправления (интеграции нормативной системы управления, педагогического управления, общественного самоуправления педагогов и сотрудников, студенческого самоуправления); смешанной кооперации, в которой существуют отношения и позиции равенства, партнерства, взаимодействия, основанные на принципах централизации-децентрализации управления и вместе с тем делегирования прав, полномочий и ответственности; **непрерывный мониторинг личностно-профессионального становления**, построенный на использовании комплекса диагностических методик, позволяющих оценить результативность функционирования студенческого самоуправления, критерием которой выступает сформированность личностно-социальных и профессиональных качеств (компетенций); **внутренние**: **мотивацию к участию в студенческом самоуправлении**, которая определяется как побуждающее влечение или потребность [8, 169] либо как процесс формирования мотива [9, 344]; мотивация самоуправленческой деятельности становится результатом педагогического воздействия на студентов в развивающей образовательной среде и причастности к совместной деятельности; **субъект-субъектные отношения между преподавателями и студентами**, ориентированные на подготовку обучающихся к совместной деятельности, на открытость партнеров по общению, стремление к достижению взаимопонимания, доверительности в условиях организации студенческого самоуправления; **способность к рефлексии** самоуправленческой деятельности, под которой понимается направленность мышления обучающегося на себя, на процессы усвоения социального и профессионального опыта, на осознание содержания деятельности и ее результатов.

Результативный блок конструируемой модели организации студенческого самоуправления соотносит цель и результаты деятельности и представлен комплексом критериев, которые определяют конечные результаты личностно-профессионального становления будущих специалистов и позволяют оценить сформированность личностно-социальных и профессиональных качеств (компетенций).

Личностно-социальные качества (компетенции): ответственность; саморегуляция, личностная и предметная рефлексия; самосовершенствование; саморазвитие; самооценка (самокритичность, требовательность к себе); самостоятельность, креативность (оригинальность, интеллектуальная активность); коммуникативность (внимательность, открытость, доброжелательность, чуткость, тактичность, сопереживание); профессионально-этические компетенции (бесконфликтность, толерантность, эмпатия, позитивность); активность, энергичность, оптимизм.

Профессиональные качества (компетенции): целеполагание; организаторские способности (деловитость, инициативность, организованность, наблюдательность); умение управлять коллективом, применение знаний на практике; умение работать в команде; дисциплинированность; способность принимать решение.

Выводы

Таким образом, моделирование организации студенческого самоуправления позволило учесть системные элементы моделируемого процесса, структуру и функциональную взаимосвязь между структурными блоками, организационно-управленческие и педагогические условия, направленные на управление личностно-профессиональным становлением будущих специалистов. Системная детерминированность структурных блоков, обозначенных в теоретической модели организации студенческого самоуправления, обеспечивает ее концептуальную и организационную целостность, что является важным условием ее внедрения в образовательный процесс учреждения образования. Сформированность личностно-социальных и профессиональных качеств (компетенций) будущих специалистов будет способствовать их динамичной мобильности, готовности к смене видов деятельности, освоению новых профессий, принятию эффективных решений в условиях постоянно меняющихся реалий настоящего времени.

Литература

1. Жук, О. Л. Организация воспитания студентов в современном вузе / О. Л. Жук // Выш. шк. – 2012. – № 2. – С. 50–56.
2. Краевский, В. В. Моделирование в педагогической психологии / В. В. Краевский // Введение в научное исследование по педагогике. – М., 1988. – 156 с.
3. Лашук, А. Д. Специалист, мастер, профессионал: теория и практика моделирования / А. Д. Лашук ; под ред. Б. В. Пальчевского. – Минск : Технопринт, 2000. – 232 с.
4. Лашук, А. Д. Моделирование специалиста-профессионала (методолого-педагогический аспект) / А. Д. Лашук. – Минск : БАТУ, 1997. – 137 с.
5. Погоньшева, Д. А. Моделирование как метод реализации компетентностного подхода в профессиональном образовании / Д. А. Погоньшева // Педагогика. – 2009. – № 10. – С. 22–28.
6. Анисимов, О. С. Развитие. Моделирование. Технологии: методологическая концепция управления образованием / О. С. Анисимов ; Рос. акад. гос. службы при Президенте РФ. Лаб. психодиагностики и психол. подгот. кадров госслужбы, Консультат. группа «София». – Калуга, 1996. – 92 с.
7. Жук, А. И. О повышении уровня практической подготовки специалистов / А. И. Жук // Выш. шк. – 2012. – № 4. – С. 3–9.
8. Козырев, Т. И. Введение в конфликтологию : учеб. пособие / Т. И. Козырев. – М. : ВЛАДОС, 1999. – 176 с.
9. Ильин, Е. П. Мотивация и мотивы / Е. П. Ильин. – СПб. : Питер, 2006. – 512 с.

Summary

The article describes the theoretical model of student self-governing organization as a condition of individual and professional development of the students of higher college. The presented model is developed considering individually oriented, systematically active, competent, cultural studies approach to the organization of student self-government. Objective, methodological, principles block, contents, technological, resource, effective blocks of the developed model were characterized in the article.

Поступила в редакцию 14.09.12.

ФІЛАЛАГІЧНЫЯ НАВУКІ

УДК 811.161.3'38

АКАЗІЯНАЛІЗМЫ Ё МОВЕ ТЭКСТАЎ НІНЫ МАЦЯШ

В. Я. Барысенка

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры літаратуры УА МДПУ імя І. П. Шамякіна

Л. В. Жураўская

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства УА МДПУ імя І. П. Шамякіна

Артыкул прысвечаны выяўленню структурных і функцыянальных асаблівасцей аказіянальнай лексікі ё мове паэтычных тэкстаў Ніны Мацяш. Былі прааналізаваны асаблівасці словаўтварэння аказіяналізмаў-дзеясловаў.

Уводзіны

У сучаснай лінгвістыцы моўныя сродкі мастацкага твора як элементы формы вывучаюцца ё цесным адзінстве з яго зместам. Менавіта праз іх выяўляюцца асаблівасці індывідуальнага стылю (ідыястылю) пісьменніка. Ідыястыль грунтуецца, як вядома, на агульнамоўным матэрыяле, аднак адбор моўных сродкаў, іх склад, прыёмы абзначэння прадметаў і паняццяў рэчаіснасці адметныя ё кожнага пісьменніка, дзякуючы чаму выяўляюцца асаблівасці светаўспрымання, грамадзянская пазіцыя, талент аўтара.

Творчасць Ніны Мацяш – гэта заўсёды “сустрэча з адметным, новым словам, часам добра вядомым з матчынай дарагой гаворкі, часам абноўленым аўтарам, а вельмі часта – словам, утвораным, прыдуманым, аднак не зацмененым, а гаваркім, вобразным” [1, 14], [2, 102–105].

У сферу даследчых інтарэсаў беларускіх лінгвістаў у апошні час трапляюць часцей за ўсё асаблівасці ўтварэння індывідуальна-аўтарскіх лексічных наватвораў [3–6], [7]. Ёсць у беларускім мовазнаўстве і працы, у якіх аналізуюцца аказіяналізмы як элементы тэкстаў сучаснай беларускай паэзіі [8–10]. Аднак структурныя і функцыянальныя асаблівасці аказіянальнай лексікі паэтычных твораў, змешчаных у зборніку Ніны Мацяш “Душою з небам гаварыць”, даследуюцца ўпершыню. Праўда, ёсць спробы пачаць складанне слоўніка аказіяналізмаў паэткі [1], што сведчыць аб тым, што праца ё гэтым напрамку толькі пачынаецца, што паэзія яе ё гэтым плане вызначальная.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Аб’ектам нашай увагі з’яўляюцца аказіяналізмы-дзеясловы ё паэтычных тэкстах Ніны Мацяш, матэрыял даследавання – творы выбранай лірыкі зборніка паэткі “Душою з небам гаварыць” [11], у якім найбольш поўна выяўляецца самабытнасць мовы аўтара, арыгінальнасць яе мыслення, бачання жыцця. Усё гэта і матывуе неабходнасць вырашэння наступных задач:

– выявіць спосабы словаўтварэння аказіянальных дзеясловаў у паэтычных тэкстах Н. Мацяш;

– акрэсліць асаблівасці функцыянавання індывідуальна-аўтарскіх наватвораў.

Канцэптуальным для нас з’яўляецца сцвярдженне В. А. Зразікавай аб тым, што аказіянальная дзеяслоўная словатворчасць сваімі вынікамі выразна адрозніваецца ад утварэння агульнапрынятых слоў. Індывідуальна-аўтарскія дзеясловы, валодаючы вобразнасцю

і непаўторнасцю семантыкі, не прэтэндуюць на статус літаратурнай нормы. Такія наватворы ўвасабляюць патэнцыяльныя магчымасці лексічнай і словаўтваральнай сістэм мовы [6, 116].

Гэта не пярэчыць агульнапрынятаму разуменню аказіяналізма: “Аказіяналізмы (лац. *accosionalis* – “выпадковы”) – з’явы маўлення, якія не адпавядаюць агульнапрынятаму ўжыванню, ствараюцца паэтамі і празаікамі, публіцыстамі, а таму называюцца інакш аўтарскімі, індывідуальна-стылістычнымі неалагізмамі” [3, 65].

У аналізаваных тэкстах выяўлена 24 аказіяналізмы-дзеясловы і дзеепрыметнікі (адпаведна 18 і 6). Паколькі гэта словы, створаныя паэткай “на выпадак”, то кожнае з іх мае сваю кантэкстуальную семантыку, сваю структуру, свае стылістычныя асаблівасці, таму апісанне наватвораў даецца намі ў выглядзе слоўнікавых артыкулаў, дзе спачатку падаюцца граматычныя і стылістычныя паметы, раскрываецца семантыка, змяшчаюцца ілюстрацыі і пашпартызацыя; пасля знака С даецца словаўтваральны аналіз: называецца спосаб словаўтварэння; паказваюцца змены, што адбыліся ва ўтваральнай аснове пры далучэнні да яе словаўтваральнага фарманта [10].

Адвідушчыць, зак., перан. Зрабіць больш зоркім: *З’явіся, збаўца мой, з’явіся! / Адзін твой рух, адзін твой крок / Адхмарыць нада мною высі, / Ацёмелы адвідушчыць зрок* [11, 170]. С Ад- + відущч + -ы- (-ць), прыст.-суф.

Адхмарыць, зак., перан. Адкрыць далягляд, дапамагчы ўбачыць: *Адхмарыць нада мною высі* [11, 170]. С Ад- + хмар + -ы- (-ць), прыст.

Вывінацца, незак. Выкручвацца, выгінацца: *Вывінаецца і пручынае / Распадае глумлівы спрут, / Што берлінскай сцяною заўся, – / І хрыстосуюцца ў нябёсах / Мужна высталяць дрэвы* [11, 273]. С Выгіна (-ць) + -ся (-цца), замена *з/в* у корані, постфікс.

Выгарклы, незал., перан. Надакучлівы, невыносны: *Як рана васількі завасільковелі! / Ці гэта я спазняюся? Няўжо / Мінулася вясна? Адна аскоміна / Перапарэлых выгарклых дажджоў* [11, 193]. С Вы- + гарк / -ну- / (-ць) + -л- (-ы), прыст.-суф., усячэнне ўтваральнай асновы: суф. [-ну-], [-ць], чаргаванне *о/а* ў корані.

Выдабываць, незак., перан. Дабываць з вялікімі намаганнямі праз перашкоды: *Мы заўтра вернемся дадому / У непагадзь, у безладзь, стому. / З чужыны – бы на чужыну!... / Вам, птахі верныя, вядома, / Як цяжка з золі, з ледалому / Выдабываць крыльмі вясну* [11, 274]. С Вы- + дабываць, прыст.

Завасільковець, незак., перан., узнёсл. Запвісці: *Як рана васількі завасільковелі! / Ці гэта я спазняюся? Няўжо / Мінулася вясна?* [11, 293]. С За- + васільков (-ы) + -е- + (-ць), прыст.-суф.

Зажурбавацца, зак., перан. Засумаваць, замаркоціцца: *Залюбавалася міжволі, / Хоць і зажурбаваліся вочкі: / “Няўжо ж не буду больш ніколі / У Ярашэўскага ў садочку?”* [11, 207]. С За- + журб + -ава- (-ць) + -ся (-цца), прыст.-суф.-постфікс.

Запанядзелены, залеж., перан., узнёсл. Тызень прайшоў, пачаўся новы: *Час прайшоў, / І надзеля запанядзелена. / Чым каштоўным я тут надзелена?* [11, 370]. С За- + панядзел + (-ак-) + -ен- + -ы, прыст.-суф.

Злегкаважыць, законч., перан., узнёсл. Зрабіць непатрэбным, абясцэнніць: *Адаў сябе як скарб, шалёны скарб. / Разгубленай жабрачцы, што рабіць з ім, / Каб не злегкаважыць і не страціць / Дачасна?* [11, 97]. С З- + легкаваж / (-н-) / -ы- (-ць), прыст.-суф.

Крыляць, незаконч., перан. Акружаць любоўю каго-небудзь: *Дзе б ты ні быў, якой бы ні была я / І кім бы для цябе ні стала я, / Хай над табою ластаўкай крыляе, / Хай беражэ цябе любоў мая* [11, 97]. С Крыл + (-о) + -я- (-ць), суф.

Панявечыцца, законч., перан. Параніцца, страціць нейкія свае надзеі, атрымаць душэўную рану: *Нябёсы ўсяж прыталі да зямлі, / Нібы яны і сапраўды такія: / Неасцярожна ўскінеш галаву – / І панявечыцца аб беспрасветнасць тую* [11, 95]. С Па- + [з-] нявечы (-цца), прыст.

Панянькаваць, законч., перан. Выношваць мары, памкненні, жаданні, як нянька дзіця: *Панянькавала за свой век нямала / Мар і памкненняў, і жаданняў я, / А заклінаю так, як заклінала: / Хай беражэ цябе любоў мая* [11, 108]. С Па- + няньк + -ава- (-ць), прыст.-суф.

Папелены, залеж., перан., узнёсл. Славіты. Пераможаны, звязаны, бездапаможны: *Папелена, не чакаю / Адхланя ў прорвы на краю... / Даруй мне полымнасць маю* [11, 135]. С Па + пел[ен (-а) + -ен-] (-ы), ад назойніка пелена (устар. пялёнка), прыст.-суф., накладванне каранёвага і суфіксальнага -ен-.

Перапарэлы, незалеж., перан. Зацяжны дождж: *Як рана васількі завасільковелі! / Ці гэта я спазняюся? / Няўжо мінулася вясна? Адна аскоміна / Перапарэлых выгарклых дажджоў* [11, 293]. С Пера- + пар(-а) + -э- + -л- (-ць), прыст.-суф.

Пераслеплыя, незалеж., перан., асудж. Ачарсцвелы, бяздушны, перастаў заўважаць тое, што адбываецца навокал: *Як багата людзей умурована ў змрок / Страху, злосці або нараканняў / Ні сабе, ні камусьці ў блуканнях / Не пасвецяць ні поблізу, ані здалёк, / Пераслеплыя да шкадавання* [11, 215]. С Пер[а- + а-]слеп + -л- (-ы), прыст.-суфікс., накладванне гука [а] на стыку марфем.

Прыластаўчыца, законч., перан., узнёсл. Неадступна з'явіцца, як ластаўка вясной: *Яшчэ прыластаўчыца свята, / Яшчэ прытульна будзе люду ў ім* [11, 448]. С Пры- + ластаўк (-а) + -ы- + (-ць) (-ся) (-цца), к/ч., прыст.-суф.-постфікс.

Прыляляць, законч., перан., узнёсл. Супакоіць (закалыхаць, залюляць): *Сні, мая донька, расінка малая. / Толькі табою свой боль прыляляю* [11, 162]. С Пры- + ляляць, ю/я, прыст.

Рассераброны, залежн., перан., узнёсл. Шчодра перасыпаны сівізной (пра валасы): *Пры смолі валасоў рассераброных* [11, 192]. С Рас- + сярэбран (-ы) прыст., а/о, змена націску.

Скарбавацца, незаконч., зал., перан., узнёсл. Накопліваць, назапашваць тое, што мае асабліваю вартасць, каштоўнасць: *Няможна патураць тузе, / Каб яву засланіла зданню, / Каб зрабавала пакрысе, / Што скарбавалася гадамі* [11, 42]. С Скарб + -ава- + (-ць) + -ся (-цца), суф.-постфікс.

Угнездаваць, законч., перан., узнёсл. Пакахаць: *Калі ў сэрца мяне ўбярэш ты, / Калі мне аднаму слугаваць меш – / Успануеш сам над сабою. / Над памрокам і над бядою, / Над ступою між зор, пілігрыме. / Угнездуў мяне ў сэрцы* [11, 388]. С У- + гнезд+ -ава- (-ць), прыст.-суф.

Уздольніць, законч., узнёсл. Зрабіць здольным, даць сілу, моц: *Усемагутныя сілы ўсявышнія. / Вамі трыманая і прасвятляная, / Сёння за ўсіх малю: / Уздольніце нас, / Коснаязык і запамарочных / Прамаўляць ачышчальнае і найчаслівейшае: "Люблю"* [11, 16]. С У- + здольн(-ы) + -і- (-ць), прыст.-суф.

Ураселы, незалеж. Пакрыты расою: *Скаланулася да глыбінь / На пагоду свежа і золка... / "Палюбі мяне, палюбі!.." / - Трапятлілі ўраселыя зёлкі* [11, 88]. С У- + рас- + -е- (-ць) + -л- (-ы), прыст.-суф.; магчымы прамежавы аказіяналізм урасе(-ць) + -л- (-ы), тады спосаб утварэння суф.

Успанаваць, законч., перан. Перамагчы сябе ці каго-небудзь, узяць верх: *Калі ў сэрца мяне ўбярэш ты, / Калі мне аднаму слугаваць меш – / Успануеш сам над сабою, / Над памрокам і над бядою* [11, 388]. С Ус- + панаваць, прыст.

Шчодрыца, незак., перан. Свяціца радасцю: *Як шчодрыца блізкія вочы! / Як ломка адзвоньвае лёд!.. Цяпер ужо сонца не збочыць – / На лета яго паварот!* [11, 331]. С Шчодры + (-ць) + -ся (-цца), суф.-постфікс.

Як паказвае праведзены структурны аналіз, аказіяналізмы-дзеясловы ў паэтычных тэкстах Ніны Мацяш маюць дзве разнавіднасці ўтварэння:

а) дзеясловы-аказіяналізмы, утвораныя па існуючых у мове словаўтваральных тыпах без парушэння словаўтваральных нормаў (тыпаў, мадэлей);

б) дзеясловы-аказіяналізмы, утвораныя з адхіленнямі ад існуючых у мове словаўтваральных тыпаў [6, 117].

Так, аказіяналізмы першай групы ўтвараюцца марфемнымі спосабамі:

– прыставачным ад асноў дзеясловаў: ад- + *хмарыць*, вы- + *дабываць*;

– прыставачна-суфіксальным:

– ад асноў дзеясловаў: вы- + гарк + -л- + (-ы) ← вы- + гарк / -ну- / (-ць), рас- + сераброны ← рас- + / па- / серабр / -ы- / + -он- + (-ць), пера- + (а-) слеп + -л- (-ы) → пераслеплы;

– ад асноў назоўнікаў: у- + гнезд + -ава- (-ць) ← гнездо, за- + панядзел + -ен- + (-ы) ← панядзел-ак, па- + няньк + -ава- (-ць) ← нянька, па- + пел + [ен + -ен-] + (-ы) ← па- + пел[ен + -ен-] -ы ← пелена (пялёнка);

– ад асноў прыметнікаў: ад- + відушч + -ы- (-ць) ← відушч(-ы), за- + васільков + -е- (-ць) ← васільковы, з- + легкаваж + -ы- (-ць) ← легкаважны, у- + здольн + -і- (-ць) ← здольн (-ы);

– суфіксальна-постфіксальным: ад асновы назоўніка скарб + -ава- + -цца ← скарб + -ава- + (-ць) -ся (-цца);

– прыставачна-постфіксальным: ад асноў дзеясловаў: панявечыцца ← па- + (з-) нявечы (-ць) + -ся (-цца).

Выяўлены два аказіяналізмы-дзеясловы другой групы, утвораныя з адхіленнямі ад існуючых у мове словаўтваральных мадэлей: *зажурбавацца*, *прыластаўчыцца*, а таксама два дзеепрыметнікі незалежнага стану прошлага часу: *перанарэлы*, *ураселы*.

Так, дзеяслоў *зажурбавацца* матывуецца назоўнікам *журба* з далучэннем да яго асновы адначасова прыстаўкі *за-*, суфікса *-ава-* і постфікса *-ся*: *за-* + *журб* *-ава-* (*-ць*) (*-ся*) (*-цца*), спосаб утварэння прыставачна-суфіксальна-постфіксальны; дзеяслоў *прыластаўчыцца* ўтвораны ад асновы назоўніка *ластаўка* пры дапамозе прыстаўкі *пры-*, суфікса *-ы-* і постфікса *-ся*: *пры-* + *ластаўк* (*-а*) + *-ы-* + (*-ць*) (*-ся*) (*-цца*), к/ч., прыст.-суф.-постфікс.

Асновы дзеепрыметнікаў *перанарэлы*, *ураселы* матывуюцца аказіяналізмамі-дзеясловамі *перанарэць*, *урасець*, хаця такіх матывавальных асноў у беларускай мове няма, аднак у тэкстах словаўтваральная структура гэтых слоў зразумелая дзякуючы суаднясенню іх з блізкімі па структуры дзеепрыметнікамі, якія існуюць у літаратурнай мове, напрыклад: *пераспелы*, *уцалелы*.

Што да функцыянальнага аспекту аналізаваных намі аказіянальных дзеясловаў, то пры дапамозе іх ствараецца вобразнасць у паэтычных творах Ніны Мацяш, семантыка іх кантэкстуальная, ужытыя з пераносным значэннем, яны з’яўляюцца метафарами, эпітэтамі, каламбурамі.

Так, большая частка аказіянальных дзеясловаў узнікла як індывідуальна-аўтарскія метафары на аснове падабенства дзеянняў:

- *прыластаўчыцца* (нейкая падзея) – прыляцець, як ластаўка, жаданаю вясной;
- *угнездаваць* (у сэрца) – пакахаць – птушка гняздуецца для вывядзення патомства;
- *успанавачь* (над сабой) – перамагчы сябе – быць панам над сабой;
- *завасільковелі васількі* – ствараецца вобраз поля васільковага колеру, троп заснаваны на падабенстве да фальклорных тропаў тыпу *гора гаравачь*, *лета летаваць*, *зіму зімаваць* і інш.

Дзеепрыметнікі-аказіяналізмы ў тэкстах з’яўляюцца вобразнымі мастацкімі эпітэтамі:

- *перанарэлы* дождж – зацяжны, у тэксце сэнс слова *перанарэлы* зразумелы, бо побач даецца яшчэ адзін аказіяналізм *перанарэлы* – *выгарклы* (які надакучыў), ствараецца вобраз дажджлівай восені, нейкіх неспрыяльных умоў;

– *пераслеплены* людзі – чэрствыя людзі;

– *рассерабронны* валасы – ствараецца вобраз сталага чалавека;

– *ураселая* зёлка – вобраз чалавека, які атрымаў надзею, як зёлка расы.

Часам дзеясловы-аказіяналізмы, ужываючыся ў тэксце з аднакаранёвымі словамі, ствараюць такі троп, як каламбур: *Як рана васількі завасільковелі; Час праішоў, / І нядзеля запанядзелена*.

Вывады

1. Прааналізаваны матэрыял дае падставу сцвярджаць, што аказіяналізмы-дзеясловы ў мове паэтычных твораў Ніны Мацяш ствараюцца згодна з правіламі ўласцівых беларускай мове спосабаў словаўтварэння, пераважна марфемных: суфіксальнага, прыставачна-суфіксальнага, суфіксальна-постфіксальнага, ад асноў назоўнікаў, дзеясловаў, прыметнікаў, прыклады адступленняў ад вядомых мадэлей адзінкавыя. Гэта два дзеясловы *зажурбавацца*, *прыластаўчыцца*, утвораныя прыставачна-суфіксальна-постфіксальным спосабам, і два дзеепрыметнікі *перанарэлы*, *ураселы*, утвораныя суфіксальным спосабам ад аказіянальных асноў (*перанарэць*, *урасець*) на ўзор існуючых у мове *пераспелы*, *уцалелы*.

2. Семантыка аказіяналізмаў-дзеясловаў, як і слоў, ужытых з пераносным значэннем, у кожным выпадку індывідуальная, таму што вызначаецца кантэкстам, задачамі стварэння вобразаў.

3. Функцыянальнае прызначэнне аказіянальных дзеясловаў – стварэнне тропаў: мастацкіх эпітэтаў, каламбураў, вобразнасці, перадача такіх экспрэсіўна-эмацыянальных станаў, як захваленне, сум, радасць, гора і інш.

Літаратура

1. Новік, М. І. Самабытнае слова Ніны Мацяш : матэрыялы да слоўніка / М. І. Новік // Літаратура для дзяцей і юнацтва ў кантэксце сучасных адукацыйных і выхаваўчых праблем : матэрыялы рэсп. навук. канф., Брэст, 13–14 сак., 2009 г. : у 2 т. / пад агул. рэд. У. А. Сенькаўца. – Брэст, 2009. – Т. 2. – С. 14–20.
2. Новік, М. І. Арыгінальнае слова ў паэтычным радку Ніны Мацяш / М. І. Новік // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў : матэрыялы II Міжнар. навук. канф., Мазыр, 22–23 крас. 2010 г. / УА МДПУ імя І. П. Шамякіна ; рэдкал.: В. В. Шур (адк. рэд.) [і інш.]. – Мазыр, 2010. – С. 102–105.
3. Басава, Г. І. Аказіяналізмы / Г. І. Басава // Эцыклапедыя літаратуры і мастацтва : у 5 т. – Мінск : БелСЭ, 1984. – Т. 1. – С. 65.
4. Басава, Г. Аўтарскі неалагізм / Г. Басава, М. Прыгодзіч // Роднае слова. – 1995. – № 8. – С. 61–64 ; № 10. – С. 68–73 ; № 12. – С. 62–65.
5. Бобрык, У. А. Аказіянальныя словы ў складзе лексічных сродкаў сучаснай беларускай паэзіі : аўтарэф. дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / У. А. Бобрык ; Ін-т мовазнаўства імя Я. Коласа АН РБ. – Мінск, 1998. – 22 с.
6. Зразікава, В. А. Індывідуальна-аўтарскія неалагізмы ў творчасці беларускіх пьёмнікаў / В. А. Зразікава // Беларуская мова і літаратура. – 2008. – № 2. – С. 36–40.
7. Солахаў, А. В. Рэдкія спосабы словаўтварэння ў мове твораў Алеся Разанава / А. В. Солахаў // Беларуская мова і літаратура ў славянскім этнакультурным кантэксце : матэрыялы рэсп. канф., Віцебск, 21–22 кастр. 2010 г. / Віц. дзярж. ун-т ; пад агул. рэд. Г. М. Мезенка. – Віцебск, 2010. – С. 132–135.
8. Ляшчынская, В. А. Асаблівасці выкарыстання новаўтварэнняў у мастацкай літаратуры / В. А. Ляшчынская // Беларуская мова : міжведамасны зб. – Мінск : Універсітэцкае, 1988. – Вып. 16. – С. 105–111.
9. Чарнаброўкіна, У. А. Аказіянальныя словы ў складзе лексічных сродкаў сучаснай беларускай паэзіі : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01. – Мінск, 1998. – 120 л.
10. Солахаў, А. В. Да праблемы лексікаграфічнага апісання аўтарскіх аказіяналізмаў / А. В. Солахаў // Надзённыя праблемы лексікалогіі і анамастыкі славянскіх моў : зб. навук. арт. / Мазыр. дзярж. пед. ун-т ; адк. рэд.: А. В. Солахаў, В. В. Шур. – Мазыр, 2006. – С. 77–79.
11. Мацяш, Н. І. Душою з небам гаварыць: Выбраная лірыка / Н. І. Мацяш. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 462 с.

Summary

Occasional / nonce words in N. Matiash's poetic texts are formed mostly by morphemic means on the basis of the stems that exist in the literary Belarusian language. Some minor deviations are conditioned by the fact that some verbs are derived from the words invented by the author. Semantics of the nonce words is specified by the context, their syntactic relations with the words different from the literary language semantics, and by their transferred image-bearing use.

Паступіў у рэдакцыю 07.09.12.

УДК 811.161.3:811.111

**ЛЕКСІЧНАЯ ВАРЫЯНТНАСЦЬ ФРАЗЕАЛАГІЗМАЎ
ЯК ВЫНІК РЭАЛІЗАЦЫІ СЛОЎНЫХ ЯКАСЦЕЙ ІХ КАМПАНЕНТАЎ
(на матэрыяле беларускай і англійскай моў)**

Т. П. Бочкар

магістр філалагічных навук,
выкладчык кафедры англійскай філалогіі УА «ГрДУ імя Я. Купалы».
Навуковы кіраўнік: доктар філалагічных навук, прафесар,
загадчык кафедры беларускага і тэарэтычнага мовазнаўства
Н. А. Даніловіч

Разглядаецца адна з магчымых прычын лексічнай варыянтнасці фразеалагізмаў беларускай і англійскай моў – рэалізацыя слоўных якасцей іх кампанентаў. Тут маецца на ўвазе парадыгматычны патэнцыял вар’іруемых лексем, якія нават пры поўнай страце сваіх лексічных значэнняў інтуітыўна ўспрымаюцца ў свядомасці носьбітаў мовы як словы. Паказана, што лексічнае вар’іраванне фразеалагізмаў адбываецца не толькі ў структуры матываваных выразаў, але і ў складзе нематываваных фразеалагізмаў.

Уводзіны

Прычыны вар’іравання лексічнай структуры фразеалагічных адзінак (далей ФА) даследаваны недастаткова. Напрыклад, у «Этымалагічным слоўніку фразеалагізмаў» [1] 136 ФА падаюцца з лексічнымі варыянтамі, і толькі ў чатырох выпадках (з адкрытым паднятым) забралам, як пшаніцу (пшанку, проса, мучу, лыка) прадаўшы, на гарачых (свежых) слядах, на сіні (чорны) пазногаць) прыводзіцца этымалагічная даведка аб тым, як развіліся варыянтныя разнавіднасці. Сярод зафіксаваных у англійскім «Слоўніку ідыём і іх паходжання» [2] 52 фразеалагізмаў, у структуры якіх адбываецца лексічнае вар’іраванне, толькі 14 (*to blow one’s own trumpet (horn), castle in the air (Spain), to talk (speak) of the devil, to burn one’s boats (bridges)* і інш.) суправаджаюцца тлумачэннем змянення іх кампанентнага складу. Вывучэнне гэтай праблемы паказала, што вар’іраванне лексічных кампанентаў ФА беларускай і англійскай моў абумоўлена рознымі фактарамі.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Умовай лексічнага вар’іравання фразеалагізмаў з’яўляецца тое, што па форме яны выступаюць падзельнааформленымі сінтаксічнымі канструкцыямі слоўнага характару. В. М. Макіёнка [3, 28], А. У. Гарнік [4, 7], У. П. Жукаў [5, 182] вылучаюць падзельнааформленасць фразеалагізмаў у якасці адной з асноўных прычын вар’іравання іх лексічнай структуры. З гэтай думкай згодны некаторыя іншыя фразеалагі. Так, І. М. Хлусевіч лічыць, што ўзнікненне і існаванне лексічных варыянтаў фразеалагізмаў «тлумачыцца паходжаннем фразеалагічных кампанентаў са слоў свабоднага ўжывання» [6, 44]. В. М. Касцючык [7, 33], А. Ланглотц [8, 39], А. І. Малаткоў [6, 30] таксама прытрымліваюцца пункту гледжання, што кампаненты інтуітыўна ўспрымаюцца як словы з пэўнай сэнсавай структурай і выяўляюць парадыгматычную аднесенасць да сінанімічна ці семантычна блізкіх слоў, што і абумоўлівае магчымасць замены кампанентаў фразеалагічнай структуры. Гэта асабліва датычыцца тых ФА, у складзе якіх словы цалкам не страчваюць свае значэнні, а таму захоўваюць парадыгматычныя сувязі з адзінкамі лексічнага ўзроўню: з *першага погляду (позірку)* ‘адразу ж; па першым уражанні’, *на схіле дзён (жыцця)* ‘у глыбокай старасці’, *на ўсе чатыры бакі (стараны)* ‘у любое месца, абы-куды, куды захочацца’. У англійскай мове: *to scream (shout, cry) blue murder* (вішчаць (крычаць, голасна клікаць)) ‘голосна крычаць у трывозе або пакуце’, *like finding (looking for) a needle in a haystack* (як знайсці (шукаць) іголку ў стоце сена) ‘амаль невыканальны пошук чаго-н.’, *to know (learn) the ropes* (ведаць (вывучыць) вярхоўкі) ‘ведаць або навучыцца, як выконваць абавязак ці працу вельмі добра; разумець прыныцы дзеяння арганізацыі; ведаць сакрэты прафесіі’, *to come (be, bring) up to scratch* (прыйсці (быць, прывесці) да лініі старту) ‘прывесці да патрэбнага стандарту’, *the last (final) straw* (апошняя (канчатковая) саломінка) ‘неістотная падзея, якая выклікае

канчатковы ўпадак або развал', *to have (get, gain) the upper hand* (мець (атрымаць, выйграваць) верхнюю руку) 'атрымаць перавагу, кантроль над чым-н.'

Слоўная структура фразеалагізмаў спрыяе іх матываванасці. Як зазначаюць у сваіх працах А. У. Гарнік [4, 34–35], А. І. Дзіброва [9, 52], У. П. Жукаў [5, 182], Э. М. Саладуха [10, 44], А. Ланглотц [8, 128], адметнай уласцівасцю варыянтаў, якія ўзніклі на аснове адной ФА, з'яўляецца іх матываванасць, празрыстасць унутранай формы. У манаграфіі, прысвечанай спробе пабудавання лінгвакагнітыўную мадэль варыянтнасці ідыём у англійскай мове, А. Ланглотц прапануе класіфікацыю фразеалагізмаў з пункту гледжання іх матываванасці [8, 93–141], згодна з якой самы вялікі патэнцыял вар'іравання маюць менавіта матываваныя вобразныя ФА, механізм фразеалагізацыі якіх яшчэ можа быць рэканструяваны ў святлоасці носьбітаў мовы. У лінгвістыцы іх называюць фразеалагічнымі адзінствамі. І. Я. Лепешаў таксама лічыць, што «пад варыянтнасць, асабліва лексічную, падпадаюць найчасцей фразеалагічныя адзінствы, бо ў іх адчуваецца сэнсавая сувязь кампанентаў са словамі свабоднага ўжывання, і вельмі рэдка – фразеалагічныя зрашчэнні» [11, 82]. У якасці прыкладу прывядзём фразеалагічнае адзінства з англійскай мовы *to hide (bury) one's head in the sand* (хаваць (закопваць) галаву ў пясок) 'палохаючыся, ухіляцца ад чаго-н.'. У яго аснове – намёк на страуса, які закопвае галаву ў пясок, калі адчувае нешта небяспечнае. Матываванасць гэтага выразу абумовіла імкненне ўдакладніць яго вобраз, у выніку чаго развіліся лексічныя варыянты фразеалагізма.

Варыянтнае абнаўленне ФА нярэдка выклікана імкненнем узмацніць яе эмацыянальна-экспрэсіўную афарбоўку [3, 23], [12, 8]. Напрыклад, вар'іраванне, якое адбываецца ў структуры ФА *затыкаць горла (глотку)*, характарызуецца рознай стылістычнай прыналежнасцю ўзаемазамяняльных назоўнікаў: лексічная адзінка *глотка* ў значэнні 'горла' сустракаецца выключна ў размоўным стылі. Такая лексічная субстытуцыя адбываецца тут з мэтай узмацнення эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўкі фразеалагізма. Розную стылістычную прыналежнасць выяўляюць і ўзаемазамяняльныя назоўнікі ў ФА *wish one had a pound (a quid)* (шкада, што ў каго-н. няма фунта стэрлінгаў для чаго-н.) 'вокліч на вялікую колькасць прадметаў ці на тое, як часта што-н. здараецца', дзе варыянт *wish one had a pound* выступае ў якасці больш нейтральнага.

У рэдкіх выпадках узмацненне эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўкі фразеалагізма адбываецца за кошт субстытуцыі сугучных слоў: *ні тпру ні но (ну)* 1) 'нічога не робіць, ніяк не выяўляе сябе, нічога не распачынае'; 2) 'не дзейнічае; пра машыну, апарат і пад.', *з'ехаць на бзік (тшык)* 'страціць вартаць, сілу, значэнне; заняпасці'. Аднак імкненне да сугучнасці можа і стрымліваць патэнцыял варыянтнасці ФА. Так, алітэрацыя і вершаваны памер, якія прысутнічаюць у некаторых выразах, як правіла, перашкаджаюць развіццю варыянтнага раду ў фразеалагізмах. Напрыклад, у ФА *pleased as punch* (задаволены як удар кулаком) 'вельмі задаволены, шчаслівы' замена прыметніка *pleased* (задаволены) на сінанімічныя *happy* (шчаслівы) ці *content* (задаволены) «парушыла б баланс і гучнасць выразу» [2, 237]. Тое самае можна сказаць і пра ФА *fit as a fiddle* (здоровы як скрыпка) 'у добрай форме', дзе немагчыма замена прыметнікавага кампанента *fit* (здоровы) на семантычна суадносны *healthy* (здоровы).

Фразеалагізмы могуць страчваць сваю матываванасць, але ўсё роўна іх кампаненты, якія фармальна з'яўляюцца словамі, узаемазамяняюцца: *на крывой кабыле (казе) не аб'едзеш* 'не ашукаш, не перахітрыш', *to chew the fat (rag)* (жаваць тлушч (анучу)) 'абмяркоўваць нешта часта, але неістотна, наракаючы або спрачаючыся; паспрачацца або (амаль што) пасварыцца з кім-н. нао́нт чаго-н.; размаўляць мімаходзь'. Прыведзеныя прыклады з'яўляюцца фразеалагічнымі зрашчэннямі – адзінкамі, механізм фразеалагізацыі якіх не адчуваецца сучаснымі носьбітамі мовы. Нягледзячы на тое, што гэтыя ФА з'яўляюцца нематываванымі, яны не пазбаўлены лексічных узаемазамен. Больш таго, пагодзімся з Б. С. Шварцкопфам, які лічыць, што «дзякуючы забыццю ўзнікае і развіваецца ідыяматычнасць ФА, паслабляецца значэнне і роля асобных кампанентаў, у выніку чаго становяцца магчымымі іх замены без урону для разумення цэлага» [13, 44]. Назавём яшчэ некалькі такіх ФА: *абводзіць (абкручваць) вакол (кругом) пальца* 'спрытна, хітра ашукваць, падманваць каго-н.', *абламаць (збіць) рогі* 'ўціхамірыць, утаймаваць, прымусіць каго-н. пакарыцца; сагнаць пыху, перамагчы', *дзясятая (сёмая) вада на кісялі* 'вельмі далёкі сваяк', *хоць сякеру (танор) ведай* 'дзе-н. няма чым дыхаць'. У англійскай мове: *to be the cat's paws* (*whiskers*) (быць піжамай (бакенбардамі) ката) 'быць, на чыю-н. думку, якраз тым, што патрэбна, найлепшым чалавекам, прадметам, ідэяй і г. д.', *by the way (by)* (па дарозе) 'між іншым, дарэчы; выпадкам, выпадкова'.

Нават цалкам страціўшы свае лексічныя значэнні, словы ўсё ж такі не губляюць сувязі з лексічным узроўнем мовы. У гэтым заключаецца своеасаблівы парадокс лексічнай варыянтнасці фразеалагізмаў: з'яўляючыся па сваёй структуры словазлучэннем, устойлівы выраз складаецца з двух або некалькіх слоў, якія нават пры поўнай страце сваіх лексічных значэнняў інтуітыўна ўспрымаюцца ў свядомасці носьбітаў мовы як лексічныя адзінкі.

Узаемазамены слоў адбываюцца на падставе асацыяцый, якія ўзнікаюць у свядомасці носьбітаў мовы ў дачыненні да кампанентаў ФА. Сувязі, якія існуюць паміж лексічнымі адзінкамі на аснове асацыяцый, разнастайныя: сінанімічныя, тэматычныя, антанімічныя, гіпера-гіпанімічныя, метафарычныя, метанімічныя і інш. Напрыклад, ФА *далей ад граху* 'не быць сведкам ці ўдзельнікам чаго-н. непрыемнага' мае варыянт *далей ад ліха*. Альтэрнацыя *грэх – ліха* магла ўзнікнуць паводле асацыяцый лексічнага значэння назоўніка *ліха* з лексічным значэннем слова *грэх*. Параўн.: слова *грэх*, паводле «Глумачальнага слоўніка беларускай мовы» [14], мае значэнні 'парушэнне правіл рэлігійнай маралі (у веруючых)', 'заганны ўчынак, памылка, правінка', 'нядобра, недаравальна, недазвольна', а слова *ліха* абазначае 'няшчасце, зло, бяда; гора; хвароба' і 'нячыстая сіла, чорт (у фальклоры)' [15]. Наўнасьць у значэннях абодвух назоўнікаў семы 'нешта нядобрае' і ёсць тое агульнае, на падставе чаго стала магчымай іх адпаведная ўзаемазамена ў фразеалагізме.

У англійскім выразе *to sound (strike, hit) a false note* (гучаць фальшывай нотай (ударыць (стукнуць) па фальшывай ноце)) 'дзеянчаць, гаварыць або пісаць недакладна, неналежа, неадпаведна' вар'іруемыя дзеясловы *to strike* (ударыць) і *to hit* (стукнуць) з'яўляюцца сінанімічнымі. Можна ўявіць, што спачатку мог існаваць фразеалагізм *to strike a false note* (ударыць па фальшывай ноце). Пасля з'явіўся яго варыянт *to hit a false note* (стукнуць па фальшывай ноце) як вынік асацыятыўнай замены дзеяслова яго сінонімам. А варыянт *to sound a false note* (гучаць фальшывай нотай) узнік на падставе асацыятыўнай сувязі з назоўнікам *note* (нота), паколькі лексема *to sound* (гучаць) знаходзіцца ў адносінах выключэння да слоў *to strike* (ударыць) і *to hit* (стукнуць).

На думку А. Ланлотца, вар'іраванню ФА (у тым ліку лексічнаму) садзейнічаюць псіхалінгвістычныя і лінгвакагнітыўныя працэсы, якія адбываюцца ў свядомасці носьбітаў мовы ў камунікатыўным акце [8, 36–53, 176–223]. Паводле вучонага, фармальна і семантычная структура пэўнай ідыяматычнай канструкцыі прадстаўлена ў свядомасці носьбітаў моў «незалежнай ад кантэксту стандартнай канфігурацыяй», упарадкаванай пэўнай кагнітыўнай мадэллю, якая «дынамічна прыстасоўваецца да патрабаванняў пэўнага выпадку ўжывання» [8, 177–178]. Інакш кажучы, у акце камунікацыі кожны раз адбываецца «прыстасаванне» інварыянтнай ФА да пэўнага кантэксту з мэтай палепшыць эфектыўнасць зносінаў, што ўплывае на лексічную афармленасць фразеалагізма. Сістэматычнае ўжыванне пераўтворанага выразу ў вусным і пісьмовым маўленні выклікае яго прызнанне ў якасці лексічнага варыянта.

Вывады

Такім чынам, адным з самых распаўсюджаных шляхоў развіцця лексічных варыянтаў з'яўляецца рэалізацыя слоўных якасцей кампанентаў фразеалагізмаў, абумоўленая падзельнаафармленасцю фразеалагізма (яго ўспрыманнем у якасці словазлучэння), а таксама агульнасцю асацыятыўнага мыслення чалавека, складанасцю псіхічных і кагнітыўных працэсаў у яго свядомасці. Лексічнае вар'іраванне фразеалагізмаў беларускай і англійскай моў найчасцей адбываецца ў структуры матываваных выказаў з мэтай стварэння больш дакладнага вобраза, умацнення іх эмацыянальна-экспрэсіўнай афарбоўкі або імкнення да эмпатычнасці. Аднак лексічныя ўзаемазамены могуць адбывацца і ў складзе нематываваных фразеалагізмаў у выніку паслаблення ролі асобных слоў-кампанентаў і магчымасці іх субстытуцыі без парушэння межаў ФА.

Літаратура

1. Лепешаў, І. Я. Этымалагічны слоўнік фразеалагізмаў / І. Я. Лепешаў. – Мінск : БелЭн, 2004. – 448 с.
2. Flavell, Linda and Roger. Dictionary of Idioms and Their Origins / Linda and Roger Flavell. – London : Kyle Cathie Ltd, 2006. – 343 p.
3. Мокиенко, В. М. Славянская фразеология / В. М. Мокиенко. – М. : Высш. шк., 1980. – 207 с.
4. Гарник, А. В. Вариантность лексического состава фразеологизмов современного польского языка : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.03 / А. В. Гарник. – Минск, 1988. – 165 л.

5. Жуков, В. П. Русская фразеология : учеб. пособие / В. П. Жуков. – 2-е изд. – М. : Высш. шк., 2006. – С. 179–191.
6. Хлусевіч, І. М. Варыянтнасць фразеалагізмаў у сучаснай беларускай літаратурнай мове / І. М. Хлусевіч ; пад рэд. праф. І. Я. Лепешава. – Гродна : ГрДУ, 2002. – 100 с.
7. Касцючык, В. М. Сінанімія і варыянтнасць у дыялектнай фразеалогіі: (на матэрыяле гаворак Брэстчыны) : дыс. ... канд. філал. навук : 10.02.01 / В. М. Касцючык. – Брэст, 2000. – 151 л.
8. Langoltz, Andreas. Idiomatic creativity: a cognitive-linguistic model of idiom-representation and idiom-variation in English / Andreas Langoltz. – Amstredam : Philadelphia: John Benjamins, 2006. – 325 p.
9. Диброва, Е. И. Вариантность фразеологических единиц в современном русском языке / Е. И. Диброва. – Ростов : изд-во Ростов. ун-та, 1979. – 192 с.
10. Солодухо, Э. М. Теория фразеологического сближения (на материале языков славянской, германской и романской групп) / Э. М. Солодухо. – Казань : изд-во Казан. ун-та, 1989. – 296 с.
11. Лепешаў, І. Я. Фразеалогія сучаснай беларускай мовы : вучэб. дапам. для філал. фак. ВНУ / І. Я. Лепешаў. – Мінск : Выш. шк., 1998. – 271 с.
12. Паулаускене, Э. С. Варианты фразеологических единиц в современном английском языке : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Э. С. Паулаускене ; Москов. город. пед. ин-т им. В. П. Потемкина. – М., 1956. – 14 с.
13. Шварцкопф, Б. С. О «внешней границе» нормы фразеологизма / Б. С. Шварцкопф // Тр. Самарканд. ун-та им. А. Навои. Новая сер., вып. № 277 : Вопросы фразеологии. VII. – Самарканд, 1976. – С. 43–49.
14. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Бел. Савецкая Энцыклапедыя, 1978. – Т. 2 : Г–К. – 765 с.
15. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад агул. рэд. К. К. Атраховіча (К. Крапівы). – Мінск : Бел. Савецкая Энцыклапедыя, 1979. – Т. 3 : Л–П. – 672 с.

Summary

The article deals with one of possible reasons for lexical variation within Belarusian and English phraseological units – the actualization of the word qualities of their constituent parts. Here the paradigmatic potential of the variable lexemes is meant. The latter are intuitively perceived as words in the native speakers' consciousness even in case of complete loss of their lexical meanings. It is shown that lexical variation of phraseological units does not only occur within motivated expressions, but also within non-motivated phraseological units.

Паступіў у рэдакцыю 08.06.2012.

УДК 81'42

**НАРРАТИВНЫЙ КОМПОНЕНТ ПУБЛИЦИСТИЧЕСКОГО ЭССЕ
НА АНГЛИЙСКОМ И БЕЛОРУССКОМ ЯЗЫКАХ****П. П. Глазко**

аспирант кафедры теории и практики английского языка УО «МГЛУ».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой теории и практики английского языка УО «МГЛУ»

Т. П. Карпилович

Статья посвящена рассмотрению особенностей нарративного компонента суперструктуры публицистических эссе на английском и белорусском языках. С целью установления нарративной специфики эссе в английском и белорусском. В результате логико-содержательного и сопоставительного анализа были выявлены составляющие нарративного компонента, унифицирующие и дифференцирующие черты языковых средств их актуализации на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, а также прагматика употребления данных языковых средств в текстах на указанных языках.

Введение

Установление антропоцентрической парадигмы выдвинуло в центр внимания лингвистов изучение различных коммуникативных явлений. Исследование коммуникативных явлений проводится с точки зрения их значения для человека, а также с учетом того, «как языковые единицы участвуют в формировании того или иного типа текста» [1, 4], как структура и прагматика обуславливают участие любого элемента языка в создании текста. При этом ученые отмечают, что любой способ коммуникации между людьми носит повествовательную окраску, что повествование «присутствует в мире, как сама жизнь» [2, 387]. Иными словами, жизни человека присуща нарративная целостность. Под нарративом понимают «текст, в котором рассказывается о людях и происходящих с ними событиях в той последовательности, которая устанавливается говорящим» [1, 12]. Из этого определения следует, что событийность выступает в качестве ингерентной характеристики нарративного текста [3, 11–12]. В этой связи интересными, с точки зрения нарративной специфики, нам представляются тексты публицистических эссе ввиду их высокой актуальности (т. е. обязательной связи с общественными, политическими, культурными событиями) и того, что их структурно-семантическая организация до сих пор не является четко очерченной. В данном исследовании структурное описание текста будет проводиться в терминах суперструктур. Такой подход представляется целесообразным, т. к. суперструктуру образует совокупность семантических компонентов, позволяющая выявить постоянные, конвенциональные (т. е. варьируемые в разных культурах) свойства, специфические для каждого типа текста [4, 229].

Цель и методы исследования. Таким образом, цель нашего исследования состоит в выявлении структурно-семантических характеристик нарративного аспекта эссе в английском и белорусском языках. Актуальность контрастивного подхода обусловлена сформированностью эссе как жанра и его высокой продуктивностью в англоязычных печатных средствах массовой коммуникации и становлением, а значит, необходимостью дальнейшей интеграции в общую систему жанров, эссе в белорусскоязычной публицистике.

Для установления средств языковой актуализации нарративного компонента был проведен логико-содержательный анализ 100 текстов эссе культурной и общественно-политической тематики на английском и белорусском языках соответственно (по 50 текстов на каждом языке).

Результаты исследования и их обсуждение

Результаты проведенного анализа дают основания говорить о характерной для обоих языков внутренней дифференциации нарративного компонента на субкомпоненты, выявленные на основании присущих им языковых средств актуализации в тексте, или дискурсивных маркеров. Нарративный компонент публицистического эссе имеет следующую субструктуру: фон – событие – проблема. При этом субкомпоненты фон и событие являются терминальными,

а субкомпонент *проблема* образуют такие содержательные элементы, как *постановка проблемы*, *авторский комментарий* и *решение/вывод*. Так, в эссе «Leave the Driving to the Car, and Reap Benefits in Safety and Mobility» [NYT] Себастьян Трун начинает рассуждения о будущем технологического прогресса в целом, а также о возможности и значении создания автомобилей с полным автоматическим управлением, в частности, со следующей *фоновой информацией*: *The Jetsons had them in the 1960s. They were the defining element of «Knight Rider» in the 1980s: cars that drive themselves. Self-driving cars appear in countless science fiction movies. By Hollywood standards, they are so normal we don't even notice them.* Затем автор переходит к *постановке проблемы*, ориентируя читателя на линию дальнейшего повествования, обозначая курс своих размышлений: *But in real life, they [cars] still don't exist. So what if they were real? What if you could buy one today?* После постановки проблемы следует ссылка на *событие* из жизни автора (авария, в которую попала коллега автора по вине невнимательного водителя), которое и стимулировало его к написанию текста: *Roughly a year ago, my lab manager succumbed to a traffic accident. A distracted driver hit her Prius at more than 50 miles an hour from the side while she was driving cautiously through an intersection.* Далее следует комментарий, который состоит в том, что автор, занимаясь большую часть своей жизни разработкой автомобилей с самоуправлением, утверждает, что средний автомобиль проводит 96% срока своей эксплуатации в обездвиженном состоянии, что приводит к переполненным парковкам: *I have been spending the better part of my professional life trying to create self-driving cars. I estimate that the average car is immobile 96 percent of its lifetime. This situation leads to a world full of underused cars and occupied parking spaces.* Наконец, автор приходит к *выводу* о том, что разработанная им технология будет использоваться повсеместно и позволит решить проблему дорожно-транспортных происшествий и пробок: *Some of these changes are far out in the future. But I envision a future in which our technology is available to everyone, in every car. I envision a future without traffic accidents or congestion. A future where everyone can use a car.*

Похожим характером обладает и нарративный компонент белорусскоязычных эссе. Для сравнения приведем в качестве примера эссе Сымона Свистуновича «Сацыяльнае жыццё – вырашэнне праблемы» [31], в котором автор размышляет над достоинствами и недостатками социальной политики Беларуси. Подводя итоги уходящему 2011 году, автор упоминает следующее *событие*: *Вось і ў Баранавічах 21 сям'я атрымала сацыяльнае жыццё ў 45-кватэрным доме – перад Новым годам ім уручылі дагаворы. У мерапрыемстве прымаў удзел старшыня Брэсцкага аблвыканкама Канстанцін Сумар, падзея гэтая для горада была значнай. Кватэры атрымалі шматдзетныя сем'і, дзеці-сіроты, але сярод заселеных не аказалася ветэранаў вайны.* Актуальность и важность обсуждаемой проблемы акцентируются посредством помещения ее в более широкий исторический контекст. Эта информация отражена в суперструктурном компоненте *фон*: *Каб разабрацца глыбей у праблеме, вернемся ў былы Саюз. У той перыяд франтавікам кватэры давалі, але, як ні парадаксальна, чэргі на жыццё меншымі не становіліся. А праблема аказалася завязанай на чалавечым фактары, які ў жыцці адыгрывае вялікую ролю.* На таком историческом фоне автор формулирует *проблему*: *Сацыяльнае жыццё – гэта бадай што адзіны спосаб навесці ў гэтым пытанні парадак. Тым не менш, нават сацыяльнае жыццё часам спрабуюць нейкім чынам атрымаць ва ўласнасць.* Далее в авторском комментарии выражается отношение автора к сложившейся ситуации (Без сумнення, людзі заслугоўваюць павагі (а як інакш?), але радня падштурхоўвае... Дзеці і ўнукі імкнуцца з дапамогай бацькі ці дзеда нешта атрымаць ад дзяржавы. Яны вераць у магчымасць нешта ўхапіць для сябе. Маўляў, калі праявіць настойлівасць – улада праігнаруе закон) и подводятся *итоги*: *Будаўніцтва сацыяльнага жыцця паказала, што своечасова прыняты закон спрыяе вырашэнню, здавалася б, самай балючай праблемы.*

Из приведенных выше примеров видно, что смысловое содержание компонента *фон* составляют ситуации и события прошлого, косвенно связанные с настоящей ситуацией или настоящими событиями. В зависимости от семантического наполнения и особенностей его языкового воплощения можно выделить несколько типов *фона*: исторический, культурологический, субъективный. Исторический фон формируют реальные исторические события, указывающие на истоки проблемы, ее место и значение в истории того или иного общества. Дискурсивными маркерами исторического фона являются придаточные предложения времени с союзами *when/while/калі* и глаголом-сказуемым в форме прошедшего времени изъявительного наклонения, обстоятельства времени, выраженные деепричастными оборотами, синтаксически связанными с глаголом в форме прошедшего времени и существительными

так часта «мусолім» гэтае слова, што сэнс яго – не павярхоўны, утылітарны, а глыбінны і глыбокі – неяк заціраецца, адыходзіць на другі план. Калі і з чаго пачынаецца адукацыя? Можна, узяць за «кротку адліку» той момант, калі чалавек пачынае вучыцца чытаць? Але хіба тады, у свае 5–6 гадоў, складваючы з літар і складоў словы, ён разумее, што «працэс пайшоў» [32]?

В авторском комментарии формулируется точка зрения и отношение автора к обсуждаемой в эссе проблеме. Авторский комментарий носит ярко выраженную субъективно-эмоциональную окраску, что способствует созданию эффекта непосредственного контакта между адресантом и адресатом. Дискурсивными маркерами авторского комментария являются языковые средства различных семантических групп. Так, в качестве основных маркеров выступают глаголы в форме первого лица единственного числа, а также личное местоимение первого лица единственного числа *I/я*, которое может использоваться в сочетании с глаголами со значением желательности/нежелательности, сомнения, уверенности/неуверенности, намерения, мнения: *Bachmann may think the Census is too intrusive; I just wish it were more so. As long as we're spending all this money to reach so many people, imagine what we could find out* [Т1]; *Разумею, што ўсе пройдзеныя прадметы пашыраюць круггляд і прымушаюць звільні працаваць, але калі б атрыманыя веды можна было прымяніць хаця б у змадэляванай сітуацыі будучай працы* [32].

К языковым средствам актуализации авторского комментария можно также отнести и лексические средства, передающие значения полагания, сомнения, допущения (прилагательные, модальные глаголы, вводные слова и конструкции и т. д.): *But perhaps most important of all, Benenson believes the current polls confuse a skepticism about health care reform with broad discontent over the political process in Washington* [Т6]; *Што ж да ўніверсітэцкіх выкладчыкаў, на шчасце, мне ні пра каго не хочацца сказаць: «Вой, ды гэта проста жах! Яго на гарматны стрэл нельга падпусаць да студэнтаў!» Магчыма, у кагосьці з іх і выяўляліся «асабліваасці» характару, але ўзровень кваліфікацыі кампенсаваў гэтыя «хібы» з лішкам* [32]...

Суперструктурный компонент *итог* занимает фиксированную финальную позицию в тексте и подводит черту под всеми рассуждениями автора, суммируя их, но не формулирует четких выводов и возможных путей решения рассматриваемой проблемы, что подталкивает читателя к дальнейшим размышлениям над проблемой и поиску собственных решений. Для англоязычных эссе типичным является завершать текст вопросом со скрытым намеком, устанавливая таким образом диалог с читателем. В белорусскоязычных эссе содержательный компонент *итог* носит тезисно-обобщающий характер. Это, вероятно, можно объяснить тем, что в белорусской публицистике жанр эссе находится на стадии становления и совмещает некоторые черты как публицистических, так и аналитических жанров. Сравните: *The failure to provide a basic guarantee of safety to women, who now represent 15% of the armed forces, is not just a moral issue, or a morale issue. What does it say if the military can't or won't protect the people we ask to protect us?* [Т7]; *На гэтым я пакуль стаўлю кротку, ці лепш сказаць – шматкрот'е. Бо нават калі не пайду ні ў магістратуру, ні на другую вышэйшую адукацыю, усё роўна буду вучыцца. Таму што паняцце адукацыі – гэта значна больш, чым атрыманне ведаў. Паставіць кротку ў гэтым працэсе – значыць перастаць развівацца. І хоць я не Сакрат і не Мантэнь, але нешта падказвае мне, што жывы чалавек не можа дазволіць сабе раскошу так «расслабляцца»* [32].

Выводы

Таким образом, проведенное исследование позволяет говорить как о сходстве способов дискурсивного маркирования составляющих нарративного компонента суперструктуры публицистического эссе на белорусском и английском языках на лексическом, морфологическом и синтаксическом уровнях, так и о ряде различий. Больше всего сходств выявлено в маркировании компонентов *событие* и *авторский комментарий*, которые формируют нарративный стержень эссе и, следовательно, характеризуются универсальностью для обоих языков. Основные различия касаются синтаксических средств актуализации компонента фон, что объясняется структурными особенностями исследуемых языков, а также в уровне обобщенности информации компонента *итог*, обусловливаемом разной степенью сформированности жанра эссе в англоязычной и белорусскоязычной публицистике.

Источники примеров

NYT – Thrun, S. Leave the Driving to the Car, and Reap Benefits in Safety and Mobility / S. Thrun // The New York Times [Electronic resource]. – Mode of access : http://www.nytimes.com/2011/12/06/science/sebastian-thrun-self-driving-cars-cansave-lives-and-parking-spaces.html?_r=1. – Date of access : 01.09.2011.

31 – Свістуновіч, С. Сацыяльнае жыллё – вырашэнне праблемы / С. Свістуновіч // Звязда. – 2012. – 10 студз. – С. 5.

T1 – Gibbs, N. The U.S. Census: Why Our Numbers Matter / N. Gibbs // Time [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1975329,00.html>. – Date of access : 01.09.2011.

Д31 – Абламейка, С. Падарожныя імпрэсіі / С. Абламейка // Дзеяслоў. – 2006. – № 22(21). – С. 285–304.

T2 – Gibbs, N. Remembrance of Things Future / N. Gibbs // Time [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1950933,00.html>. – Date of access : 01.09.2011.

ЛМ1 – Саянкова, Л. Яшчэ раз пра культуру / Л. Саянкова // Літаратура і мастацтва [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.main.lim.by/?p=1091>. – Date of access : 01.09.2011.

T3 – Gibbs, N. What's So Great About Big Birthdays? / N. Gibbs // Time [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1957473,00.html>. – Date of access : 01.09.2011.

ЛМ2 – Саянкова, Л. Мёртвыя сораму не маюць / Л. Саянкова // Літаратура і мастацтва [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.main.lim.by/?p=837>. – Date of access : 01.09.2011.

T4 – Israely, J. Sex Abuse: The Vatican's Struggle [or Damage Control] / J. Israely // Time [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1977117,00.html>. – Date of access : 01.09.2011.

ЛМ3 – Аўласенка, Г. Рэмейк: за і супраць... / Г. Аўласенка // Літаратура і мастацтва [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.main.lim.by/?p=763>. – Date of access : 01.09.2011.

T5 – Frum, D. The Right's Unjust War Against Sen. Robert Bennett / D. Frum // Time [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1978761,00.html>. – Date of access : 01.09.2011.

32 – Зарэчная, А. Мае «універсітэты», або нататкі на «палях» вучнёўскага сшытка / А. Зарэчная // Звязда. – 2012. – 1 сак. – С. 3.

T6 – Scherer, M. Health Care Brawl: Why Obama's Team Thinks it Can Win / M. Scherer // Time [Electronic resource]. – Mode of access : <http://www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1973282,00.html>. – Date of access : 01.09.2011.

T7 – Gibbs, N. Sexual Assaults on Female Soldiers: Don't Ask, Don't Tell / N. Gibbs // Time [Electronic resource]. – Mode of access : www.time.com/time/magazine/article/0,9171,1968110,00.html. – Date of access : 01.09.2011.

Літаратура

1. Попова, Е. А. Коммуникативные аспекты литературного нарратива : монография / Е. А. Попова. – Липецк : ЛГУ, 2001. – 268 с.
2. Барт, Р. Введение в структурный анализ повествовательных текстов / Р. Барт // Зарубежная эстетика и теория литературы XIX–XX вв. – М. : изд. МГУ, 1987. – 512 с.
3. Шмид, В. Нарратология / В. Шмид. – М. : Языки славянской культуры, 2003. – 312 с.
4. Ван Дейк, Т.А. Язык, познание, коммуникация / Т. А. ван Дейк. – М. : Прогресс, 1989. – 312 с.

Summary

The present article considers the discursive markers of the narrative component in texts of publicistic essays in the English and Belarusian languages. The results of the logical and comparative analyses elucidate common and different ways of linguistic representation of the narrative component in both the languages.

Поступила в редакцию 03.08.12.

УДК 82.0

ФУНКЦИОНИРОВАНИЕ ВЕЧНЫХ СЮЖЕТОВ ОБ ИСКУССТВЕ В РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ РУБЕЖА XIX–XX веков

А. В. Зезюлевич

магистр филологических наук,
аспирант кафедры русской и зарубежной литературы
УО «ГрГУ им. Я. Купалы».

Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор,
заведующий кафедрой русской и зарубежной литературы
УО «ГрГУ им. Я. Купалы» Т. Е. Автухович

В статье анализируются особенности бытования вечных сюжетов об искусстве в русской литературе рубежа XIX–XX вв. Восходящие к мифу вечные сюжеты об искусстве определяются как фреймы – устойчивые ментальные конструкты, актуализация которых в литературном процессе обусловлена культурно-исторической ситуацией. На примере функционирования вечных сюжетов о Пигмалионе, продавшемся таланте, Орфее и Крысолове в творчестве писателей-реалистов и модернистов прослеживаются основные философско-эстетические искания эпохи, свидетельствующие о новом понимании сущности творчества и о становлении новой художественной парадигмы.

Введение

К началу XIX в. в литературе завершилась эпоха «готового слова», являвшегося «живым носителем культурной традиции» [1, 310], и начался процесс переориентации языкового сознания, в результате которого на рубеже XIX–XX вв. сформировался новый тип образного слова, способствовавший смене художественной парадигмы, – «простое слово». По мнению С. Н. Бройтмана, «простое слово свободно от предписанного стиливого ореола <...> и претендует на то, чтобы быть воспринятым как некая безусловная реальность. В этом оно перекликается с мифологическим словом» [2, 313]. Но, в отличие от слова в мифе, простое слово становится не самой реальностью, а определенным языком этой реальности. Новое понимание природы слова и художественного творчества породило повышенный интерес литературы рубежной эпохи к мифу. Актуализируются и активно бытуют вечные сюжеты мифологического и фольклорного происхождения, отражая преобразования в литературной системе. На наш взгляд, этот процесс наиболее полно отразился в функционировании вечных сюжетов, объединенных темой искусства, поскольку изображение творческого процесса в художественных произведениях, «предлагает читателю ключ к пониманию авторской концепции творческого акта и, следовательно, метод интерпретации» [3, 16].

Цель исследования – выявить, каким образом смена художественной парадигмы сказалась на функционировании вечных сюжетов об искусстве в русской литературе рубежа XIX–XX вв.

Результаты исследования и их обсуждение

В современном литературоведении вечные сюжеты определяются как готовые информационные блоки – фреймы. К мифологическим фреймам об искусстве можно отнести четыре вечных сюжета, каждый из которых отражает один из философских модусов творчества:

- онтологический модус – искусство выступает как средство утверждения бытийного статуса творчества – сюжет о гамельнском Крысолове;
- гносеологический модус – искусство является ключом к познанию мира – сюжет об Орфее и Эвридике;
- аксиологический модус – искусство как воплощение ценностей и эстетического идеала – сюжет о Пигмалионе и Галатее;
- эпистемологический модус – искусство как способ осознания места и роли художника (и шире – человека вообще) в мире – сюжет о продавшемся таланте.

Совокупность четырех модусов соответствует четырем базовым когнитивным операциям, следовательно, обращение к указанным сюжетам позволяет проследить эстетические искания эпохи на всех уровнях.

Становление новой художественной парадигмы на рубеже XIX–XX вв. отразилось на развитии всех литературных направлений. В конце XIX в. реалистические принципы типизации и социального детерминизма оказываются недостаточными для изображения действительности, так как мир многогранен и не сводится только к сфере социума. Назревает необходимость в новом эстетическом идеале и художественном языке. Среди сюжетов об искусстве в реалистической эстетике на первый план выходят сюжеты аксиологического и эпистемологического модусов, которые зачастую соединяются в рамках одного текста. Так, например, в рассказе А. И. Куприна «Психея» (1892) контаминируются сюжеты о Пигмалионе и о продавшемся таланте.

Рассказ написан в форме дневника скульптора, который впустую растрчивает свой талант. Самохарактеристика героя – вариант сюжета о продавшемся таланте: «Сегодня как раз я окончил двенадцатого Пушкина. Я так наловчился их лепить, что могу работать с закрытыми глазами, и все они похожи один на другого, как близнецы <...>» [4, 121]. Герой недоволен таким положением, ищет свой идеал: «Точно в религиозном экстазе, ощутительно познаю в себе сладкое присутствие моего неведомого бога» [4, 121]. Источником вдохновения для него становится сфера подсознательного: ему снится статуя Психеи – олицетворение гармонии и красоты. Замена Галатеей Психеей не случайна: в понимании Куприна эстетический идеал является воплощением души самого художника, а не абстрактным образом, отражающим действительность.

Герой видит во сне похороны Психеи: «сняли гроб <...>, и я увидел в нем мраморную статую ... божественной красоты. <...> Пробился к гробу, обхватил руками прекрасное холодное тело и очутился вместе с ним в могиле» [4, 126]. Этот эпизод «прогнозирует» финал рассказа: одержимый желанием воплотить идеал герой воссоздает приснившуюся статую, но стремление героя выразить в творчестве собственную душу оборачивается для него полным разрывом с реальностью, сумасшествием и смертью. В такой интерпретации искусства Куприн близок к романтической концепции творческого безумия, к тому же дневниковая форма рассказа отсылает к произведениям позднего романтизма: к гоголевским «Запискам сумасшедшего» и к повести И. Панаева «Белая горячка». На первый взгляд может показаться, что безумие развенчивает идею превосходства искусства над жизнью, но трагический финал «Психеи» уравнивается экстатическими переживаниями героя в момент смерти: «<...> в недостижимой высоте, сквозь волны лучезарного света, я уже вижу твою нежную улыбку, мое божество! Моя Психея!» [4, 135]. Мифологические фреймы А. И. Куприн подвергает трансформации. В частности, происходит инверсия мифа о Пигмалионе и Галатее: в финале рассказа вместо чудесной метаморфозы – оживления мраморного изваяния – происходит гибель скульптора. Но на метафизическом уровне смерть героя воспринимается как освобождение от условностей реального мира и единение с идеалом в вечности. Нарастающее по ходу рассказа безумие героя помогает ему преодолеть путь от нищего копииста до Пигмалиона – творца, обладающего способностью оживлять собственные произведения силой воображения.

Подобную интерпретацию получает сюжет о Пигмалионе в рассказе Н. Г. Гарина-Михайловского «Художник» (1897). Главный герой произведения – гениальный скульптор, желающий воплотить в мраморе «дивный образ своей души» [5]. Как и герой Куприна, он черпает вдохновение в собственном внутреннем мире. Идеальный образ герой обретает в момент духовной медитации, когда видит «иную даль» [5]. Словосочетание «иная даль», на наш взгляд, подразумевает сферу подсознательного в противовес объективной реальности.

Но в рассказе Н. Г. Гарина-Михайловского есть и другой аспект разработки фрейма. Изваяв статую, герой просит богов оживить ее, «чтобы могла она совершить свое призвание на земле» [5], то есть нести в мир красоту и гармонию. Однако ожившая статуя пробуждает в сердце скульптора страсть: «осыпая ее огнем своих преступных поцелуев, жадно кричал богам: «Она моя! Только моя!» [5]. Поведение героя вызывает гнев богов и обратную метаморфозу – ожившая скульптура превращается в уродливую мраморную глыбу – мифологический фрейм инверсируется. Эстетический идеал, по мнению автора, как воплощение души творца имеет право на субъективность выражения, но не на субъективность существования. Если произведение искусства не находит отклика у адресата, оставаясь лишь в авторском сознании, то идеальный образ, воплощенный в тексте/скульптуре/мелодии, обесценивается.

Так же, как и в «Психее» А. И. Куприна, в «Художнике» Н. Г. Гарина-Михайловского происходит контаминация сюжетов о Пигмалионе и о продавшемся таланте, но вектор соединения противоположен купринскому: боги обещают снова оживить скульптуру, если герою удастся воссоздать ее копию. Но герой утратил талант, оставшуюся жизнь провел за работой и,

не добившись успеха, умер с резцом в руке, став собственным посмертным памятником: «Он сидел перед своей работой и сам был лучшей из всех сделанных им статуй в выражении неземной тоски, отчаяния и горя» [5]. Так в рассказе воплощается идея недостижимости эстетического идеала; изображена сложность отношений творца и его творения: единожды предав собственный идеал, художник теряет способность к творчеству. Физическая страсть к ожившему изваянию, ставшая причиной трагедии героя, может быть интерпретирована как предпочтение скульптором благ материальных, тогда как истинный путь художника – бескорыстное духовное бытие и творчество как самоцель. Такой вывод позволяет сделать финал рассказа: текст завершается словами английского философа XVII в. Дж. Гленвилла: «И не уступил бы человек ангелам и перед смертью не склонился, если бы не была у него слабая воля» [5]. Это изречение отсылает к новелле Э. А. По «Лигейя» (1838), в которой в романтическом мистическом ключе разрабатывается идея противостояния материального и духовного начал и превосходства последнего. К подобным выводам приходит и А. И. Куприн в «Психее». Писатель вводит в текст спор главного героя с его товарищем Сливинским, отсылающий к рассказу В. М. Гаршина «Художники» (1879), который представляет два противоположных взгляда на искусство: как на забаву и источник дохода и как на продукт вдохновения. Следовательно, сопоставление рассказов А. И. Куприна и Н. Г. Гарина-Михайловского демонстрирует общие тенденции в разработке концепции художественного творчества: в качестве объекта изображения художник избирает проявления внутреннего мира и утверждает превосходство искусства и духовных ценностей над повседневностью в своем стремлении воплотить новый идеал.

Другой тенденций функционирования мифологических фреймов в литературе рубежа XIX–XX вв. становится использование вечных сюжетов об искусстве для обоснования философии творчества. В частности, сюжет-фрейм об Орфее и Эвридике лег в основу эстетических учений русских символистов – В. С. Соловьева, Вяч. Иванова, А. Белого. Внимание авторов к этому сюжету обусловлено сущностью символизма как литературно-эстетического направления. Креативная стратегия символистов «восходит к работам немецких и английских романтиков, где сакральные и эстетические ценности ... объединены в единое целое (Бог как Творец Красоты)» [6, 35]. Но если романтики постулируют искусство как абсолютную ценность и в центре романтической эстетики находится «творческий субъект, гений, убежденный в универсальности своего видения действительности <...>, выступающий как интерпретатор мирового порядка» [7, 34], то цель символистов – созидать себя как теурга, который способен изменить действительность посредством творчества. В этой способности заключается сходство теурга с Орфеем: античный певец подчиняет своей воле законы мироздания, заставляя царя загробного мира разрешить Эвридике вернуться в мир живых. Неудача, которую терпит Орфей, оглядываясь на Эвридику, для мифа является необходимостью, так как нарушение равновесия между жизнью и смертью (тем более, в результате деятельности человека) недопустимо для мифологического сознания, и возвращение Эвридики в Аид есть восстановление утраченного миропорядка.

Произведением, ознаменовавшим начало актуализации фрейма «Орфей и Эвридика», стало стихотворение В. С. Соловьева «Три подвига» (1882). Поэт воспекает подвиг Персея – Воина, спасающего возлюбленную от смерти, подвиг Пигмалиона – Художника, дарующего жизнь своему творению, и подвиг Орфея – Певца, спасающего от забвения. Л. Л. Авдейчик пишет: «Каждый из эпизодов несет свою смысловую нагрузку, символизируя <...> единый трехступенчатый путь эволюции не только самой любви мужчины и женщины, но и всего земного мира» [8, 69]. С нашей точки зрения, гносеологический компонент фрейма «Орфей и Эвридика» у В. С. Соловьева выходит на первый план, и центральное место в стихотворении отведено подвигу Орфея – автор утверждает окончательное преодоление смерти посредством творческого акта. Победа над смертью для Соловьева является залогом гармонии бытия, поэтому в финале стихотворения исходный фрейм трансформируется: Орфей выводит Эвридику из царства мертвых. В интерпретации В. С. Соловьева Орфей обожествляется, превращаясь из Певца-человека в Певца-теурга, для которого не существует непреодолимых преград в познании основ мироздания.

Идеи В. С. Соловьева повлияли на творчество Вяч. Иванова. В трактате «Орфей» (1912) Иванов называет самого Соловьева Орфеем, «несущим начало зиждательного строя» [9], и рассматривает нисхождение Орфея в Аид как несостоявшийся брак Логоса с Мировой Душой. Способность поэта-творца оглянуться, т. е. познать Мировую душу, расценивается Ивановым и как духовный подвиг, и как обретение божественного откровения, и как великое самопожертвование. Стать истинным Орфеем, считает Вяч. Иванов, сможет поэт будущего, который возвысится

в своем творчестве до такого подвига. По этому поводу с Ивановым полемизировал Андрей Белый, считавший, что стать Орфеем мог бы и современный автору поэт. Орфей, в понимании Белого, является символом искусства вообще и предстает, прежде всего, как цивилизатор, спаситель мира, поскольку жизнь в отрыве от художественного творчества невозможна.

Таким образом, русские символисты, отталкиваясь от воззрений романтиков на природу искусства, экстраполировали античный сюжет об Орфее и Эвридике на теургическую концепцию искусства: художник должен преодолеть условную природу искусства и в процессе творческого акта изменить объективную реальность. Поэтому в русском символизме раньше других актуализируется и разрабатывается сюжет гносеологического модуса. Однако из-за очевидных расхождений между художественной практикой и теоретическими построениями символисты довольно скоро осознали сложность действительного воплощения теургических концепций, и проблема онтологической природы художественного творчества вновь обрела актуальность, но решение этой проблемы в романтической и символистской культуре различно. В эстетике романтизма осознание разлада мечты и действительности привело к формированию категории двоемирия [10, 221], а художественное творчество приравнивалось к сотворению идеального мира, способного заменить собой объективную реальность, и являлось «пропуском» в этот мир. В эстетике символизма искусство постепенно стало осознаваться как «блестящий радужный «мыльный пузырь», – продукт уединенного сознания» [6, 24–25], для которого крайне важна рецепция, поскольку «творческий акт художника оборачивается вторжением в суверенность чужого «я» [11, 102]. По отношению к адресату творец выступает в качестве режиссера, обеспечивающего процесс восприятия художественного текста, но при этом адресат получает свободу интерпретации произведения, а следовательно, и право выбора: вступать ли в творческий диалог с автором, принимая субъективный мир фантазии за онтологический двойник реальности, либо дистанцироваться от художественного текста. В связи с этим в творчестве символистов новую трактовку получают вечные сюжеты онтологического модуса, например, сюжет о Крысолове. Данный фрейм актуализируется в русской литературе в начале XX века в стихотворении В. Я. Брюсова «Крысолов» (1904).

Традиционное прочтение данного сюжета было предложено немецкими романтиками на рубеже XVIII–XIX вв.: волшебная музыка Крысолова, уводящая детей из бюргерского Гамельна, открывала перед ними путь в лучший мир, попасть в который не суждено людям с обывательской психологией. Благодаря такой интерпретации в сюжете о Крысолове воплотилось представление об онтологической функции искусства.

Стихотворение В. Я. Брюсова представляет собой редуцированный вариант первоисточника: дудочник Крысолов использует силу музыки для соблазнения девушки. Действие разворачивается на пасторальном фоне:

Я иду вдоль тихой речки,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Дремлют тихие овечки,
Кротко зыблются поля [12].

Но в этой пейзажной зарисовке в рамках одной строфы автор дважды повторяет эпитет «тихий», использует примитивную рифму «речки // овечки», что создает ощутимый иронический оттенок. Встреча Крысолова и его возлюбленной описана в подобном ключе:

И, сменившись с ней колючком,
Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля,
Отпущу ее к овечкам,
В сад, где стройны тополя [12].

Иронический подтекст прочитывается в абсурдности последних двух строк: в садах обычно не пасут овец и не высаживают тополя. В такой интерпретации любовь Крысолова превращается в забаву.

Рефреном всего текста является звук дудочки Крысолова: «Тра-ля-ля-ля-ля-ля-ля». Бессмысленность песенки героя, ее нарочитый примитивизм и шуточный характер развенчивают идею спасительной силы искусства, разрушают его онтологическое значение. В. Я. Брюсов сопоставляет искусство с миражом, который не может преобразить реальность. После погружения в мир художественного произведения для читателя неизбежно наступит момент возвращения в объективную действительность, приравниваемый поэтом к моменту пробуждения. Поэтому брюсовский дудочник не уводит возлюбленную в идеальный мир, а отпускает после

свидания. Кроме того, нелепая мелодия волшебной флейты свидетельствует об иронии по отношению к статусу творца. Крысолов в интерпретации Брюсова лишен теургических черт. Его искусство субъективно, видится автору мистификацией и игрой. При этом у читателя есть возможность выбора: включаться в эту игру, сохраняя чувство реальности, или оставаться вне игры, принимая иллюзию за желаемую (и желанную) действительность, причем сам Брюсов настаивает именно на первом варианте, поскольку в первом случае мелодия Крысолова несет радость, «чьи-то души веселя», во втором – повергает в «истомный бред» [12].

Следовательно, в стихотворении В. Я. Брюсова начинается процесс разрушения традиционного фрейма. Поэт подвергает переосмыслению онтологические возможности искусства, акцентируя внимание на иллюзорности мира художественного произведения.

Выводы

Таким образом, в литературном процессе рубежа XIX–XX веков выявляются, как минимум, две тенденции, определяющие особенности функционирования вечных сюжетов об искусстве в рамках реалистических и модернистских литературно-эстетических исканий соответственно. Для представителей реалистической литературы актуальными оказываются фреймы аксиологического и эпистемологического модусов, поскольку в русле реализма назревает необходимость пересмотра статуса творца и переоценки эстетического идеала. В творчестве модернистов на первый план выходят фреймы гносеологического модуса, позволяющие выявить особенности художественной реальности и определить, какое воздействие она может оказывать на объективную действительность и, прежде всего, на сознание адресата. Однако постепенное осознание непреодолимого разрыва между искусством и реальностью актуализирует фреймы онтологического модуса, трансформация которых свидетельствует о новом понимании сути художественного творчества.

Литература

1. Михайлов, А. В. Античность как идеал и культурная реальность XVIII–XIX вв. / А. В. Михайлов // Античность как тип культуры / А. Ф. Лосев [и др.] – М., 1988. – 336 с.
2. Бройтман, С. Н. Историческая поэтика / С. Н. Бройтман. – М. : РГГУ, 2001. – 420 с.
3. Евдокимова, С. Процесс художественного творчества и авторский текст / С. Евдокимова // Автор и текст : сб. ст. / под ред. В. М. Марковича и В. Шмида. – СПб. : изд-во С.-Петербург. ун-та, 1996. – С. 9–24.
4. Куприн, А. И. Психея // Собрание сочинений : в 9 т. / А. И. Куприн. – М. : Худ. лит., 1970. – Т. 1. – С. 119–135.
5. Гарин-Михайловский, Н. Г. Художник [Электронный ресурс] / Н. Г. Гарин-Михайловский. – Режим доступа : [http://ru.wikisource.org/wiki/Художник_\(Гарин-Михайловский,_рассказ\)](http://ru.wikisource.org/wiki/Художник_(Гарин-Михайловский,_рассказ)). – Дата доступа : 21.01.2012.
6. Тырышкина, Е. В. Русская литература 1890-х – начала 1920-х годов: от декаданса к авангарду / Е. В. Тырышкина. – Новосибирск : изд-во НГПУ, 2002. – 151 с.
7. Категории поэтики в смене литературных эпох / С. С. Аверинцев [и др.] // Историческая поэтика: Литературные эпохи и типы художественного сознания. – М. : Наследие, 1994. – С. 3–38.
8. Авдейчик, Л. Л. Философская поэзия Владимира Соловьева / Л. Л. Авдейчик. – Минск : РИВШ, 2006. – 170 с.
9. Иванов, Вяч. Орфей / Вяч. Иванов // Тр. и дни [Электронный ресурс]. – 1912. – № 1. – С. 60–63. – Режим доступа : http://musaget.narod.ru/trudy_i_dni.htm. – Дата доступа : 16.01.2012.
10. Боров, Ю. Романтизм / Ю. Боров // Теория литературы : в 4 т. – М. : ИМЛИ РАН, «Наследие», 2001. – Т. 4 : Литературный процесс. – 624 с.
11. Тюпа, В. И. Литература как род деятельности: теория художественного дискурса / В. И. Тюпа // Теория литературы : в 2 т. / под ред. Н. Д. Тмарченко. – М. : изд. центр «Академия», 2004. – Т. 1 : Теория художественного дискурса. Теоретическая поэтика / Н. Д. Тмарченко [и др.]. – С. 16–105.
12. Брюсов, В. Я. Крысолов // Стихи / В. Я. Брюсов. – М. : Современник, 1972. – С. 46.

Summary

The article deals with the features of being the eternal plots about art in the Russian literature on the boundary of the XIXth–XXth centuries. The eternal plots about art can be traced back to a myth and they are defined as frames that are steady mental structures which actualization in literary process is caused by historical and cultural situation. By the example of functioning the eternal plots about Orpheus, Pied Piper, Pygmalion who sold his talent in creativity of the realist and modernist writers the basic philosophic and aesthetic peculiarities of the epoch on the boundary of the XIXth–XXth centuries are found and they testify to new understanding of essence of creativity and to formation of a new art paradigm.

Поступила в редакцию 03.08.12.

УДК 82.0

**«ИНТЕРПРЕТАЦИОННЫЕ УЗЛЫ»:
КОММУНИКАТИВНАЯ ОСЬ ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ**

М. М. Иоскевич

кандидат филологических наук,
старший преподаватель кафедры лингвистики и межкультурной коммуникации
УО «ГрГУ им. Я. Купалы»

Статья посвящена проблеме литературоведческой интерпретации художественного произведения. Диалог «автор – читатель» целенаправленно реализуется в стиле художественного произведения. Компоненты стиля, иначе «интерпретационные узлы», образуют коммуникативную ось текста, обеспечивая его интерпретационный потенциал, то есть возможность нового истолкования.

Введение

Исследование стиля художественного произведения как способа организации художественной коммуникации является *основной задачей* интерпретации. Стиль «выявляет существование художественной целостности и с наибольшей отчетливостью проясняет возможность целостного анализа литературного произведения, каждого его элемента и структурного слоя» [1, 91]. Именно стиль (в таком понимании) способен оказывать влияние на различные исторические слои читателей. Элементы стиля, посредством которых в художественном произведении осуществляется диалог «автор – читатель», мы предлагаем называть «интерпретационными узлами». Использование метафоры «интерпретационные узлы» соответствует существующей в литературоведении тенденции истолковывать сущность литературоведческих понятий посредством метафоры как одного из мощных средств смыслопостроения и истолкования, значимого активатора читательского восприятия.

Существует девять элементов стиля, или девять «интерпретационных узлов»: «узлы» жанра, акта рассказывания, интертекстуальности, тематики, конфликта, метафоризации, ценностных оппозиций, пропусков-лакун, модусов художественности. Эти элементы стиля представляются нам наиболее значимыми в плане интерпретации художественного произведения. «Узлы», пронизывающие формально-содержательные уровни художественного произведения, обеспечивают неразрывное единство авторского замысла и читательской установки восприятия текста.

Результаты исследования и их обсуждение

Каждый «интерпретационный узел» как текстовая «точка» осуществления диалога «автор – читатель» обладает определенными особенностями и характеристиками.

«Узел» жанра является одним из первостепенных, поскольку жанр выступает одним из способов проявления авторской субъективности в изображении художественной реальности и соответственно предполагает определенные условия восприятия: «для каждого литературного жанра характерны свои особые концепции адресата литературного произведения, особое ощущение и понимание своего читателя, слушателя, публики, народа» [2, 279]; «авторские жанровые обозначения предполагают взаимопонимание между писателем и читателем, обоюдное признание определенной жанровой традиции» [3, 9].

Особенно продуктивен в интерпретационном плане жанр романа. Это «жанр-загадка, обладающий синтетичной природой, способный совмещать содержательные начала множества жанров» [4, 330], его своеобразие состоит в «подвижности, непредсказуемости и текучести, проявляющейся на разных уровнях романной структуры» [5, 21].

При интерпретации романа первая сложность состоит в том, что зачастую авторские обозначения жанра не столь однозначны. Вторая сложность интерпретации романа состоит в определении его жанровой разновидности, поскольку синтетический характер романа допускает множественность трактовок.

Понятие «автора» неизбежно связано с проблемой «интерпретационного узла» акта рассказывания, обуславливающего разветвление путей истолкования. «Узел» акта рассказывания

является столь же значимым, что и «узел» жанра, более того, оба «узла» находятся в отношениях взаимной корреляции, поскольку жанровая специфика проявляется в организации повествования и наоборот. Исследование данного «узла» предполагает оперирование понятиями «повествователь» и «рассказчик».

В интерпретационном плане произведения с всезнающим повествователем, как правило, не представляют сложности, ведь читателю дозволено принимать на веру все откровения повествователя, что облегчает диалог между автором и читателем. Однако картина читательского восприятия художественного произведения может меняться со сменой эпох, с приходом новых ценностей, что приводит к появлению новых интерпретаций классических произведений, преломлению их устоявшихся в читательском понимании смыслов, к читательскому несогласию с авторской системой ценностей.

Принятие же позиции рассказчика за непреложную истину снижает степень адекватности истолкования. При интерпретации художественного произведения необходимо определить, является ли рассказчик проекцией образа автора, и выявить степень достоверности рассказа и возможность доверия к нему читателя. Задача усложняется, если в произведении присутствует несколько рассказчиков, хотя иногда подобная повествовательная организация не является основанием для поиска глубинных смыслов произведения.

«Интерпретационный узел» интертекстуальности (концепция интертекстуальности была разработана Ю. Кристевой) также выступает в качестве одного из значимых «узлов». Исследователи определяют интертекстуальность как «использование поэтики того или иного произведения в структуре другого произведения, присутствующее в открытом или завуалированном виде и требующее специального анализа для его выявления» [6, 6]. М. Н. Макеева подчеркивает коммуникативную сущность данного «узла»: «интертекстуальность как обращение ко всей онтологической конструкции человека, ко всему его культурному опыту является фактором, увеличивающим «многоканальность» понимания» [7, 2].

Посредством «узла» интертекстуальности исследователь может установить контактные и контрастные связи между произведениями в свете литературной традиции (что является первичным этапом интерпретационного исследования), а также между их смыслами даже без условия преемственности. Исследование «узла» интертекстуальности отвечает требованиям системного подхода к раскрытию генетических связей художественного произведения.

Одним из наиболее важных является **«интерпретационный узел» тематики** художественного произведения. Для процедуры интерпретации актуальным является широкое значение понятия «тема», неразрывно связанное с целостностью художественного произведения. По словам Я. О. Зунделовича, «тема – это основной замысел, основное звучание произведения. Темой в широком смысле слова является тот целостный образ мира, который определяет поэтическое мировосприятие художника» [8].

Как правило, в первую очередь читатель распознает вечные и культурно-исторические темы. Узкое определение понятия темы, сопоставимое с мотивом, предполагает, что мотив можно рассматривать как развитие, расширение и углубление основной темы на уровне образной структуры произведения. На наш взгляд, именно разнообразие мотивов (микротем) художественного произведения, их многоплановое сочетание и переплетение в читательском восприятии обеспечивает множественность интерпретаций, основанных на тематическом истолковании произведения. «Интерпретационный узел» тематики активно реализуется в читательском восприятии, ведь произведения, затрагивающие исключительно одну тему, крайне редки. Более того, смена культурно-исторических эпох и, следовательно, читательского восприятия способна актуализировать такие микротемы, которые оставались без должного внимания в предыдущие исторические этапы жизни произведения.

Чрезвычайно актуальным в свете поиска новых смыслов художественного произведения является **«интерпретационный узел» конфликта**. Традиционно в литературоведении под конфликтом понимают тематическое напряжение, возникающее между персонажами или их поступками, на котором основывается сюжет.

Актуальна систематизация В. Е. Хализева, который подразделяет конфликты на локальные и устойчивые. По сравнению с локальными конфликтами устойчивые конфликтные положения обладают более высокой степенью диалогичности, они направлены на вовлечение читателя в изображаемый конфликт, на формирование читательской точки зрения, склонение на ту или иную позицию конфликтующих сторон.

Интерпретация конфликта способствует проникновению в авторский замысел, однако произведения, в которых события разворачиваются вокруг локального конфликта, как правило, не способны вызвать множественность истолкований. Наиболее полно «узел» конфликта реализуется в произведениях с устойчивым конфликтом или же в многоплановых произведениях, где присутствует несколько конфликтов.

Особенно актуальным с позиций интерпретации и активизации читательского восприятия является такой стилистический троп, как метафора, обуславливающая «интерпретационный узел» метафоризации. Метафора активно воздействует на воображение и эмоции читателя, предотвращая шаблонность восприятия. Двойственный характер метафоры изначально предполагает диалог и интерпретацию. Метафора активно участвует в текстообразовании. Именно благодаря своей «способности быть мотивированной, развернутой, то есть объясненной и продолженной» [9, 23] метафора порождает множественность интерпретаций, поскольку метафорическое текстообразование можно понимать «и буквально, как порождение текста, и иносказательно, как порождение подтекстового слова» [9, 25].

Часты случаи, когда заглавие произведения, один из способов проявления авторской субъективности, представляет собой развернутую метафору, что изначально предполагает ее интерпретацию на сюжетно-композиционном уровне. Однако задача интерпретатора усложняется, если метафора, определяющая сюжетно-тематический центр произведения, находится в тексте произведения, представляя собой общую концепцию данного сюжета. Здесь особую роль играет методика «пристального чтения», позволяющая интерпретатору отыскать и связать воедино метафорические образы.

«Интерпретационный узел» ценностных оппозиций является одним из основополагающих при истолковании, ведь ценностная структура – «сложное эстетическое единство произведения, мир персонажей которого открывается как поляризованный противоположными ценностями» [10, 290]. Это одна из характеристик текста «и а priori его интерпретации: художественный мир – это зона оценивания» [11, 160].

В художественном произведении выделяют два типа различных оценок. Первый выражен в тексте посредством точек зрения персонажей и рассказчиков, формируя поверхностный уровень интерпретации. Читателю необходимо выявить авторское отношение к полюсам оппозиции: является ли оно устойчивым и совпадает ли с точкой зрения персонажей. Второй тип оценки, наиболее актуальный для интерпретации системы ценностей, заключен в художественной форме, которая «опосредована образом и выражается лишь им» [10, 290]. Мир произведения построен на поляризованной системе ценностей: «ценностное напряжение в художественном мире открывает отношения полярности» [11, 200]. Этот тип оценки и принадлежит автору, поскольку «ценностная сторона произведения гарантирует его художественную сосредоточенность, цельность, будучи не чем иным, как авторским завершающим горизонтом» [11, 199].

«Интерпретационный узел» пропусков-лакун («лакуна» – термин Ц. Тодорова) является одним из средств смыслопорождения художественного текста и побудителем интерпретационной деятельности. При обнаружении пропусков-лакун читатель пытается заполнить «смысловые скважины» (Н. И. Жинкин) текста, тем самым становясь как бы соавтором произведения. Актуальное значение при интерпретации художественного произведения приобретают такие пропуски-лакуны, которые способны формировать различные пласты читательского восприятия, а также влиять на определение жанровой принадлежности произведения. Тем не менее, «интерпретационный узел» пропусков-лакун является, возможно, самым малозначимым с позиций интерпретации художественного произведения. Пропуск-лакуна, влияя прежде всего на психологию читателя, тем самым предопределяет высокую степень субъективизма интерпретации, что может сказаться на ее адекватности.

«Интерпретационный узел» модусов художественности стремится к подчинению «узлам» жанра и ценностных оппозиций, поэтому определяется посредством их совместного анализа. Термин «модус художественности», разработанный в западном литературоведении Б. Христиансенем, введен в поэтику Н. Фраем.

С позиции интерпретации художественного текста внимание исследователей привлекают те произведения, которые характеризуются разнообразной модальностью. Однако при интерпретации подобного произведения необходимо помнить об «эстетической доминанте» [12, 128], обуславливающей художественную целостность как главный источник его эстетического постижения: «целостность есть <...> состояние объекта, располагающее к созерцательному

приятію яго» [13, 20]. Інымі словамі, інтэрпрэтар павінен імкнуцца да ўстаноўлення аднаго, галоўнага модуса мастацтва прадмету, папутна вызначаючы яго сувязі з другаснымі, дапаможнымі модусамі. Множчаснасць, «наслаенне» ў адным мастацтвенным прадмету разнаобразных модусаў мастацтва вакол дамінантнага забяспечвае «спецыфічна мастацтвавы сэнс цэлага» [12, 54], такім чынам, яго інтэрпрэтацыйны патэнцыял.

Выводы

Такім чынам, «інтэрпрэтацыйныя вузлы» з'яўляюцца прыналежнасцю *любога* мастацтвава прадмету, паколькі кожнае прадмету адносіцца да вызначанага жанру, рэалізуе той або інакш модус мастацтва і т. д. Імэнна «інтэрпрэтацыйныя вузлы» забяспечваюць інтэрпрэтацыйны патэнцыял мастацтвава прадмету, гэта значыць магчымасць яго новага тлумачэння. Калі магчымасць пошуку новага сэнсу рэалізуецца ў змене культурна-історычных эпох, то падобнае прадмету характарызуецца высокім інтэрпрэтацыйным патэнцыялам і становіцца прыналежнасцю класічнага спадчыны літаратуры. Калі ж «інтэрпрэтацыйныя вузлы» падразумеваюць толькі адзінае магчымае тлумачэнне мастацтвава прадмету, то, такім чынам, яго інтэрпрэтацыйны патэнцыял нізкі. Падобнае прадмету прыналежыць толькі вызначанай культурна-історычнай эпохе і, як правіла, ў будучым не ўваходзіць у актуальны чытацкі рэпертуар.

Літаратура

1. Гіршман, М. М. Літаратурнае прадмету: тэорыя мастацтвава цэласнасці / М. М. Гіршман. – М. : Языкі славянскіх культур, 2007. – 560 с.
2. Бахцін, М. М. Эстетика словеснага творчасці / М. М. Бахцін. – М. : Искусство, 1979. – 445 с.
3. Чернец, Л. В. Літаратурныя жанры (проблемы тыпалогіі і поэтыкі) / Л. В. Чернец. – М. : изд-во Моск. ун-та, 1982. – 192 с.
4. Халізев, В. Е. Тэорыя літаратуры : учебнік / В. Е. Халізев. – М. : Высш. шк., 1999. – 398 с.
5. Ярошенко, Л. В. Жанр романа-міфа ў творчасці А. Платонава : монаграфія / Л. В. Ярошенко. – Гродно : ГрГУ, 2004. – 137 с.
6. Попова, И. М. Інтэртекстуальнасць мастацтвава творчасці : учеб. пособие / И. М. Попова. – Тамбов : Тамб. гос. техн. ун-т, 1998. – 64 с.
7. Макеева, М. Н. Інтэртекстуальнасць як аўтарская тэхніка праграмавання чытацкага успрыяння мастацтвава тэкста / М. Н. Макеева [Электронны рэсурс]. – 1999. – Режим доступа : <http://www.university.tversu.ru>. – Дата доступа : 20.01.2007.
8. Зунделович, Я. О. Тематика / Я. О. Зунделович // ФЭБ «Русская литература и фольклор» [Электронны рэсурс]. – 2010. – Режим доступа : <http://www.feb-web.ru/feb/stl/abc/.../t2-9271.htm>. – Дата доступа : 12.03.2010.
9. Харченко, В. К. Функцыі метафоры : учеб. пособие / В. К. Харченко. – М. : изд-во ЛКИ, 2007. – 96 с.
10. Фуксон, Л. Ю. Цэннасцьная структура / Л. Ю. Фуксон // Поэтика : словарь актуальных терминов и понятий. – М. : изд-во Кулагиной ; Intrada, 2008. – С. 290–292.
11. Фуксон, Л. Ю. Чтенье / Л. Ю. Фуксон ; ГОУ ВПО «Кемеров. гос. ун-т». – Кемерово : Кузбасвузиздат, 2007. – 223 с.
12. Тюпа, В. И. Модусы мастацтвава прадмету / В. И. Тюпа // Введение в литературоведение. – М. : Высш. шк., 2006. – С. 52–68.
13. Тюпа, В. И. Мастацтвавы літаратурнага прадмету: Вопросы типологии / В. И. Тюпа. – Красноярск : КрГУ, 1987. – 224 с.

Summary

The article deals with the problem of interpretation. The main purpose the interpretation must be studying of style of a literary text. Style of a literary text is considered to be a dialogue between the author and the reader. This dialogue takes place in components of style – «interpretational knots», which provide the interpretational potential of a literary text.

Поступила в редакцию 29.06.12.

УДК 811.161.1'42: 81.161.1'221.4

**СПОСОБЫ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ВИЗУАЛЬНЫХ И ЖЕСТОВЫХ РЕЧЕНИЙ
В ХУДОЖЕСТВЕННЫХ ТЕКСТАХ****А. Ю. Крохмальник**ассистент кафедры русского, общего и славянского языкознания
УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

В статье описываются типовые модели языкового представления визуальных и жестовых коммуникативных единиц. Указываются основные вербализаторы визуальной и жестовой коммуникации. Определяются регулярные и нерегулярные модели языковой репрезентации невербальных коммуникативных единиц. Отражены структурные и семантические различия между моделями, статический характер визуальных коммуникативных единиц и динамический характер жестовых коммуникативных единиц.

Введение

Как известно, основной целью коммуникативного акта является обмен определенной информацией. Поскольку составными частями любого коммуникативного взаимодействия являются знаки, то оно может проходить и при отсутствии слов [1, 82]. Невербальная коммуникация возможна потому, что за всеми знаками и символами в культуре закреплено определенное, понятное окружающим значение, однако «в случае необходимости им легко придать смысл, понятный лишь отдельным лицам (например, обычный кашель может легко стать сигналом, предупреждающим о появлении начальства)» [2, 23]. Это значит, что невербальная коммуникация может выступать как массовым, так и межличностным инструментом взаимоотношений. Как отмечает В. Б. Кашкин, «из двух видов межличностной коммуникации – вербальной (речь) и невербальной – невербальная коммуникация является более древней, вербальная коммуникация – наиболее универсальной» [3, 22].

Цель данной работы заключается в выявлении основных моделей репрезентации окулесических и жестовых речений в текстах художественной литературы, в установлении различий между определенными моделями и характером контекстов, типичных для каждой из моделей.

Под моделями в данном случае мы будем понимать искусственно созданные схемы для описания различий текстовых единиц. Модель, таким образом, – это возможное устройство оригинала, его функциональный аналог, позволяющий переносить знания с модели на оригинал.

Результаты исследования и их обсуждение

При исследовании репрезентации невербальных коммуникативных средств в текстах художественной литературы нас будут интересовать лишь те случаи, в которых помимо факта невербального коммуникативного взаимодействия раскрывается его содержание.

Источником фактического материала послужили как контексты, выписанные автором из художественных текстов методом сплошной выборки, так и примеры, извлеченные из интернет-ресурса «Национальный корпус русского языка (www.ruscorpora.ru)».

Наблюдения над материалом, отражающим различные виды невербальной коммуникации, убеждают в том, что она, как правило, осуществляется между близкими людьми (членами семьи, родителями и детьми, друзьями, коллегами по работе, влюбленными и т. д.). Очевидно, что наличие «коммуникативной пресуппозиции» (общность интересов, сходство мировоззрения, обладание предварительно известной коммуникантами информацией) в значительной мере способствует взаимопониманию людей, использующих в общении взгляды и жесты. К основным ситуациям проявления невербальных коммуникативных актов относятся приветствие, прощание, признание в любви, примирение, упреки и обиды, просьбы, выражение взаимопонимания, неприязни, ободрения, в целом – обмен значимой для коммуникантов и не предназначенной для посторонних лиц информацией.

Окулесические и кинесические речения, в состав языковых обозначений которых входят глаголы речевой коммуникации (например, *сказать, говорить* и т. д.), обладают в рамках

контекстов достаточно высоким информативным потенциалом. Указанные глаголы речевой коммуникации в сочетании со словами *глаза*, *взгляд*, обозначающими инструменты того или иного вида невербального взаимодействия, реализуют его различные проявления в виде языковых моделей.

Визуальная коммуникация (в отличие от общения с помощью жестов) обладает значительной спецификой, проявляющейся в отсутствии определенного «плана выражения». Речь в данном случае может идти лишь о «внутренней энергетике» взгляда, о выполнении им регулятивной, фактической или эмоционально-экспрессивной функций [4, 37–43]. Не случайно К. С. Станиславский характеризовал взгляд как форму энергии, как «прямое, непосредственное общение в чистом виде, из души – в душу». Показательно, что в «Словаре сочетаемости слов русского языка» приводится 105 определений к слову *взгляд* (для слова *жест* приводится почти вчетверо меньше определений – 28), что указывает на многочисленность эмоциональных проявлений на уровне визуальной коммуникации. Особенно важно учитывать динамические аспекты визуальной коммуникации (направленность к партнеру или от него, время фиксации взгляда на партнере, темп изменений направлений и интенсивности смотрения), которые несут информацию о способах вступления в контакт и выражения отношения к партнеру по общению. Сравн. следующие устойчивые словосочетания: *стрелять глазами*, *строить глазки*, *играть глазами*, *мерить взглядом с головы до ног*, *взглянуть свысока*, *смотреть краем глаза*, *ловить взгляд*, *вперить глаза*, *манить взглядом*, *проводить взглядом* и др. Движения глаз, направленность взгляда нередко связываются в обыденном сознании с нравственно-этическими характеристиками человека (напр., бегающий взгляд характерен для вора, обманщика).

В модели «*взгляд + говорил*» слово *взгляд* выступает грамматическим субъектом действия, которым, как правило, является человек. В соответствующих контекстах слово *говорить* употребляется не в значении ‘произносить’, а в значении ‘выражать, выявлять’, что указывает коммуникативную значимость взгляда. Сравн.: – *Точно ты угрожаешь мне. Да я ничего так не желаю, как не разлучаться с тобой, – улыбаясь, сказал Вронский. Она видела этот взгляд и верно угадала его значение. «Если так, то это несчастье!» – говорил этот его взгляд.* (Л. Н. Толстой. Анна Каренина). Очевидно, что в данном случае Анна – партнер по коммуникации – пусть и субъективно, по-женски, но все же *угадала его (взгляда. – А. К.) значение*, иными словами, она по-своему дешифровала, вербализовала взгляд собеседника.

Понятно, что выразительная способность взгляда совершенно иначе проявляется в тех случаях, когда происходит общение между человеком и животным: *Удивительно посмотрел на меня Капитан Клюквин. Во взгляде его были и печаль, и досада, и лёгкое презрение ко мне. «Мне от вас ничего не надо», – говорил его взгляд. Да, Капитан Клюквин имел гордый характер, и я не стал с ним спорить, сдался, бросил семечко в кормушку* (Ю. Коваль. Капитан Клюквин). Интерпретация взгляда птицы реализуется в контексте через раскрытие его содержания, как и при вербализации эмоций, ощущений и характеристики визуального акта. Высокая степень информативности взгляда обусловлена здесь особой важностью визуальной коммуникации как единственного способа взаимодействия животного и человека. Следует также отметить, что в описываемой ситуации вербальная коммуникация в принципе является невозможной, поскольку птице удастся образно выразить свое мнение, а образ – «гораздо более наглядное, и, следовательно, понятное средство коммуникации» [5, 43].

В модели «*взглядом/глазами + говорил(а)*» слово *взгляд* является инструментом действия, в то время как грамматическим субъектом всегда выступает говорящий. При этом взгляд не только осознается как полноправный эквивалент речевой коммуникации, но и по степени информативности может значительно превосходить вербальное взаимодействие: *Князь Василий вдруг пробурлил что-то и вышел. Пьеру показалось, что даже князь Василий был смущен. Вид смущенья этого старого светского человека тронул Пьера; он оглянулся на Элен – и она, казалось, была смущена и взглядом говорила: «Что ж, вы сами виноваты».* (Л. Н. Толстой. Война и мир). Взгляд в данной весьма деликатной ситуации – в условиях «салонного» общения – является единственным способом выражения информации, поскольку речь идет о чем-то таком, что, в соответствии с аристократическим этикетом, не может быть выражено вербально. На это, в частности, указывают слова *смущенья* и *смущена*.

В модели «*во взгляде + выразилось (говорило) + абстрактное имя существительное*» слово *взгляд* фактически характеризует способ выражения определенной информации. Грамматическим

субъектом в данной модели является абстрактное имя существительное, обозначающее какое-то состояние, что свидетельствует о значительной выразительной способности взгляда. На первый план при этом выходит не визуальное «говорение», а понимание визуальной коммуникации собеседниками. Сравн.: *Только в редком взгляде и грустной полуулыбке, обращенной друг к другу между Николаем, Пьером, Наташей и Марьей, бывало выражаемо это взаимное понимание ее положения* (Л. Н. Толстой. Война и мир); *Слово сливается с действием, и во взгляде на сестру открыто говорит непосредственное чувство, сиюминутная реакция, в которой смешаны любовь, стыд и боль* (Н. Александров. Житие языком романа). Очевидно, что в приведенных контекстах репрезентируется ситуация общения духовно близких людей и людей, связанных родственными узами, что предполагает наиболее полное, прямое и открытое выражение своих чувств и мыслей по отношению друг к другу.

Реализация модели «во + взгляде читалось» обнаруживается в тех контекстах, где лексема *взгляд* выступает в качестве источника, способа получения информации партнером по общению, а глагол указывает на интерпретацию взгляда партнером по общению: *Он умолк и посмотрел на меня. На этот раз в его взгляде явственно читалось желание от меня отделаться* (В. Белоусова. Второй выстрел). Очевидно, что наречие *явственно* указывает в данном случае на однозначность прочтения взгляда реципиентом, четкое понимание им желания собеседника. Не менее сложную информацию «считывает» участник коммуникации со взглядов собеседников в следующем случае: *Мне было бы лучше горевать в одиночку – горевать свое собственное горе; да, горевать свое и не делить его с ними – потому что в их взглядах читалось, будто я что-то у них отнимаю* (А. Волос. Недвижимость).

Жестовая коммуникация, в отличие от визуального общения, выражена прежде всего внешне, соматически. Если в окулесике преобладает внутренняя эмоциональность, то в жестикуляции происходит ее экспликация, «выход наружу», и поэтому жесты в языковом отношении могут быть интерпретированы более четко и определенно.

Давая оценку жестовой коммуникации, представленной в художественных текстах, прежде всего следует выделить случаи, в которых однозначно демонстрируется превосходство жестовой коммуникации над вербальным взаимодействием: *Вместо ответа старый дрессировщик потрепал меня по шее. Я воспрянул: этот жест сказал мне больше, чем десятки похвал*. (В. Запашный. Риск. Борьба. Любовь). Замечено, что «механизм замещающих жестов подобен механизму иронии, где высказывание используется для выражения скрытого коммуникативного намерения, прямое выражение которого подавлено боязнью, правилами этикета или иными причинами» [6]. Однако в рассматриваемом примере жест выражает ободрение, поощрение и является следствием личной симпатии, а не предписаний этикета. При этом превосходство жестовой коммуникации над вербальным общением передается с точки зрения реципиента.

Модель «жест(ы) + говорил (и)», которая по своему значению сходна с моделью «взгляд + говорил», отражающей визуальную коммуникацию, репрезентирует коммуникативную значимость жеста. Сравн.: *За вчерашний день Кранц вполне постиг технику игры и успел заметить слабые места партнеров, и он боялся того, что уже втянулся в общую атмосферу игры. По его расчетам, чтобы счастливо играть, надо было быть вне этой атмосферы, и он старался, играя, не считаться с тем, что ему говорили лица, жесты и глаза* (В. П. Катаев. Опыт Кранца). Очевидно, что в ходе азартных игр запрещены любые подсказки, касающиеся выбора конкретных действий, и поэтому в данном контексте подчеркивается важность учета (или неучета) жестикуляции, обладающей определенным, понятным для игрока содержанием.

Модель «жестом + говорить» реализуется в контекстах, где в качестве грамматического субъекта действия выступает человек либо живое существо: *Бим завил хвостом, говоря этим жестом: «Ружье! Ружье! Знаю ружье!»* (Г. Троепольский. Белый Бим Черное Ухо). В данном случае представлен коммуникативный акт с участием человека и собаки, что свидетельствует, с одной стороны, о выразительности невербальных коммуникативных средств, используемых животным, а с другой – о понимании человеком этого общеизвестного «собачьего жеста», наполненного конкретным содержанием.

Жестовая коммуникация может быть реализована в модели «абстрактное имя сущ. + в жесте (-ах) + говорит», сходной в структурно-семантическом отношении с моделью «во взгляде + говорит + абстрактное имя существительное»: *Вы умеете убеждать и руководить другими, заставлять выполнять работу в срок. Но иногда что-то в тоне, взгляде, жесте ваших подчиненных говорит: «Дай передохнуть!»* (В. Шахиджаниян. 1001 вопрос про ЭТО). В приведенном контексте

жесты (как и невербальное поведение в целом) обладают особой степенью выразительности. В центре коммуникативной ситуации оказывается просьба о передышке, которая, однако, не может быть высказана вербально из-за статусного превосходства руководителя и избранной им стратегии подчинения.

Особой продуктивностью отличаются контексты, в которых реализуется модель «жестом + показать» / «показать + жестом»: *Волосы у Мишеля стояли чубом, как у Караяна, носил он, как и Караян, водолазки. Он повернулся к Альберу и жестом показать: «Потрясающе!»* (С. Спивакова. Не всё). В этом контексте жест обладает значительным эмоциональным потенциалом, в отличие от тех случаев, которые отражают указательную функцию жеста.

Разновидностью данной модели может служить модель «передать + жестом», поскольку глаголы *показать* и *передать* в данном случае реализуют сходное значение – ‘выразить’: *Мало быть от природы музыкальным человеком. Надо иметь и особую пластику, и умение передать жестом то, что написано в партитуре.* (Р. Щедрин. Даже самый очарованный странник всегда стремится в Россию). Как видим, в данном контексте на первый план выходит прагматическая функция жеста.

Коммуникативная значимость жестового поведения передается и с помощью нерегулярных моделей. Так, суггестивная функция жеста реализуется в модели «заставить + жестом»: *Ольга жестом заставила всех замолчать и сказала спокойно и холодно: – Ничего подобного. Я попросила бы вас, господа, похитить его и привести ко мне.* (В. Белоусова. Второй выстрел). Жест в данном случае оказывается эффективным средством воздействия на собеседников, поскольку он регулирует их поведение, и в полной мере отражает ситуацию, по поводу которой Г. Е. Крейдлин заметил: «В определенных условиях смысл может выражаться только жестами» [7, 46].

Выводы

Таким образом, визуальные и жестовые речения представлены в художественных текстах различными языковыми средствами, что находит отражение в соответствующих моделях. Если при обозначении визуальных речений в основном используются глаголы со значением речевой деятельности (*сказать, говорить*), то при отражении жестовых речений чаще употребляются глаголы со значением активного действия (*показать, передать, заставить*). Данная закономерность, по всей видимости, обусловлена относительно статическим характером окулесических речений и динамическим, направленным характером жестовой коммуникации.

Литература

1. Харрисон, Ш. Связи с общественностью. Вводный курс / Ш. Харрисон. – СПб. : Нева, ОЛМА-ПРЕСС Инвест, 2003. – 368 с.
2. Морозов, В. П. Искусство и наука общения: невербальная коммуникация / В. П. Морозов. – М. : ИП РАН, Центр «Искусство и наука», 1998. – 189 с.
3. Кашкин, В. Б. Введение в теорию коммуникации : учеб. пособие / В. Б. Кашкин. – Воронеж : изд-во ВГТУ, 2000. – 175 с.
4. Коваль, В. И. К вопросу о невербальных средствах общения (виды и функции визуальной коммуникации в художественных текстах) / В. И. Коваль // Изв. Гомел. гос. ун-та им. Ф. Скорины. – 2004. – № 1(22). – С. 37–43.
5. Имшинецкая, И. Креатив в рекламе / И. Имшинецкая. – М. : РИП-Холдинг, 2002. – 89 с.
6. Котов, А. А. Имитация компьютерным агентом непрерывного эмоционального коммуникативного поведения [Электронный ресурс] / А. А. Котов. – Режим доступа : <http://www.dialog-21.ru/dialog2010/materials/html/35.htm>. – Дата доступа : 18.01.2011.
7. Крейдлин, Г. Е. Невербальная семиотика: Язык тела и естественный язык / Г. Е. Крейдлин. – М. : Новое литературное обозрение, 2002. – 592 с.

Summary

Typical models of language representation visual and communicative units are described in the article. The main verbalization words of visual and kinesic communication are shown. Regular and irregular models of language representation of nonverbal communicative units are defined. Structural and semantic distinctions between models, static character of visual communicative units and dynamic character of kinesic communicative units are noticed.

Поступила в редакцию 03.08.12.

УДК 811.161.1'25: 811.161.3(043.3)

**СЕМАНТЫЧНАЯ ВАРЫЯНТНАСЦЬ АЎТАРСКІХ МЕТАФАР
У ПЕРАКЛАДНЫМ ТЭКСЦЕ
(на матэрыяле рамана А. Пушкіна “Яўгеній Анегін”)**

Л. В. Прахарэнка

кандыдат філалагічных навук, дацэнт,
дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства УА МДПУ імя І. П. Шамякіна

У артыкуле разглядаюцца тыпы адпаведнасцей метафар А. Пушкіна пры пераводзе рамана «Яўгеній Анегін» на беларускую мову.

Уводзіны

У тэксце перакладу рамана ў вершак “Яўгеній Анегін” выразна прасочваецца арыентаванасць перакладчыка на захаванне зыходнай аўтарскай вобразнасці, яе рэалізацыі альтэрнатыўнымі моўнымі сродкамі ў тым выпадку, калі немагчымы даслоўны пераклад.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

У працэсе супастаўлення тэкстаў намі быў выяўлены значны пласт метафарычных словазлучэнняў, якія пры захаванні зыходнай вобразнасці маюць некаторыя семантычныя разыходжанні з арыгіналам. Часцей за ўсё перакладчык замяняе аўтарскую лексіку блізкай па значэнні па прынцыпу сумежнасці:

Он рыться не имел охоты

В хронологической пыли [1, 27].

Ён варушыць не меў ахвоты

Гісторыі архіўны пыл [2, 124].

Словазлучэнне *хронологическая пыль* уяўляе сабой метафару, якую аўтар ужывае адносна гісторыі як навукі. Слова *пыль* абазначае ‘мельчайшие сухие частицы, носящиеся в воздухе или скапливающиеся на поверхности чего-нибудь’ [3, 625]. Гэтае слова таксама іранічна характарызуе старажытнасць. Нетыповым з’яўляецца прыметнік *хронологическая*, які ў аўтарскім тэксце служыць азначэннем да слова *пыль* (параўн.: *дорожная пыль, книжная пыль*). Словазлучэнне *хронологическая пыль* у кантэксце становіцца метафарычным за кошт пачатковай неспалучальнасці паняццяў, якія абазначаюцца гэтымі словамі. У беларускамоўным тэксце перакладу Аркадзь Куляшоў замяняе словазлучэнне сінанімічным: *гісторыі архіўны пыл*. У выніку рускаму слову *хронологический* адпавядаюць беларускія *гісторыя* (‘рэчаіснасць у яе развіцці і руху’, ‘навука аб развіцці чалавечага грамадства’, ‘сукупнасць фактаў і падзей, што адносяцца да мінулага жыцця; мінулае, якое захавалася ў паняцці людзей’ [4, 150]) і *архіўны* (які мае адносіны да архіва – ‘збор рукапісаў, пісем і пад., што маюць дачыненне да дзейнасці якой-небудзь установы ці асобы’ [4, 66]). Семантыка зыходнай страфы перадаецца ў поўным аб’ёме, але пры гэтым аўтарская метафара “спіраецца”, канкрэтызуецца словам *гісторыя*. У гэтым выпадку назіраецца аслабленне вобразнасці дзеля захавання дакладнасці значэння.

А Петербург неугомонный

Уж барабаном пробужден [1, 21].

Збуджае Пецярбург шумлівы

Святальны барабана гром [2, 134].

У прыведзенай страфе арыгінальнага тэксту можна адзначыць два метафарычныя словаўжыванні: прыметнік *неугомонный* і дзеепрыметнік *пробужден*, значэнне якіх перадаецца ў беларускамоўным тэксце перакладу прыметнікамі *шумлівы* і словазлучэннем *збуджае гром*. Супаставім іх значэнні:

<i>неугомонный</i>	Такой, который не может угмониться, подвижный, шумливый [3, 406]	<i>шумлівы</i>	Схільны шумець, утвараць шум [4, 765]
<i>пробужден: пробудить</i>	То же, что будить [3, 595]	<i>збуджае</i>	Перапыняць чый-небудзь сон, прымушаць прагнуцца; абуджаць што-небудзь у каго-небудзь, выклікаць да жыцця, дзейнасці [4, 95]
		<i>гром</i>	Грукат, які суправаджае маланку ў час навальніцы [4, 157]

Метафарычнае азначэнне *неугомонный* супадае ў адным са сваіх слоўнікавых значэнняў з беларускім *шумлівы* і з'яўляецца гіперонімам у дачыненні да яго. А. Куляшоў канкрэтызуе значэнне аўтарскага метафарычнага азначэння, у выніку чаго вобразнасць часткова страчваецца, так як прыметнік *шумлівы* можа характарызаваць як чалавека, так і нежывыя аб'екты. Аднак паралельна назіраецца ўзнікненне дадатковай вобразнасці пры перакладзе дзеепрыметніка *пробужден: збуджае барабана гром*. Увядзеннем дадатковага назоўніка *гром*, які ў гэтым перакладзе набывае метафарычнасць, перакладчык узмацняе зыходную вобразнасць.

Пры перакладзе вобразных сродкаў рамана "Яўгеній Анегін" на беларускую мову А. Куляшоў нярэдка ўжывае кантэкстуальныя сінонімы, такія, як, напрыклад, словы *неугомонный* – *шумлівы*:

<i>Как женщин, он оставил книги,</i>	<i>Ён, як жанчын, пакінуў кнігі</i>
<i>И полку, с пыльной их семьей,</i>	<i>І шафы з пыльнай іх сям'ёй</i>
<i>Задернул траурной тафтой [1, 23].</i>	<i>Завесіў чорнаю тафтой [2, 137].</i>

Мы назіраем няпоўнае супадзенне прыметнікаў *траурный* – *чорны*: *траурный* – 'печальный и мрачный' [3, 797]; *чорны* – 'які мае колер сажы, вугалю', 'цяжкі, змрочны, беспрасветны' [4, 748]. Аднак у масавай свядомасці *чорны* колер таксама асацыіруецца са смерцю, жалобай. Таму гэтую лексему можна назваць кантэкстуальным сінонімам да слова *жалобны* – дакладнаму адпаведніку рус. *траурный* [5, т. 3, с. 542]. Аднак у кантэксце слова *траурный* мае стылістычнае адценне іроніі, якое страчваецца пры яго перакладзе прыметнікам колеру *чорны*.

Увогуле, перакладчык даволі часта замяняе кантэкстуальнымі сінонімамі прыметнікі:

<i>Улыбкой ясною природа</i>	<i>Усмешкай сонечнай прырода</i>
<i>Сквозь сон встречает утро года [1, 121].</i>	<i>Праз сон вітае ранак года [2, 226].</i>

У арыгінальным тэксце ўжываецца метафара, пасродкам якой прырода набывае рысы жывой істоты. Пры гэтым слова, што ў структуры метафары нясе асноўную семантычную нагрузку, у мове перакладу мае дакладны эквівалент: *улыбка* – *усмешка* [5, т. 3, с. 606]. Аднак перакладчык змяняе семантыку прыметніка *ясный* ('яркий, сияющий', 'светлый, ничем не затемненный' [3, 906]) на *сонечны* ('з яркім святлом сонца', 'радасны, шчаслівы' [4, 613]). У кантэксце рамана апошняе азначэнне не аслабляе вобразна-эстэтычны эфект, паколькі з'яўляецца сінанімічным. Так, напрыклад, у беларускай мове словы *ясны* і *сонечны* адносяцца да сінонімаў [6, 482].

Аналагічным чынам аўтар замяняе больш агульнае метафарычнае абазначэнне аб'екта рэчаіснасці ў наступным выпадку:

<i>Того змея воспоминаний,</i>	<i>Таму гадзюка ўспамінаў</i>
<i>Того раскаянье грызет [1, 24].</i>	<i>Нідзе спакою не дае [2, 138].</i>

Слова *змея* замяняецца гіпонімам *гадзюка*, які мае больш канкрэтнае значэнне: *змея* – 'пресмыкаюццаеся с длинным извивающимся телом, часто с ядовитыми железами в пасти' [3, 226]; *гадзюка* – 'ядавітая змея з плоскай трохвугольнай галавой' [4, 140]. У выніку вобразнасць метафары не страчваецца, паколькі гэтыя лексемы аб'ядноўваюцца агульным родавым паняццем. Аднак значэнне метафарычна ўжытага дзеяслова *грызет* перадаецца не зусім дакладна дзеяслоўным словазлучэннем *спакою не дае*, якое з'яўляецца гіперанімічным у дачыненні да арыгінальнай лексемы, што прыводзіць да аслаблення вобразнасці.

<i>В обоих сердца жар угас;</i>	<i>Агонь у нашых сэрцах згас;</i>
<i>Обоих ожидала злота</i>	<i>Чакала ўперадзе тым часам</i>
<i>Слепой Фортуны и людей</i>	<i>І нас, і нашу маладоць</i>
<i>На самом утре наших дней [1, 24].</i>	<i>Людзей, сляпога лёсу злосць [2, 10].</i>

Аўтарскае метафарычнае спалучэнне слоў *сердца жар угас* перакладаецца на беларускую мову як *агонь у сэрцах згас*. Пры гэтым паміж словамі *жар* і *агонь* існуе рода-відавая семантычная сувязь: *жар* – 'горячий, сильно нагретый воздух, зной', 'горячие угли без пламени', 'разгоряченное, лихорадочное состояние' [3, 185]; *агонь* – 'гаручыя святлівыя газы высокай тэмпературы; полымя' [4, 29]. Паміж гэтымі паняццямі існуе выразная семантычная сувязь па прымеце цяпла. У дадзеным выпадку яны з'яўляюцца семантычнымі эквівалентамі; ужыванне лексемы *агонь* у беларускім перакладзе дазваляе захаваць зыходную вобразнасць, метафарычнасць.

<i>Блажен, кто с нею сочетал</i>	<i>Шчаслівы той, хто спалучаў</i>
<i>Горячку рифм: он тем удвоил</i>	<i>З каханнем верш: ён тым падвоіў</i>
<i>Поэзии священный бред [1, 29].</i>	<i>Паэзію юнацкіх дзён [2, 142].</i>

Метафарычнае словазлучэнне *горячка рыфм* замяняецца перакладчыкам тэматычна блізікам назоўнікам *верш*, што, аднак, прыводзіць да страты вобразнасці, дэметафарызацыі:

<i>горячка</i>	Сильное возбуждение, азарт, спешка в каком-н. деле [3, 137]	<i>верш</i>	Невялікі мастацкі твор, напісаны рытмізаванай мовай [4, 110]
<i>рифма</i>	Созвучие концов стихотворных строк [3, 669]		

Арыгінальнае метафарычнае словазлучэнне *горячка рыфм* пры перадачы семантыкі словам *верш* страчвае вобразнасць пры захаванні асноўнага сэнсу. Падобная з’ява пры супастаўленні тэкстаў арыгінала і перакладу назіраецца дастаткова часта:

Я жду тебя: единым взором Чакаю я: сваёй увагай
Надежды сердца оживи [1, 62]. *Мае надзеі ўзварухні* [2, 172].

Слова *взор* мае ў рускай мове значэнне ‘то же, что взгляд’, ‘направленность зрения на кого-что-н.’ [3, 77]. Беларускае ўвага падаецца тлумачальным слоўнікам як ‘сканцэнтраванасць думак ці зроку, слыху на чым-небудзь’. Пры наяўнасці дакладных адпаведнікаў *розірк, погляд* [4, 675] перакладчык па тых або іншых прычынах выкарыстоўвае назоўнік з больш агульным значэннем. Не зусім дакладна перадаецца і семантыка метафарычна ўжытага дзеяслова *оживить* – ‘возвратить к жизни, сделать снова живым’ [3, 439]. Беларускае слова *ўзварухіць* некалькі адрозніваецца сваім значэннем: ‘вывесці са стану вяласці, пасіўнасці, расшаваліць, узняць; абудзіць, ажывіць’, ‘выклікаць глыбокія пачуцці, узрушыць’ [4, 682]. Аднак паміж гэтымі лексемамі існуе пэўная сэнсавая карэляцыя, так як у кантэксце перакладу асноўнае значэнне і метафарычнасць словазлучэнняў захоўваюцца. Захаванне першапачатковай вобразнасці можа адбывацца ў выпадку няпоўнай эквівалентнасці другасных лексічных адзінак пры захаванні значэння метафараўтвараючых:

Мелькает, вьется первый снег, *Мільгае, кружыцца сняжок,*
Звездами падая на брег [1, 81]. *У першых зорках беражок* [2, 189].

Рускаму слову *звезда* адпавядае беларускае *зорка* – г. зн., што аўтар перакладу ўжывае дакладны адпаведнік [7, т. 1, с. 520]. Аднак у перакладным тэксце адсутнічае дзеяслоў *падаты*: *у першых зорках беражок*. На яго месцы падразумяецца дзеяслоў быццёнасці *ёсць*, які служыць падсвядомай лагічнай звязкай. Калі ў аўтарскім тэксце метафара характарызуе працэс “снег звездами падает”, то ў перакладзе – вынік: “беражок (ёсць) у зорках”. Аднак пры гэтым захоўваецца метафара, заснаваная на прыпадабненні сняжынак да зорак.

Такім чынам, на прыкладзе перакладу рамана “Яўгеній Анегін” на беларускую мову мы можам прасачыць змену метафарычнага зместу вобразнага выразу пры замене дзеяслоўнага кампанента метафары.

Блеснул мороз. И рады мы *Мароз ударыў. Рады мы*
Проказам матушки зимы [1, 132]. *Прыемным забавкам зімы* [2, 236].

Дзеяслоў *блеснул* (‘ярко светиться, сверкать; излучать отраженный свет’ [3, 48]) ужыты ў пераносным значэнні, таму што звычайна не суадносіцца з назоўнікам *мороз* – ‘очень холодная погода’ [3, 358]. Аўтар, верагодна, меў на ўвазе бляск снегу і ільду пры марозным надвор’і. А. Куляшоў у беларускамоўным тэксце перакладу замест дакладных эквівалентаў *блішчаць, зіхцець, ззяць* ужывае ў пераносным значэнні дзеяслоў *ударыць* (‘раптоўна, з сілай наступіць’ [4, 679]), які адрозніваецца ад арыгінальнага аўтарскага большай інтэнсіўнасцю дзеяння, закладзенай у семантыцы. Пры гэтым выказванне *мароз ударыў* становіцца агульнамоўнай, “сцёртай” метафарай.

Перанос метафары з аднаго аб’екта на іншы можа адбывацца і праз яго замену іншым, сінанімічным:

Чье сердце опыт остудил *Хто да ўсяго ў жыцці астыў*
И забывается запретил [1, 85]! *І ўсё сабе забараніў* [2, 193]!

Аўтар ужывае яркую метафару *сердце опыт остудил*, якая ў тэксце перакладу спрашчаецца: суб’ектам дзеяння становіцца не *опыт*, а сам чалавек: *кто да ўсяго ў жыцці астыў*. Сэнсавая эквівалентнасць перакладу дасягаецца за кошт ужывання слоў з блізікім значэннем: так, слова *остудить*, ужытае аўтарам у пераносным сэнсе, мае слоўнікавае значэнне ‘охлаждать, давать остынуть’ [3, 456]; беларускі кантэкстуальны адпаведнік *астыць* мае значэнне ‘стыць’, ‘стаць халодным, абьякавым да каго-, чаго-небудзь’ [4, 71]. Такім чынам, метафарычнасць аслабляецца: замест яркага ўвасаблення перакладчык ужывае слова ў пераносным значэнні адносна асобы.

Змяненне метафары ў параўнанні з арыгінальным тэкстам можна таксама праілюстраваць наступным прыкладам:

Морозной пылью серебрится "Пайшоў, пайшоў!" – і срэбрам ззяе
Его брововый воротник [1, 13]. *Снег на брововом каўняры* [2, 127].

Для таго, каб раскрыць сутнасць арыгінальнай і перакладной метафар, дадзім азначэнні слоў, якія іх утвараюць:

<i>морозный</i>	Бываючий во время мороза, морозов, очень холодный [1, 358]	–	
<i>пыль</i>	Мельчайшие сухие частицы, носящиеся в воздухе или скапливающиеся на поверхности чего-нибудь [1, 625]	<i>снег</i>	Атмасферныя ападкаў у выглядзе крышталікаў лёду, а таксама суцэльная маса такіх ападкаў, што пакрывае зямлю [4, 612]
<i>серебрится</i>	Становится серебристым [1, 702]	<i>срэбра</i>	Каштоўны бліскучы метал шэравата-белага колеру [4, 595]
		<i>ззяць</i>	Вылучаць ззянне [4, 241]

Метафарычнае словазлучэнне *морозная пыль* у значэнні "снег" замяняецца перакладчыкам на прамую назву аб'екта метафары, аднак вобразнасць захоўваецца за кошт раскрыцця семантыкі дзеяслова *серебрится*: *срэбрам ззяць*. Такім чынам перакладчык аслабляе вобразнасць аднаго словазлучэння, прапускаючы першапачатковы аб'ект метафары, і ўзмацняе яе ў іншым.

Такім чынам, семантычная варыянтнасць пры перакладзе метафар у рамана "Яўгеній Анегін" на беларускую мову можа ўтварацца ў выніку:

- 1) замены аўтарскіх лексем іх тэматычна блізкімі частковымі адпаведнікамі, якія ёсць у беларускай мове: *в хронологической пыли – гісторыі архіўны пыл*;
- 2) ужывання перакладчыкам сінонімаў, якія адносяцца да той жа часціны мовы, што і арыгінальнае лексемы, якія ўтвараюць аўтарскія тропы: *Петербург неугомонный – Пецярбург шумлівы*;
- 3) гіперанімічных і гіпанімічных адносін паміж лексэмамі ў арыгінальным і перакладным тэкстах: *змея воспоминаний – гадзюка ўспамінаў*.

Пры гэтым даволі часта назіраецца "спіранне" метафары, аслабленне зыходнай вобразнасці: *сердце опыто остудил – хто да ўсяго ў жыцці астыве*. Гэта звязана з тым, што выкарыстаныя аўтарам словы, якія ўтвараюць метафару, часта звязаны з арыгіналам толькі тэматычна і не з'яўляюцца дакладнымі адпаведнікамі. У выніку тэкст перакладу захоўвае толькі семантычнае "ядро" метафары.

Пры перакладзе таксама можа адбывацца аслабленне адной прыметы і ўзмацненне іншай, у выніку чаго семантычнае ядро метафары змяшчаецца: *морозной пылью серебрится – срэбрам ззяе*.

Такім чынам, мы можам сцвярджаць, што пераклад рамана ў вершах "Яўгеній Анегін" А. Пушкіна на беларускую мову А. Куляшовым захоўвае асноўную семантыку метафар арыгінала, але вобразнасць перакладнага тэксту можа аслабляцца або падвяргацца пераасэнсаванню.

Літаратура

1. Пушкин, А. С. Полн. собр. соч. : в 10 т. / А. С. Пушкин. – Л. : Наука, 1977. – Т. 5 : Евгений Онегин. Драматические произведения. – 528 с.
2. Пушкін, А. С. Выбраныя творы / А. С. Пушкін. – Мінск : Маст. літ., 1999. – 430 с.
3. Ожегов, С. И. Толковый словарь русского языка / С. И. Ожегов ; под ред. Н. Ю. Шведовой. – М. : Азъ, 1996. – 928 с.
4. Тлумачальны слоўнік беларускай літаратурнай мовы / пад рэд.: М. Р. Судніка, М. Н. Крыўко. – Мінск : БелЭн, 2002. – 784 с.
5. Русско-белорусский словарь : в 3 т. / НАН Беларуси ; Ин-т языкознания им. Я. Коласа. – 8-е изд., испр. и доп. – Минск : БелЭн, 2002. – Т. 1–3.
6. Клышка, М. К. Слоўнік сінонімаў і блізказначных слоў / М. К. Клышка. – Мінск : Бел. навука, 2005. – 592 с.
7. Тлумачальны слоўнік беларускай мовы : у 5 т. / пад рэд. К. К. Атраховіча. – Мінск : БелСЭ, 1977–1984. – Т. 1–5.

Summary

The article deals with the correspondence types of A. Pushkin's metaphors by translating the novel «Eugene Onegin» into the Belarusian language.

Паступіў у рэдакцыю 28.08.12.

УДК 811.161.1'44

ОСОБЕННОСТИ ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ СЛОВ СО ЗНАЧЕНИЕМ НЕОПРЕДЕЛЕННОГО КОЛИЧЕСТВА В РЕЧИ

М. Г. Старовойт

магистр филологических наук,
аспирант кафедры русского языка УО МГПУ им. И. П. Шамякина
Научный руководитель: кандидат филологических наук, доцент,
заведующий кафедрой русского языка С. Б. Кураш

В данной статье рассматриваются основные модели семантической деривации языковых единиц лексико-семантического поля «количество». В русском языке выделили пять основных моделей предложений, отражающих ситуацию количественного восприятия. В качестве предикатов предложений с пропозицией количественного восприятия выступают глаголы восприятия количества, глаголы перцептивной семантики, глаголы проявления количества.

Введение

В данной статье лексика со значением неопределенного количества рассматривается в функционально-семантическом аспекте. Задача исследования заключается в том, чтобы установить основные семантико-синтаксические функции слов с семой «количество» в высказывании, определить специфику контекстного окружения слов данной семантики, проанализировать типовые модели семантической деривации ядерной лексики с семой «количество».

Результаты исследования и их обсуждение

Рассмотрим основные теоретические положения, обосновывающие комплексное рассмотрение употребления лексики с количественной семантикой. Основной функцией лексики любого типа восприятия (визуальной, слуховой, вкусовой, обонятельной, осязательной) является номинация перцептивной ситуации [1], [2, 3–23], а именно ситуации восприятия человеком при помощи органов чувств основных эмпирических свойств предметов и явлений внешнего мира. Языковые единицы лексико-семантического поля «Количество» являются основным средством языковой репрезентации ситуации количественного восприятия.

Для определения типовых моделей предложений с лексикой, обозначающей неопределенно большое и малое количество, мы отобрали 400 текстов с наиболее частотными лексемами, включающими сему количества. Материал был извлечен преимущественно из текстов, представленных в Национальном корпусе русского языка (www.ruscorpora.ru). Ранее подобное исследование проводилось в работе Н. С. Павловой на основе лексики с ольфакторной семантикой [3]. Частотность языковых единиц со значением неопределенного количества определялась по степени их представленности в Национальном корпусе. В классе образов неопределенно большого количества это лексемы *прилив, уйма, гора, череда, стадо*. В классе образов неопределенно малое количество это языковые единицы *капелька, глоток, крутинка, лучик, осколок*. Достаточно частотными являются и другие лексемы со значением неопределенно большого и малого количества. Однако считаем, что такое количество отобранных языковых единиц является достаточным для проведения анализа. В русском языке выделили пять основных моделей предложений, отражающих ситуацию количественного восприятия. Количество может восприниматься и создаваться (производится) человеком. Количество является одним из неотъемлемых признаков реального мира.

Существуют различные классификации глаголов, например Н. Ю. Шведовой [4], А. И. Смирницкого. Первая семантическая классификация русских глаголов представлена в книге Кузнецовой [5], наследником которой является словарь Л. Г. Бабенко [6]. В своей работе за основу мы возьмем тематическую классификацию глаголов Е. В. Падучевой, которая предлагает

«объединять слова в (лингвистически релевантные) тематические классы, а не разбивать слова на классы, как при обычных классификациях» [7].

Первичной и наиболее частотной является модель, представляющая план восприятия неопределенно большого и малого количества, которая схематично может быть представлена следующим образом:

S + P предикат восприятия количества + O (квантификатор)

Предикатами в таких высказываниях выступают:

- глаголы чувства и восприятия количества (чувствовать, испытывать, замечать, ощущать, видеть, наблюдать):

Впрочем, адвокаты Ходорковского и Лебедева не испытывают прилива оптимизма от решения бытовых проблем их подзащитных. [Адвокаты Ходорковского и Лебедева остались без протокола // Известия, 2007.12.24]; Лев. Вы почувствуете прилив бодрости и сил. Единственное, что вас будет огорчать, так это невозможность быстро и без всяких усилий найти единственно верные решения, которые позволят вам примирить свои желания с реальными возможностями. [Смотрите в будущее // Известия, 2007.12.24]; Но в этот раз, дойдя до последнего, пятого, патрона, хозяин револьвера вдруг ощутил неясный прилив беспокойства, какую-то угрозу, связанную с этим последним патроном. [Светлана КУЗИНА, Рис. Сергея САВИЛОВА. Внутренний голос никогда не обманывает? // Комсомольская правда, 2007.09.15]; Но увидел горы бюллетеней, приготовленных для вброса в избирательные урны, и все понял. [Карамышева Людмила соб. корр. 'Труда'. РОССИЯНЕ БУДУТ ГОЛОСОВАТЬ ПО БАРАБАНУ // Труд-7, 2007.11.17];

- глаголы каузации (вызвать, спровоцировать, повлечь):

Соревнований не так много, а те, что есть, не всегда вызывают необходимый прилив эмоций. [Из Чехии в Италию // РБК Daily, 2007.12.25]; Как следствие конкретные сиюминутные дела и проблемы ни у кого не будут вызывать прилива энтузиазма, и это может привести к снижению общей деловой активности. [Светлана Рогинец, астролог. Не ждите, пока разгорятся конфликты // Известия, 2007.07.04]; Активные действия неизбежно спровоцируют череду потерь, которые вы не могли просчитать заранее. [Не рассчитывайте на помощь со стороны // Известия, 2007.12.24];

- глаголы обладания (давать, обеспечивать, иметь, брать, получить, дерить):

Объединение энергии Солнца и Плутона даст заметный прилив сил. [Бастрич Александра. 21 ДЕКАБРЯ, ПЯТНИЦА // Труд-7, 2007.12.21]; У него имеется уйма претензий к партнерам. [Андрей Бодров. Суперсерия ЦСКА продолжается. Спартакowцы вновь не сумели обыграть ЦСКА и тем самым сделать подарок своему тренеру на день рождения. Суперсерия армейцев растягивается на семь (!) лет! // Советский спорт, 2007.09.03]; ..., обеспечил внедорожнику прилив в 22 силы, так еще и максимальный крутящий момент с 304 Нм при 2800 об. [Инъекция в двести «кубиков» // РБК Daily, 2007.08.06]; У него имеется уйма претензий к партнерам. [Андрей Бодров. Суперсерия ЦСКА продолжается. Спартакowцы вновь не сумели обыграть ЦСКА и тем самым сделать подарок своему тренеру на день рождения. Суперсерия армейцев растягивается на семь (!) лет! // Советский спорт, 2007.09.03];

- глаголы уничтожения / исчезновения (загубить, потерять, сносить, сжирать, тратить, настрелять):

Уйму народу загубил, но воспитал преданную себе дочь. [История России. Оглянись в восторге // РИА Новости, 2008.01.11]; Ведь тогда в самой Москве следует снести уйму известных памятников, возле которых ошиваются жрицы любви. [Зайцев Михаил. ГЕРОИ И ПРОСТИТУТКИ // Труд-7, 2007.04.20]; Родня дома огурцы растит, потом солит, теплица уйму газа и света сжирает. [Владимирова Елена. ПРИКЛЮЧЕНИЯ СОЛЕННОГО ОГУРЦА // Труд-7, 2007.01.24]; Ради этого они не только тратят уйму денег, но и нередко рискуют здоровьем. [Рынок косметики для темнокожих европейцев сулит крупные барыши // Известия, 2007.11.12];

- глаголы физического воздействия (столкнуться, наколотить):

«Но в будущем мы можем столкнуться с уймой проблем», – заявил специальный координатор миссии краткосрочного наблюдения ОБСЕ, почетный президент ПА ОБСЕ Элси

Хастингс. [Выборы в Грузии были несовершенно, но демократическими – наблюдатели // РИА Новости, 2008.01.06]; Эта троица наколотила уйму мячей (забивал в основном экс-спартаковец, а Домингес и Лопес подносили ему снаряды). [Александр Шкультецкий. В 2001-м Лопес был лучшим в команде Маскерано и Тевеса // Советский спорт, 2007.08.18]

- глаголы оценки (стоять):

Я пригласила экспертов – а это тоже обошлось недешево – и на основании их заключения заставила строителей исправить брак. Это стоило мне уйму нервов // Комсомольская правда, 2007.12.11];

- глаголы выражения эмоций (нравиться, бояться):

Вам больше нравится одна законная жена и уйма любовниц? [Александр ГАМОВ. Рамзан Кадыров: Бабай не прав, а с Контрой я согласен // Комсомольская правда, 2007.09.17]; С одной стороны, жители «старых» стран ЕС боятся прилива дешевой рабочей силы из «новых» стран (или усиления оттока капитала в эти страны), ряды которых к тому же постоянно пополняются – в кандидаты пытаются пролезть даже никак не европейские Марокко и Грузия. [Алексей Виноградов. Европа сдается китайцам // РБК Daily, 2005.06.08];

- глаголы принятия решения (принимать (законы), допускать):

И тут стоит вспомнить, что с 1993 года Госдума и правительство напринимали уйму других законов и постановлений, которые тоже постоянно корректировались, но дело вперед не двигали. [Виктор БАРАНЕЦ. Военным дали ипотеку-ловушку // Комсомольская правда, 2007.08.22];

- глаголы создания (снимать (фильм), навозить, поставить, закатить):

За лето и зиму вдвоем с моей тетей они навозили гору шлака, чтобы можно было смешать его с цементом и поставить фундамент. [Татьяна Устинова: 'Желания разводить помидоры у меня нет' // Известия, 2007.12.24]; Для победы ему нужно поставить в Грузии золотые горы. [Саакашвили укрепляет позиции // РБК Daily, 2007.11.12]; 72 квартиры многострадального дома введены в строй, и жильцы на радостях закатили на улице пир горой. [И ОДИН В ПОЛЕ ВОИН // Труд-7, 2007.09.11];

- глаголы речи и передачи сообщения (обещать):

«Климин обещал им золотые горы, высокие заработки. [«Большой друг» свердловской власти «наябедничал» в Москву о срыве предвыборных планов «ЕР» // Новый регион 2, 2007.10.29];

- глаголы физического воздействия (бороться, прогонять):

«Мы только благодаря Вам... сумели открыть свои молитвенные дома и совершать в них молебны», «Мы, татары, даем слово бороться со стадом евреев и большевиков с германскими воинами в одном ряду!» [Дарья АСЛАМОВА, Фото автора. Кому достанется Крым (часть первая) // Комсомольская правда, 2007.04.11]; Стоило ли бороться с этими «осколками тоталитаризма», если в результате возникло не менее отвратительное и бессмысленное «демократическое самовластие»? [Павел Воцанов. Не сделать ли гимном России «Лебединое озеро»? (2003) // «Новая газета», 2003.01.15];

- фазовые глаголы (прекратить, продолжить, остановить):

Первого марта череду акций протеста чернобыльцев продолжили митинги в Чебоксарах и Самаре. [Ольга ТИМОФЕЕВА. Чернобыльцы не верят обещаниям властей // Известия, 2007.12.24]; В республику свезли 2500 военнослужащих внутренних войск, однако череду подрывов и расстрелов это не остановило. [В Ингушетии снова убили семью русской учительницы // Комсомольская правда, 2007.09.01].

Вторая продуктивная модель, отражающая ситуацию проявления неопределенно большого и малого количества:

S(Q квантификатор) + Р предикат проявления количества + (O)

В роли предикатов подобных высказываний выступают:

- глаголы движения, перемещения объекта (стекать, проникать, лететь, скакать, разбросать, идти, последовать, прокатить, бродить, бежать):

Мелкие капельки воды проникают в бронхи, расширяют их, заставляя нас дышать полной грудью. [Александра КУЧУК, Елена ИОНОВА, Анна КУКАРЦЕВА. Болезни – как волной смое!

// Комсомольская правда, 2007.06.20]; По стенкам каменного грота-мешка скачут лучики «лбовых» фонарей. [Хлыстун Виктор. ПЕНСИЮ В КАРАТАХ НЕ ИЗМЕРИШЬ // Труд-7, 2007.02.07]; Может, скоро в суды пойдет уйма исков – на родных, учителей... [Испанцам запретили пороть детей // Комсомольская правда, 2007.12.22]; У меня по этому отелю стада коллег, помогающих мне в том или ином деле, бродили, и никто их не поймал. [Ярослава Танькова: Ответы читателям // Комсомольская правда, 2007.08.04];

- бытийные глаголы (присутствовать, оставаться, существовать, происходить):

Естественно, в моей победе присутствует и капелька тщеславия, ведь на пирамиде человеческих удовольствий ощущение собственной значимости стоит на пике вершины. [Наталья Дюлгерова. Александр Ковалев: Спорт для меня – самый чистый адреналин // Советский спорт, 2005.06.06]; Но всё-таки лучик оптимизма остаётся, про то, как надо делать будущее... [Письмо матери к дочери (2004)]; Благо сейчас существует уйма структур, чтобы этим заниматься. [Шок: малышку выбросили с восьмого этажа // Комсомольская правда, 2007.10.11]; В Самаре происходит череда убийств: на всех трупах, найденных на задворках книжных магазинов, преступник оставляет ветку сирени. [Рычкова Ольга. ВЕТКА СИРЕНИ ДЛЯ КОНЮХА // Труд-7, 2007.10.10];

- глаголы чувства и восприятия количества (глядеть):

ПЕСНЯ НА ПАМЯТЬ Владимирский централ Весна опять пришла, И лучики тепла Доверчиво глядят в мое окно. [Елена КОВАЛЕВА. Убит певец «Владимирского централа» // Комсомольская правда, 2002.07.02];

- глаголы уничтожения / исчезновения (убивать, погубить, тратить (деньги)):

Бытует выражение, что «капля никотина убивает лошадь». [15 ноября // РИА Новости, 2007.11.15]; Когда исчезнут крупинки сахара, добавляем масло. Все растираем в однородную массу и выкладываем в углубление, сделанное в кучке муки. [Фото Татьяны КУЗЬМИНОЙ. Алексей Чадов: Я не вампир, я – сладкоежка! // Комсомольская правда, 2006.05.26]; Ради этого они не только тратят уйму денег, но и нередко рискуют здоровьем. [Рынок косметики для темнокожих европейцев сулит крупные барыши // Известия, 2007.11.12];

- глаголы физического воздействия (повредить, помешать):

Некоторые ученые опасаются, что осколки тела и слой пыли, поднятый в атмосферу после взрыва, могут повредить аппарату. [ВЛАДИМИР ГАВРИЛОВ. Марс атакуют // РБК Daily, 2007.12.26]; Плюс помешала череда мелких травм в нашей команде по ходу турнира. [Анна Нефедова. Волейбол. Капитан сборной Италии Альберто Чизолла: Медали для меня зарабатывал Дима Фомин // Советский спорт, 2007.09.01];

- фазовые глаголы (начать, прервать):

Там началась череда бурных романов Айседоры. Она родила двоих детей, мальчика и девочку, но оба ее ребенка погибли. [14 сентября // РИА Новости, 2007.09.14]; Хотя я надеюсь, что теперь череда трагедий прервется. [Бирюлин Александр. МИХАИЛ ЛЕРМОНТОВ: ПОЭТ БЫ ПРИСТРЕЛИЛ ТАКИХ ИССЛЕДОВАТЕЛЕЙ // Труд-7, 2007.08.10];

- глаголы речи и передачи сообщения (написать):

На эту тему написана уйма книжек и статей. [Светлана ДАНИЛОВА. Понравится боссу – это искусство! // Комсомольская правда, 2006.08.07].

Достаточно частотной является также модель, где выражение количества представляет собой именную часть сказуемого. Модель схематично можно представить следующим образом:

S+ 1. предикат проявления количества 2. Q (квантификатор)

Предикатами в таких предложениях выступают:

- бытийные глаголы (быть, существовать):

«Это был прилив взаимной симпатии», – цитирует Симмонс принцессу Диану. [Михайлов Зураб. ИНТЕРВЬЮ В ПОСТЕЛИ? // Труд-7, 2005.06.30]; Причина – не стадо коров, не огнедышащий дракон и даже не демонстрация обманутых мужей. [Павел САДКОВ. Московские бродилки: Пора обломать рога? // Комсомольская правда, 2007.11.06]; Комета была всего лишь осколком сверхновой звезды, разорвавшейся 41 000 лет назад. [Налбандян Лиана. МОНСТРЫ, КОТОРЫХ МЫ ПОТЕРЯЛИ // Труд-7, 2007.07.27];

- фазовые глаголы (становиться, возникать):

Для «Зенита» же победа над ЦСКА станет лишь началом череды долгих испытаний на прочность. [Дмитрий СМІРНОВ, Фото Ивана ТИМОШИНА. Газзаев предъявит счет Адвокату // Комсомольская правда, 2007.09.29]; Портал возник как некий осколок старинного театра. [Игорь Попов. Дом аристократов (2003) // «Театральная жизнь», 2003.07.28]; Это может быть воспринято пациентом как прилив молодости. [Орлов Павел. СТВОЛОВЫЕ БРАКОНЬЕРЫ // Труд-7, 2006.12.02].

Четвертой является модель, где выражение количества имеет обстоятельственную семантику.

S + предикат проявления количества + O + Q (квантификатор)

Предикатами в таких предложениях выступают:

- глаголы чувства и восприятия количества (воспринимать, опалеть, выдержать, заметить, бояться, ощущать):

В сплошной череде застолий не выдерживают самые стойкие. [Евгений ЧЕРНЫХ. Вкусно и весело встретим Новый год // Комсомольская правда, 2007.12.26]; – И что, неужели ни капельки в детстве человека в белом халате не боялись? [Сухая Светлана обозреватель 'Труда'. БЕЗ ПЯТИ МИНУТ АЙБОЛИТЫ // Труд-7, 2007.08.23];

- глаголы движения, перемещения объекта (улетучиваться):

Вы не поверите, но буквально через минуту я остро почувствовал глубокую симпатию к моим соседницам, и коварная сила вчерашнего штыря вмиг улетучилась с приливом свежих кровей! [Николай ВАРСЕГОВ. Посидел на чудо-валуне – сам не сплю и не даю жене! // Комсомольская правда, 2004.07.13];

- глаголы приобретения признака (улучшить, худеть):

Но на Аляске стремились приливом волчьих кровей улучшить породу ездовых собак – сделать их более сильными и выносливыми. [Василий ПЕСКОВ. Волк на цепи // Комсомольская правда, 2002.02.15]; Даже на любимом кефире ни капельки не худела. [Евгений ЧЕРНЫХ. Кремлевская диета: С лишним весом уходят женские проблемы // Комсомольская правда, 2007.04.11];

- фазовые глаголы (начать, закончить):

Закончила свое выступление Маша горьковатым глотком шансона, приклатненной песней «Примадонна-примадонна, на свободе хорошо». [Александр МЕШКОВ. Возвращение Маши к «Медведям» // Комсомольская правда, 2005.04.25];

- глаголы света (светиться, мерцать, сиять):

Улыбка у нее чудесная – лицо словно светится в лучиках морщинок. [Добрякова Елена. РАЗЛУЧЕННЫЕ СИРЕНЕВЫМ ТУМАНОМ // Труд-7, 2005.06.16]; «Замороженные» с помощью сахара фрукты таинственно мерцают в лучиках свечей. [Мадина Дарчиева. Новогоднее застолье (1997) // «Здоровье», 1997.12.15].

Ситуацию количественного восприятия в русском языке регулярно представляют и односоставные предложения с субъектами, обозначающими неопределенно большое или малое количество. Приведем примеры: Затем реанимация, череда операций. Врачам пришлось ампутировать голень. [Илья Стулов (Калининград). Инвалид 'догнал' маршрутку через 40 лет // Известия, 2007.11.27]; И эта крупинка любви дневной. Этот скупой осколок в потемки кровей, в допотоп.... [Э. Г. Багрицкий. Стансы: «Он трудится не покладая рук...» [Suprinus Caprio, 3] (1928–1929)].

Пропозиция восприятия количества выражается несколькими синтаксическими моделями, но неизменными остаются позиции субъекта и объекта восприятия. Субъектом количественного восприятия в русской языковой картине мира может являться только живое существо: Какой культ личности? Где вы видите горы трупов? В какой забитой глиной или глистами голове могло это родиться? [ПОФЕХТОВАЛИ И РАЗОШЛИСЬ // Труд-7, 2007.10.27]; Однако это не означает, что человечество обречено постоянно наблюдать бесконечную череду гламурных тенденций, практически ничем не отличающихся друг от друга... [Гламурный мир // РБК Daily, 2007.11.29]; Иногда мы даже замечаем в стуле капельку крови... [Спросите доктора Шкурпатову! // Комсомольская правда, 2007.12.03]. Даже в тех случаях, когда формально позиция субъекта не замещена, в высказывании представлены характеристики / образы количества,

сформировавшиеся в сознании воспринимающего: *Однако океанская вода улавливала слабые лучики далеких светил и лучи искусственных огней: гладкие горбы океанской зыби потаенно мерцали.* [Виктор Конецкий. *Начало конца комедии (1978)*]; *Сам бой вызвал большой прилив эмоций и адреналина.* [Костя Цзю: *смотрел бой Мейвезер – де ла Хойя, и понимал, что могу работать также // Советский спорт, 2007.05.06*].

Непосредственным объектом количественного восприятия является неопределенно большое либо малое количество предметов внешнего мира. Позиция объекта в пропозиции восприятия количества представляет собой комплексное образование. Смысловую законченность предложениям с пропозицией такого типа восприятия придают квалификаторы квантификатора, представленные, в основном, конструкцией «неопределенное количество» чего-либо: *Мне очень интересно посмотреть, как сложатся карьеры у них обоих – Родригес снял уже уйму фильмов, а Тарантино – всего пять.* [Стас ТЫРКИН. *Розарио ДОУСОН: Сниматься у Тарантино опасно. Но ужасно весело! // Комсомольская правда, 2007.06.11*]; *Наверное, можно было бы сейчас пойти вразнос и заводить целую гору друзей.* [Елена ЛАПТЕВА. *Певица Максим. Ночевать на вокзале было совсем не страшно! // Комсомольская правда, 2007.11.28*]; *Добавляем капельку уксуса (лучше итальянского «Бальзамика»), соли, перца и сахара.* [Александра КУЧУК. *Катя Лель: Сев на диету, я плакала // Комсомольская правда, 2004.11.24*].

Выводы

Таким образом, в русском языке ситуация количественного восприятия может быть передана предложениями разных типов. В роли предикатов предложений с пропозицией количественного восприятия выступают глаголы восприятия количества (*воспринимать, ошалесть, заметить*), глаголы перцептивной семантики (*чувствовать, ощущать*), глаголы проявления количества (*проникать, вызывать*). Актантные позиции представлены именами, обозначающими живое существо и объект восприятия – слова с семой «неопределенно большое либо малое количество».

Литература

1. Апресян, Ю. Д. Избранные труды. Лексическая семантика : в 2 т. / Ю. Д. Апресян. – 2-е изд. – М. : Школа «Языки русской культуры», 1995. – Т. 1. – 472 с.
2. Падучева, Е. В. Парадигма регулярной многозначности глаголов звука / Е. В. Падучева // Вопросы языкознания. – 1998. – № 3. – С. 3–23.
3. Павлова, Н. С. Лексика с семой «ЗАПАХ» в языке, речи и тексте : автореф. дис. ... канд. филол. наук : 10.02.01 / Н. С. Павлова ; Урал. гос. ун-т им. А. М. Горького. – Екатеринбург, 2006. – 20 с.
4. Шведова, Н. Ю. Русский семантический словарь : в 2 т. / Н. Ю. Шведова. – М. : Азбуковник, 2000. – Т. 2. – 674 с.
5. Кузнецова, Э. В. Лексико-семантические группы русских глаголов / Э. В. Кузнецова. – Свердловск : изд-во Урал. ун-та, 1988. – 151 с.
6. Бабенко, Л. Г. Толковый словарь русских глаголов: Идеографическое описание: Английские эквиваленты. Синонимы. Антонимы / Л. Г. Бабенко. – М. : АСТ-Пресс, 1999. – 704 с.
7. Падучева, Е. В. Динамические модели в семантике лексики. / Е. В. Падучева. – М. : Языки славянской культуры, 2004. – С. 19–50.

Summary

The basic models of semantic derivation of language units of lexico-semantic field «quantity» are considered in this article. There are five dominant clause models reflecting the situation of quantitative perception in the Russian language. Verbs of quantitative perception, verbs of perceptive semantics, and verbs of quantitative development play the role of clause predicates with the proposition of quantitative perception.

Поступила в редакцию 29.08.12.

УДК 81.161.1'42

РОЛЬ КАТЕГОРИИ ВЕЖЛИВОСТИ В КОММУНИКАТИВНОЙ ОРГАНИЗАЦИИ НАУЧНОГО ДИСКУРСА

О. Н. Чалова

преподаватель кафедры английского языка УО «ГГУ им. Ф. Скорины»

Данная статья посвящена изучению речевого поведения участников научного полемического диалога. Материалом исследования послужили стенограммы русскоязычных научных дискуссий. Ведущая цель исследования заключается в определении характера влияния категории вежливости на специфику лингвопрагматической организации научной дискуссии. В результате проведенного лингвистического анализа было установлено, что рассматриваемая категория предопределяет такие аспекты научной дискуссии, как ее тактико-стратегическую организацию, речеактовые и структурные особенности, специфику регулирования коммуникативной инициативы и др.

Введение

Речевое поведение участников любого общения, в том числе и научного, помогают регулировать различные коммуникативные категории, в частности категория вежливости (далее – КВ), которая проявляется в соблюдении основных принципов конструктивного диалога – «сотрудничества, взаимопонимания, уважения позиции оппонента» [1, 134] и т. д. Несмотря на то, что некоторые исследователи относят КВ к факультативным (вспомогательным) категориям [2], ее роль в коммуникативной организации научного дискурса, а именно такой его разновидности, как устная научная дискуссия (далее – УНД), исключительно велика. Установлено, что данная категория предопределяет следующие аспекты УНД:

- 1) тактико-стратегическую организацию УНД;
- 2) речеактовую специфику УНД;
- 3) структурные особенности УНД;
- 4) особенности регулирования коммуникативной инициативы в УНД;
- 5) языковую ткань УНД.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Влияние КВ на тактико-стратегическую организацию УНД

В рамках настоящей работы УНД трактуется в качестве «интеллектуального единоборства» [3, 166], участники которого «должны убеждать друг друга, приводя аргументы или доводы в защиту своей точки зрения» [там же], что обуславливает полемический характер изучаемого вида общения, проявляющийся, прежде всего, в выражении отрицательных оценок к позиции собеседника. В УНД отрицательная оценка может быть представлена эксплицитным образом. Основными средствами ее передачи являются негативно окрашенные слова и конструкции, например оценочные прилагательные *двусмысленный, фиктивный, иллюзорный, извращенный* и др., предшествующие существительному или включающиеся в предикативную позицию, то есть выступающие в качестве компонентов составных именных сказуемых; частица *наоборот*; лексемы *неправда, неверно*, эпистемические глаголы *думать, считать, полагать*, а также глагол *соглашаться* и близкие ему по значению слова и сочетания слов в комбинации с отрицательной частицей *не / not* (*Я не могу с этим согласиться*) и многие другие.

Правила поведения, принятые в изучаемом виде общения, предписывают участникам научной дискуссии при выражении негативных оценок вести себя вежливо по отношению к собеседнику и максимально смягчать критику, то есть использовать хотя бы одну из следующих тактик:

- тактику маскировки критики;
- тактику обоснования критики;
- тактику снижения категоричности высказывания;
- тактику инициального одобрения (похвалы).

Тактика маскировки критики

При выражении несогласия с позицией собеседника участники УНД зачастую используют тактику маскировки критики, то есть имплицитного выражения несогласия. К основным случаям косвенной критики в УНД следует отнести следующие речевые действия: 1) действия, которые начинаются с союза *но*, осложняющего высказывание оттенками недоверия и возражения (*Но ведь в то время происходило много разного*); 2) действия, которые содержат вводные слова и конструкции, указывающие на противоположность мнений собеседников (*Вы считаете... – с моей точки зрения...*); 3) действия, которые функционируют под видом дополняющих реплик, однако воспринимаются собеседником в качестве побуждения обосновать свою позицию, привести доводы в пользу собственной точки зрения; 4) вопросы, которые открываются модальными частицами *разве*, *неужели* и *под.*, осложняющими вопрос оттенками неуверенности, удивления, недоумения и *под.*; 5) вопросы, которые открываются вербальными формулами *а вы не думаете, что, а вам не кажется, что* и т. п., добавляющие оттенки сомнения, недоверия и *под.*; 6) аффективные вопросы, основное назначение которых – выразить эмоциональную реакцию, оценку, а не запрашивать сведения: *Да вы что, смеетесь надо мной? Причем здесь это? И что тут страшного?*

Рассмотрим подробнее реплики, указывающие на несовпадение взглядов коммуникантов, так как, несмотря на кажущуюся аксиологическую нейтральность, они всегда воспринимаются собеседником в качестве побуждения доказать состоятельность собственной точки зрения. Языковыми сигналами подобных реплик являются вводные слова и конструкции, вводящие оппозицию мнений, например *Вы утверждаете ... – Мне кажется ...*, и *под.* Например:

(1): <...> **Вы говорили** о том, что иркутяне настаивали на подъеме уровня Байкала с тем, чтобы получить сверхприбыль <...>. **На мой взгляд**, эти требования были связаны прежде всего с тем, что увеличение в течение многих лет пастбищных угодий в Бурятии, их орошение, такие мелиоративные мероприятия, как осушение болот и другое, привели к исчезновению рек и речушек, что, в свою очередь, явилось причиной падения уровня воды в Байкале. <...>

(2): <...> **Моя задача была показать** не то, что там решают какие-то 3–5 сантиметров. <...> **Я хочу сказать** то, о чем мало кто говорит. <...>

В данном примере автор реплики 1 отмечает, что его точка зрения на вопрос о причине подъема уровня воды в озере Байкал отличается от точки зрения докладчика. Данное указание на несовпадение мнений воспринимается собеседником в качестве побуждения обосновать свою позицию. По-видимому, это обоснование является достаточным, приемлемым для инициатора общения (автора реплики 1), о чем свидетельствует отсутствие в рамках приведенного диалогического единства уточняющих вопросов или полемических реплик со стороны адресата.

Тактика обоснования критики

В случае использования тактики обоснования критики негативно-оценочное суждение коммуниканта сопровождается комментарием, призванным пояснить несогласие, мотивировать его появление и *под.*:

(1): *Но ведь в то время происходило много разного, и вы рассказываете отнюдь не обо всем, а только о некоторых мнениях и высказываниях. Вы, следовательно, кое-что выделяете и кое-что опускаете, и это, наверное, существенно влияет на вашу историю.* <...>

(2): *Вы совершенно правы.* <...>

В приведенном примере основной полемический заряд несет в себе первая часть реплики 1 (*Но ведь в то время происходило много разного, и вы рассказываете отнюдь не обо всем, а только о некоторых мнениях и высказываниях*), которая, благодаря наличию в ней союза *но* как косвенного сигнала негативной оценки, осложняющего высказывание оттенками недоверия и возражения, выражает сомнение на счет позиции собеседника. Что касается репрезентативной части *Вы, следовательно, кое-что выделяете и кое-что опускаете, и это, наверное, существенно влияет на вашу историю*, то она, являясь существенным компонентом общего смысла всей реплики, выполняет функцию обоснования негативной оценки и включает в себя информацию, дополняющую, расширяющую содержание собственно возражения.

Тактика инициального одобрения

При выражении несогласия с позицией собеседника участники УНД зачастую используют тактику инициального одобрения, похвалы, согласия, то есть выражения положительного отношения к точке зрения оппонента, что обогащает коммуникативно-прагматическую структуру реплик-несогласий позитивно-оценочными компонентами. Подобные высказывания представляют

собой случаи так называемого частичного несогласия, общий смысл которых можно свести к формуле *Да. Но...*, где *Да* предполагает согласие с тем, что сказано собеседником, а *Но* может выражать как собственно несогласие (и в этом случае «область согласия» относительно невелика), так и легкое сомнение (в данном случае «область согласия» является более широкой, чем в предыдущем, и передается с помощью языковых средств, выражающих истинностную оценку, то есть характеризующих высказывание партнера с точки зрения соответствия таким параметрам, как правильность / достоверность, точность и под.). Например: *Я согласен со второй частью: что рефлексивный слой выступал в нормирующей функции по отношению к этому слою. Но сказать, что аналитический слой был свободным – ничего не сказать.* <...>

В приведенном примере область положительного и область отрицательного являются приблизительно равными, так как инициатор общения четко указывает на то, что не согласен только с одной частью высказывания, в то время как вторая часть сомнений не вызывает. Важно отметить, что в приведенном примере негативнооценочная иллокуция все же оказывается, на наш взгляд, доминирующей, так как необходимость выразить согласие не возникает сама по себе.

В случае, когда область согласия является минимальной, она, как правило, представлена указаниями на своевременность, актуальность и др. положительные стороны поднятой проблемы, как это можно наблюдать в следующем примере: *Это интересная точка зрения, но, боюсь, неверная.*

Очевидно, что основное назначение данной реплики – выразить негативное отношение к позиции собеседника. Область согласия в данном случае стремится к нулю, а фраза *Это интересная точка зрения* является не более чем «фигурой вежливости». В подобных примерах при указании на положительные стороны позиции собеседника языковые средства истинностной оценки не используются. Вместо этого участники русскоязычных УНД стремятся к употреблению лексических средств, выражающих другие типы оценок, а именно утилитарную, психологическую, телеологическую и др., то есть характеризующих поднятую проблему с точки зрения таких параметров, как релевантность, значимость, польза, способность вызывать интерес и под., и представленных оценочными прилагательными *важный, ключевой, большой, полезный, нужный* и многими др., как это демонстрирует приведенный выше пример (о языковых средствах выражения положительной оценки см. подробнее раздел «Влияние КВ на языковую ткань УНД»)

Тактика снижения категоричности высказывания

Случаи применения тактики снижения категоричности высказывания можно наблюдать в репликах-несогласиях, сопровождаемых признанием возможной ошибочности, субъективности собственного мнения, например *если я не ошибаюсь*; а также предваряющихся перформативными формулами с частицей *не* при глаголе, снижающими ультимативность высказывания, например: *я не претендую..., возможно, я ошибаюсь, я не обобщаю* и т. д.: *Возможно, я заблуждаюсь, но мне кажется, что нельзя отождествлять научность знания с его истинностью, как это делаете вы.* Очевидно, что в рассматриваемом фрагменте диалогического взаимодействия фраза *Возможно, я заблуждаюсь*, предшествующая критике коммуниканта, снижает ее категоричность, и, таким образом, смягчает негативную оценку.

Использование в УНД четырех рассмотренных тактик приводит к усложнению не только линейной, но и коммуникативно-прагматической структуры негативнооценочных реплик, функционирующих в изучаемом виде общения.

2. Влияние КВ на речеактовую специфику УНД

Влияние КВ на речеактовую специфику УНД проявляется, прежде всего, в следующих моментах:

- в редком использовании директивных речевых актов, которые носят категоричный и ультимативный характер;
- в частом использовании вопросительных высказываний с целью косвенного выражения критики.

В первом случае, а именно при выражении советов, пожеланий, просьб и под., участники научной дискуссии вместо директивных речевых актов предпочитают использовать в значении побуждения вопросительные высказывания. Другими словами, если директивная иллокуция и присутствует в русскоязычной УНД, то она носит характер вторичной. Реплики, имеющие поверхностную структуру вопроса, но ориентированные на побуждение адресата к совершению

определенного действия, зачастую открываются формулами *Вы не могли бы...? Вас не затруднит...?* или представляют собой модализованные вопросы, например *А можно сказать в одной фразе, в чем состоят эти достижения?*

Во втором случае, а именно с целью маскировки критики, участники научной дискуссии предпочитают использовать вопросительные высказывания, косвенно выражающие несогласие. Как отмечалось ранее, к вопросам, имплицитно содержащим оттенки недоверия, сомнения и под., относятся, во-первых, вопросы, которые открываются модальными частицами *разве, неужели* и под., во-вторых, вопросы, которые открываются вербальными формулами *а вы не думаете, что, а вам не кажется, что* и т. п., и в-третьих, аффективные вопросы (см. подробнее раздел «Тактика маскировки критики»).

3. Влияние КВ на структурные особенности УНД

Соблюдение участниками научной дискуссии принципов конструктивного диалога предопределяет такую модель развития УНД, которая не нарушает естественный порядок смены ролей в диалоге. Пример подобной модели ведения дискуссии имеет место в том случае, когда диалог или его фрагмент состоит из последовательно возникающих друг за другом иллокутивно согласующихся пар реплик. Например:

(1): *Георгий Петрович, можно ли сказать, что в нижней части – образы объектов, а в верхней – образы знаков?*

(2): *Внизу – образы объектов и образы операций (оперирования), а сверху – образы знаковых форм. <...>*

(3): *Просто в некоторых семантических треугольниках и пятиугольниках употребляется именно «образ знака». Или это плохой перевод с немецкого, или что-то другое...*

(4): *Нет, правильно все употребляется, поскольку они пошли по другому культурному пути, они не могут отказаться от психологизации <...>.*

В приведенном диалогическом фрагменте устанавливаются два типа межрепличных связей:

1) отношения «стимул-реакция», которые позволяют рассматривать во взаимосвязи реплику 1 и реплику 2 (основной вопрос – первичный ответ), реплику 3 и реплику 4 (дополнительный вопрос – окончательный ответ), а также реплику 1 и реплику 4 (основной вопрос – окончательный ответ);

2) отношения «основной-вспомогательный», которые позволяют рассматривать во взаимосвязи реплику 1 и реплику 3 (основной вопрос – дополнительный вопрос): реплика 3 связана с репликой 1 семантически и коммуникативно и по сути является ее продолжением, подхватом, вопросом «вдогонку».

Такое развитие научной дискуссии можно схематично представить в виде формулы [стимул – реакция] + [стимул – реакция].

4. Влияние КВ на особенности регулирования коммуникативной инициативы в УНД

Влияние КВ на особенности регулирования коммуникативной инициативы (далее – КИ) в УНД проявляется в редком использовании участниками научной дискуссии таких способов контроля над КИ, как отказ, навязывание, захват и отстранение. Основными же способами регулирования инициативы в УНД являются передача и взятие КИ [4, 219–225].

Первый способ – передача КИ – представляет собой переход инициативы от говорящего к слушающему не вопреки намерению последнего. Средством его реализации являются реплики, выступающие в виде справочных вопросов, уточнений, утверждений, предложений и т. д.

Второй тип перехода инициативы – взятие КИ – предполагает, что слушающий берет ведущую роль у говорящего не вопреки воле партнера, что, как правило, происходит, когда он (слушающий) дает ответ на вопрос, выражает согласие или несогласие с позицией оппонента.

В УНД средством одновременной реализации двух разнонаправленных способов перехода инициативы – передачи и взятия, служат стимулирующие реплики, то есть реплики, вызывающие реакцию со стороны адресата: (1): *Какую логику вы сейчас используете в ходе вашего рассказа?* – (2): *Я использую язык блок-схемных представлений и соответствующую ему логику системного анализа.* – (3): *Но, может быть, здесь проявляется та универсальная логика, о которой говорил Федоров?* – (4): *Вы хотите верить в это? Верьте. Но имейте в виду, что я считаю вашу веру наивной. <...>* Как видно из примера, автор стимулирующих реплик (реплики 1 и 3) лидирует на определенном этапе речевого взаимодействия: задавая вопрос, он берет ведущую роль в свои руки и является, таким образом, инициатором общения.

С другой стороны, главное намерение, с которым автор стимулирующих реплик строит свое высказывание, – это побуждение партнера выразить мнение по соответствующему поводу, причем именно передача, а не взятие КИ является основной целью реплики-стимула. Появление реплики 3 в данном примере фактически свидетельствует о том, что ответ партнера в той или иной степени не удовлетворяет коммуникативные потребности автора первой реплики и не представляет, по мнению собеседника, достаточной основы для закрытия диалогического фрагмента.

5. Влияние КВ на языковую ткань УНД

Основное влияние КВ на языковую ткань УНД проявляется, прежде всего, в использовании участниками научного дискурса большого числа позитивнооценочных языковых средств, в частности выражающих благодарность за полезный, интересный, своевременный, актуальный т. д. доклад собеседника или употребляющихся с целью положительного комментария вопроса партнера по общению.

Анализ фактического материала показывает, что позитивнооценочные языковые средства, представленные в УНД, можно разделить на две группы в зависимости от того, какие типы оценочных значений они передают:

- 1) средства, выражающие истинностную оценку;
- 2) средства, выражающие другие типы оценок, как правило телеологическую, утилитарную и психологическую (в терминологии Н. Д. Арутюновой [5]).

1. Языковые средства истинностной оценки используются для характеристики идеи, позиции, высказывания партнера с точки зрения соответствия одному из следующих параметров: правильность / достоверность, точность и под. В данную группу также включаются слова и конструкции, указывающие на совпадение мнений, взглядов коммуникантов.

На основании специфики функционирования средств истинностной оценки можно выделить три их разновидности:

- средства, способные существовать в качестве самостоятельных реплик: актуализатор (в терминологии Л. Н. Масловой [6]) *да*, наречия *правильно, верно, точно, справедливо, конечно, безусловно, наверняка, определенно, обязательно*, частицы *вот-вот, именно*, прилагательное *согласен*, которое зачастую используется с интенсификаторами *абсолютно, полностью* и др.;

- средства, способные функционировать только в составе определенных конструкций: глагол *соглашаться* (*Нельзя не согласиться*), эпистемические глаголы *думать, считать, полагать* и т. п. в сочетании с актуализаторами *так, также, тоже* и др. (*Я тоже считаю, что...*), глаголы *придерживаться, разделять, присоединяться, join, share* и т. д. в комбинации с существительными *мнение, взгляды, идея*, а также устойчивым сочетанием слов *точка зрения* и под. и актуализаторами *тоже, также, так* или интенсификаторами *совершенно, полностью*, и под. (*полностью разделяю вашу позицию, я придерживаюсь аналогичных взглядов*); прилагательные *прав* (*Вы совершенно правы*);

- конструкции фразеологической структуры: *не поспоришь; в самом деле; кто бы сомневался* и мн. др.

2. Языковые средства, выражающие другие типы оценок (психологическую, телеологическую и др.), которые характеризуют высказывание партнера с точки зрения таких параметров, как релевантность, значимость, польза, способность вызывать интерес и под., и представлены оценочными прилагательными *грандиозный, важный, ключевой, большой, полезный, нужный* и мн. др., предшествующими существительному или включающимися в предикативную позицию, то есть выступающими в качестве компонентов составных именных сказуемых. Реже используются оценочные существительные, а также наречия.

Перечисленные средства зачастую употребляются не отдельно, а в сочетании друг с другом.

Выводы

Таким образом, КВ занимает особое место в списке коммуникативных категорий. Несмотря на то, что, в отличие от категорий информативности, модальности, связности, цельности и др., КВ зачастую относится к числу факультативных (наряду с экспрессивностью, категоричностью и др.), она является обязательным средством, способом и условием порождения научного дискурса. Знание способов выражения КВ и практическое ими овладение способствует как наиболее целесообразной организации научного диалога, так и наиболее адекватной его интерпретации.

Літэратура

1. Соловьёва, Н. В. Научный дискурс как жанр в форме коллекции / Н. В. Соловьёва // *Стиль : междунар. журнал.* – 2008. – С. 131–136.
2. Захарова, Е. П. Типы коммуникативных категорий / Е. П. Захарова // *Проблемы речевой коммуникации : межвуз. сб. науч. тр. / редкол.: О. Б. Сиротинина (отв. ред.) [и др.].* – Саратов : изд-во Сарат. ун-та, 2000. – С. 12–20.
3. Иванов, Л. Ю. Дискуссия / Л. Ю. Иванов, Т. В. Матвеева, А. В. Щербаков // *Культура русской речи : энцикл. словарь-справ. / Л. Ю. Иванов (отв. ред.) [и др.].* – М. : изд-во «Наука», изд-во «Флинта», 2003. – С. 166–167.
4. Иссерс, О. С. Коммуникативные стратегии и тактики русской речи / О. С. Иссерс. – Изд-е 2-е стереотип. – М. : Едиториал УРСС, 2002. – 284 с.
5. Арутюнова, Н. Д. Типы языковых значений / Н. Д. Арутюнова // *Оценка, событие, факт / отв. ред.: Г. В. Степанов [и др.].* – М. : Наука, 1988. – 338 с.
6. Маслова, Л. Н. Выражение согласия/несогласия в устной научной коммуникации: гендерный аспект : дис. ... канд. филол. наук : 10.02.19 / Л. Н. Маслова. – М., 2007. – 192 л.

Summary

The article considers the problem of speech behaviour of conference discussions' participants. The general objective of the paper is to determine the role of the category of politeness on linguistic and pragmatic arrangement of conference discussions. Our pragmalinguistic analysis shows that the category of politeness predetermines such aspects of conference discussions as their illocutionary and structural characteristics, peculiarities of speech initiative transition, the use of specific tactics and strategies, etc.

Поступила в редакцию 25.05.12.

УДК 81'347.78.034 + 81'373.611

**АЛГОРИТМ ПЕРЕВОДА РЕДУПЛИКАТИВНЫХ ОБРАЗОВАНИЙ
(на материале белорусского, русского и английского языков)****Н. В. Шульга**

магистр педагогических наук,
аспирант кафедры общего и русского языкознания УО «БГПУ им. М. Танка».
Научный руководитель: доктор филологических наук, профессор,
декан факультета белорусской и русской филологии
УО «БГПУ им. М. Танка» В. Д. Стариченок

В статье предложен первый в своем роде эвристический алгоритм перевода редупликативных слов и словоформ, сопровождаемый методическими рекомендациями по межъязыковой передаче редупликативных образований белорусского, русского и английского языков.

Введение

Редупликация (от позднелат. *reduplicatio* 'удвоение') является одним из способов слово- и формообразования путем полного или частичного повторения корня, основы или всего слова типа бел. *белы-белы*, *пінг-понг*¹, *цяця-ляця*, рус. *тю-тю*, *бум-бом*, *тяп-ляп* и англ. *blah-blah* 'ля-ля', *tick-tock* 'тик-так', *fuddy-duddy* 'ворчун' (подробнее см. [1]–[4]).

Обзор существующей литературы по вопросам редупликации позволил наметить проблему описания способов перевода редупликативных слов и словоформ, чему и будет посвящена настоящая статья.

В предыдущих работах (см. подборку наших статей, выполненных на материале различных языковых пар [5]–[10]), нам удалось продемонстрировать, что непереводаемых редупликативных образований (далее – РО) не бывает, а бывают лишь труднопереводимые, эффективно справиться с передачей которых можно, имея на вооружении соответствующие переводческие трансформации, сопутствующие стратегии сохранения и компенсации, и соблюдая определенные правила, которые будут рассмотрены ниже.

Результаты исследования и их обсуждение

Под алгоритмом перевода² понимается набор определенных правил, которым в строгом порядке следует переводчик (исполнитель алгоритма) для достижения определенного результата, в нашем случае, для эквивалентного и адекватного перевода РО.

Помимо свойств, общих для всех применимых алгоритмов (понятности, дискретности, определенности, результативности и массовости [12, 4]), алгоритм перевода РО носит эвристический характер, то есть, не будучи математически обоснованным, он является полезным с практической точки зрения, так как в большинстве случаев помогает переводчику хорошо справиться с передачей РО (подробнее об эвристическом алгоритме см. [13]).

На блок-схеме выделенные нами шаги алгоритма перевода РО выглядят следующим образом (рисунок 1):

¹ От англ. *ping-pong* 'настольный теннис'.

² Возможность применения алгоритма к такому творческому процессу, как художественный перевод, обсуждается в [11].

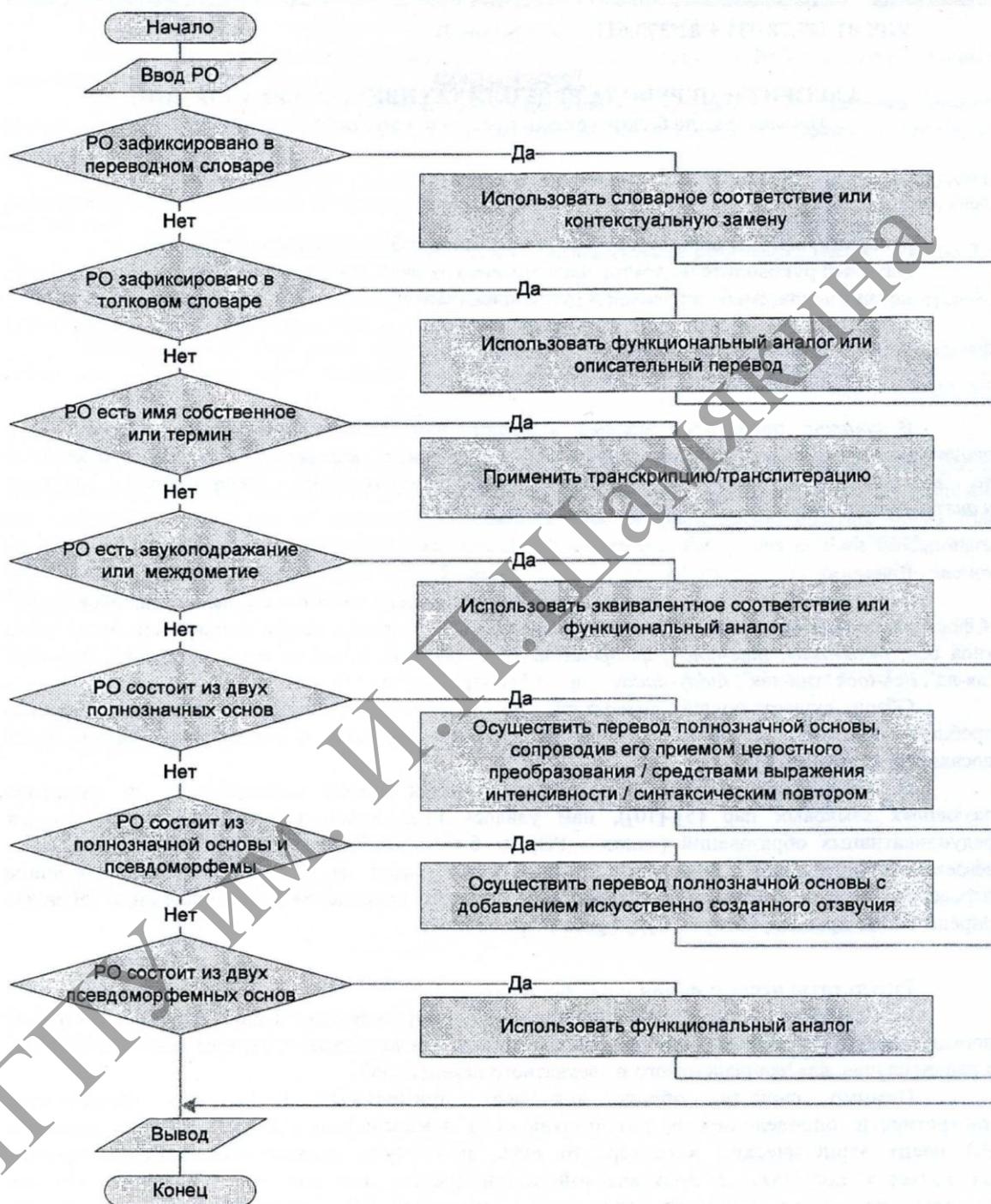

Рисунок 1 – Блок-схема алгоритма перевода РО

Ниже представлен словесный способ записи алгоритма, сопровождаемый примерами и комментариями:

1. Определить РО в тексте перевода.

Перейти к 2.

В белорусском, русском и английском языках выделяются 3 основных типа РО: 1) полные, компоненты которых фонетически идентичны (бел. *цю-цю*, рус. *вась-вась*, англ. *pretty-*

pretty 'слащаво-красивый'); 2) аблаутивныя, кампаненты якіх адрозніваюцца ударным гласным пры алітэрацыі пачальных согласных (бел. *бім-бом*, рус. *тиф-паф*, англ. *criss-cross* 'крест-накрест'); 3) рэфімаваныя, кампаненты якіх адрозніваюцца пачальнымі согласнымі пры рэфімаванні астатніх гукіх (бел. *цапу-лапу*, рус. *хухры-мухры*, англ. *hodge-podge* 'вінегрет').

2. Проверить, зафиксировано ли РО в переводном словаре.

Если да – использовать в зависимости от контекста словарное соответствие или контекстуальную замену.

Если нет – перейти к 3.

Самые «ходовые» РО (наречия, звукоподражания, междометия и фразеологизированные лексические единицы) хорошо представлены в переводных словарях трех рассматриваемых языков, где они имеют определенные часто нередуцированные по структуре лексические (словарные) соответствия – эквивалентные или варианты.

Эквивалентные соответствия подразумевают, что для перевода той или иной единицы языка оригинала (в нашем случае РО) разные переводчики постоянно используют определенные лексические единицы языка перевода [14, 254]. Например, рус. *цып-цып* соответствует англ. *chuck-chuck* [15, 951], англ. *walkie-talkie* имеет в белорусском языке эквивалентное соответствие 'рацыя' [16, 985].

Вариантное соответствие предполагает, что в языке перевода существуют несколько вариантов для передачи одного и того же лексического значения единицы языка оригинала [14, 28]. Например, рус. *шито-крыто* имеет в английском языке следующие варианты соответствия: '*quietly, on the sly; hush-hush, under cover/raps*' [15, 1002], выбор которых зависит от контекста и от переводческого решения – сохранять или не сохранять РО.

Бывает также, что переводчик вообще отказывается от использования имеющихся словарных соответствий и прибегает к контекстуальной замене – варианту перевода РО, подходящему лишь для данного конкретного контекста [14, 90], который создается при помощи различных типов переводческих трансформаций. Сравните, например, 2 случая перевода РО 'шито-крыто', в первом из которых переводчик использует вариантное словарное соответствие, редуцированное по структуре, а во втором прибегает к контекстуальной замене без сохранения структуры РО:

Есть приказ: если в течение шести часов бежавший механизм не обнаружен, его дистанционно взрывают. Чтобы все было шито-крыто (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Улитка на склоне). – *There's a directive: if in the course of six hours the runaway mechanism is not detected, it's blown up by remote control. So everything can stay hush-hush* (А. Strugatsky, B. Strugatsky. The Snail on the Slope. Transl. by A. Meyers).

Конечно, это он свеликодушиничал, для меня старался: третий лишний, сбегает вдвоем, и все будет шито-крыто, никто про тебя не догадается (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Пикник на обочине). – *Of course, he was just trying to humor me. The third would be in the way as far as he was concerned. We would run down, just the two of us, and everything would be hunky-dory, no one would suspect anything about me* (А. Strugatsky, B. Strugatsky. Roadside Picnic. Transl. by A. Bouis).

3. Проверить, зафиксировано ли РО в толковом словаре.

Если да – перевести значение РО, используя функциональный аналог или описательный перевод.

Если нет – перейти к 4.

В тех случаях, когда в переводном словаре дается несколько вариантов соответствий РО, из которых нужно выбрать наиболее подходящее в данном контекстуальном окружении, или когда в словаре вообще не зарегистрировано словарное соответствие для того или иного РО, на помощь переводчику приходит толковый словарь³ (о методике использования см. [18]).

РО, не получившее отражение в словарях, следует передавать при помощи функционального аналога, суть которого состоит в том, что для лексической единицы языка оригинала с помощью одного из видов переводческих трансформаций создается лексическая замена, вызывающая сходную реакцию у реципиента. Отличной переводческой находкой для передачи окказионального РО можно считать следующий пример:

³ Опыт составления первого в своем роде толково-переводного словаря РО представлен в [17].

I hear Barry's keychain swinging up the corridor, clink-a-clink (DBC Pierre. Vernon God Little). – Я слышу, как в коридоре позвякивает у Барри на поясе цепочка с ключами, звяк-да-звяк (Ди Би Си Пьер. Вернон Господи Литтл. Пер. В. Михайлина).

4. Определить, является ли РО именем собственным или термином.

Если да – перевести с использованием правил практической транскрипции и транслитерации, предварительно убедившись в отсутствии уже имеющегося эквивалентного соответствия⁴.

Если нет – перейти к 5.

Например: *Одна и одна. Даже в гости пойти не к кому, даже прогуляться «по Карла-Марла» не с кем...* (Д. Рубина. На солнечной стороне улицы). – *Completely alone. There was no one even to visit, no one even to stroll with «along Karl-Marl»...* (D. Rubina. On the Sunny Side of the Street. Transl. by D. Jaffe).

Правда, по отношению к «говорящим» именам собственным, а также к кличкам, имеющим редупликативную структуру, предпочтительно использовать функциональный аналог:

Their favorite pet was a miniature pink pig, as intelligent as any dog, called Iggle-Piggie (C. McCullough. The Thorn Birds). – А галоўным любімцам быў маленькі ружовы парсючок, разумненькі, ніколеккі не дурнейшы за сабаку, з клічкаю Свінчы-Карзінчы (К. Маккалаў. Птушкі на цернях. Пер. С. Дорскага, В. Рабкевіча).

5. Определить, является ли РО звукоподражанием, междометием или междометно-глагольным словом.

Если да – передать его на языке оригинала с использованием эквивалентного соответствия или функционального аналога.

Если нет – перейти к 6.

При переводе звукоизобразительных слов и междометий необходимо быть особо внимательным, так как в разных языках они не совпадают друг с другом фонетически, хотя иногда и имеют сходства, особенно если языки близкородственные (ср. бел. *цік-так*, рус. *тик-так*, англ. *tick-tock*; бел. *бо-бо*, рус. *бо-бо*, англ. *boo-boo*). Следовательно, для их эквивалентного и адекватного перевода необходимо пользоваться переводными словарями или другими справочными изданиями (например, [19]), а в случае индивидуально-авторских неологизмов – искать функциональный аналог:

А минуту спустя раздался негромкий стук в окно. Тук-тук. И снова: тук-тук-тук (Б. Акунин. Азазель). – *A minute later he heard a quiet knocking at the window. Tap-tap. Then again: tap-tap-tap* (B. Akunin. The Winter Queen. Transl. by A. Bromfield).

6. Определить, состоит ли РО из двух полнозначных основ⁵.

Если да – применить функциональный аналог, создание которого сопровождается переводом полнозначной основы совместно с использованием приема целостного преобразования, применением средств выражения интенсивности, синтаксического повтора.

Если нет – перейти к 7.

В белорусском и русском языках удвоение знаменательных частей речи представляет собой речевое явление, обладающее стилистико-грамматическим эффектом вследствие дополнительного значения интенсивности/усиления [20, 203–211], [21, 98–100], которое появляется у полнозначной основы типа: бел. *прыгожы-прыгожы, моцна-моцна, хадзіў-хадзіў, нікога-нікога, дурань-дурань* и рус. *белый-белый, всегда-всегда, любит-любит, чья-ничья, ужас-ужас*.

При переводе на английский язык семантика полных адъективных и адвербиальных РО белорусского и русского языков передается при помощи различных средств выражения категории интенсивности, а также синтаксического повтора:

⁴ Исторически сложившиеся соответствия в английском и русском языках имеют, к примеру, следующие редупликативные топонимы и антропонимы: англ. *Xai-Xai* (крупный город в Мозамбике, основанный португальцами) = рус. *Шаи-Шаи*; англ. *Zsa Zsa Gabor* (американская актриса и светская дама, больше прославившаяся наличием 9 браков) = рус. *Жа Жа Габор*; англ. *Sao Sao* (китайский полководец, первый министр династии Хань) = рус. *Цао Цао*.

⁵ Под полнозначными основами подразумеваются основы знаменательных частей речи (подробнее см. [4, 50–51]).

Он застал у них в гостиной секретаря посольства из немцев, длинного-длинного, белокурого, с лошадиным профилем и пробором сзади... (И. Тургенев. Вешние воды). – *He found in their drawing-room a secretary of the legation, a very tall light-haired German, with the profile of a horse, and his hair parted down the back of his head...* (I. Turgenev. The Torrents of Spring. Transl. by C. Garnett).

Вам не здаралася адчуваць такое... як быццам вы жылі калісьці, даўно... і зараз адкрываеце, знаходзіце зноў многае з таго, што бачылі... даўно-даўно (У. Караткевіч. Дзікае паляванне караля Стаха). – *Didn't you ever happen to feel as if you had lived somewhere formerly and long ago... and now you discover you are looking at something you had seen long, long ago?...* (U. Karatkevich. King Stach's Wild Hunt. Transl. by M. Mintz).

Семантика полных глагольных РО передается при помощи повторения глагольной формы, часто с соединительным союзом:

Сцепаніда слухала-слухала, душачы ў сабе нешта жаласлівае, якое ўладарна брала ў свой палон, і яна не стрымалася (В. Быкаў. Знак бяды). – *Stepanida listened and listened, trying to cope with something compassionate in her that threatened to overwhelm her emotions, but couldn't resist* (V. Bykov. Sigh of Misfortune. Transl. by A. Myers).

Полные РО белорусского и русского языков разных частей речи также характеризуется способностью выступать в составе противительных или уступительных конструкций типа [F_x, а (но, да)...], которые при переводе подвергаются приему целостного преобразования:

Не буду чытаць вам лекцыі [...] аб культуры наступнага, жалезнага веку, які паставіў плямёны беларускай тэрыторыі ў роўныя правы з іншымі, бо ўжо чаго-чаго, а балотнай руды тут хапала (У. Караткевіч. Зямля пад белымі крыламі). – *I'm not going to lecture [...] on the culture of the following Iron Age, which put the tribes living in Byelorussia on equal terms with the others for marshland ores, especially, were in abundance here* (U. Karatkevich. The Land beneath White Wings. Transl. by A. Weise, W. May).

7. Определить, состоит ли РО из полнозначной основы и псевдоморфемы-отзвучия⁶.

Если да – осуществить перевод полнозначной основы с добавлением искусственно созданного отзвучия.

Если нет – перейти к 8.

Например: У них, у людей, – космос-мосмос, фотосинтез-мотосинтез, а у жалкой осы – сплошное размножение, да и то на уровне примитивного инстинкта (А. Стругацкий, Б. Стругацкий. Сказка о тройке). – *They, humans, they have the cosmos-shmosmos and photosynthesis-shmyntesis and the pathetic wasp has nothing but reproduction, and that only on a primitive instinctual level* (A. Strugatsky, B. Strugatsky. Tale of the Troika. Transl. by A. Bouis)⁷.

8. РО состоит из двух псевдоморфемных основ.

Если да – применить функциональный аналог, достигаемый в зависимости от контекста при помощи конкретизации, генерализации и модуляции.

Если да – перейти к 9.

Удачным вариантом перевода индивидуально-авторского неологизма, реализуемым благодаря конкретизации, можно считать следующий пример: *That Rosasharn is gettin' awful scary an' nimsy-nimsy* (J. Steinbeck. The Grapes of Wrath). – *Гэтая Разашарна дужа капрызная стала і пераборлівая* (Д. Стэйнбек. Гронкі гневу. Пер. С. Дорскага).

9. Повторить алгоритм с шага 1.

Проверка правильности разработанного алгоритма определялась путем сопоставления многочисленных текстов оригинала и перевода. Во всех случаях результат межъязыкового корреспондирования РО оказывался таким, каким он должен был получиться согласно разработанному алгоритму.

⁶ Под псевдоморфемой-отзвучием (псевдоморфемной основой) понимается основа, не имеющая предметно-логического значения и не соотносящаяся ни с одной лексической единицей, существующей в языке [4, 48–50].

⁷ Замена при переводе псевдоморфем-отзвучий объясняется отсутствием в английском языке м-редупликаций, типичных для русского просторечия (подробнее см. [3]).

Выводы

Богатый иллюстративный материал по переводу РО в белорусском, русском и английском языках показывает, что при выборе межъязыковых соответствий для РО того или иного языка переводчик следует определенным универсальным правилам, отраженным в разработанном нами эвристическом алгоритме перевода РО, что помогает обеспечить эквивалентную и адекватную передачу редупликативных слов и словоформ, по возможности, путем раскрытия не только семантического компонента, но и сохранения структуры исходной единицы.

Литература

1. Шульга, Н. В. Фономорфологическая структура редупликативных слов белорусского, русского и английского языков / Н. В. Шульга // Вес. БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2010. – № 3. – С. 62–66.
2. Шульга, Н. В. Словообразовательные и формообразовательные модели редупликативных единиц: на материале белорусского, русского и английского языков / Н. В. Шульга // Вес. БДПУ. Сер. 1, Педагогіка. Псіхалогія. Філалогія. – 2011. – № 4. – С. 34–38.
3. Шульга, Н. В. Функциональная характеристика некоторых подтипов рифмованных редупликативных образований / Н. В. Шульга // Весн. МДПУ імя І. П. Шамякіна. – 2011. – № 4(33). – С. 108–112.
4. Шульга, Н. В. Образование редупликативных слов и словоформ в современном белорусском, русском и английском языках / Н. В. Шульга // Молодеж. сб. науч. ст. / Совет молодых ученых НАН Беларуси, ООО «Лаборатория интеллекта». – Минск, 2012. – Вып. 1: Научные стремления. – С. 46–52.
5. Шульга, Н. В. Передача английских редупликативных утварэнняў: перакладчыцкія рашэнні і спосабы іх рэалізацыі / Н. В. Шульга // Роднае слова. – 2011. – № 8. – С. 40–42.
6. Шульга, Н. В. Супастаўляльны аналіз некаторых аспектаў лексічных сістэм беларускай і рускай літаратурных моў: на матэрыяле перакладу англійскіх редупликативных утварэнняў / Н. В. Шульга // Тыпалогія ўзаемасувязей беларускай і рускай моў і праблемы нацыянальнай самаідэнтыфікацыі: матэрыялы Міжнар. навук. канф., Мінск, 19–20 крас. 2011 г. / Інстытут мовы і літаратуры імя Я. Коласа і Я. Купалы НАН Беларусі; рэд.кал.: І. У. Кандрацэня [і інш.]. – Мінск, 2011. – С. 355–359.
7. Шульга, Н. В. Сравнительный анализ переводов редупликативного образования *handy-dandy* в трагедии У. Шекспира «Король Лир» / Н. В. Шульга // Межкультурная коммуникация и профессионально-ориентированное обучение иностранным языкам: материалы IV Междунар. науч. конф., посвящ. 89-летию образования Белорус. гос. ун-та, Минск, 29 окт. 2010 г. / Белорус. гос. ун-т; редкол.: В. Г. Шадурский [и др.]. – Минск, 2010. – С. 74–75.
8. Шульга, Н. В. Переводческие ошибки при передаче редупликативных образований: на материале английского языка / Н. В. Шульга // Сб. науч. ст. / Бюро переводов «Альба». – Н. Новгород, 2010. – Вып. 1: Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. – С. 122–130.
9. Шульга, Н. В. Трудности перевода редупликативных образований: на материале произведений братьев Стругацких / Н. В. Шульга // Сб. науч. ст. / Бюро переводов «Альба». – Н. Новгород, 2011. – Вып. 2: Актуальные вопросы переводоведения и практики перевода. – С. 122–130.
10. Шульга, Н. В. Анализ результатов перевода редупликативных образований английского языка на русский язык / Н. В. Шульга // Сб. науч. тр. / НГЛУ им. Н. А. Добролюбова. – Н. Новгород, 2011. – Вып. 14: Проблемы теории, практики и дидактики перевода. Сер. Язык. Культура. Коммуникация. – Т. 2. – С. 171–178.
11. Витренко, А. Г. Возможен ли алгоритм художественного перевода? / А. Г. Витренко // Личный сайт А. Г. Витренко [Электронный ресурс]. – 2001. – Режим доступа: <http://agvitrenko.3dn.ru/publ/1-1-0-17>. – Дата доступа: 13.12.2011.
12. Основы алгоритмизации: метод. указания по курсу «Информатика» / Пенз. гос. ун-т; авт.-сост.: В. В. Регода, О. Н. Регода. – Пенза, 2008. – 56 с.
13. Эвристический алгоритм [Электронный ресурс] // Википедия, свободная энциклопедия. – Сан-Франциско: Фонд Викимедиа, 2011. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/?oldid=39840017>. – Дата доступа: 25.01.2012.
14. Нелюбин, Л. Л. Толковый переводоведческий словарь / Л. Л. Нелюбин. – 3-е изд., перераб. – М.: Флинта: Наука, 2003. – 320 с.
15. Ермолович, Д. И. Новый большой русско-английский словарь / Д. И. Ермолович, Т. М. Красавина; под общ. рук. Д. И. Ермоловича. – М.: Русский язык-Медиа, 2004. – 1098 с.

16. Пашкевіч, В. Ангельска-беларускі слоўнік / В. Пашкевіч. – Мінск : Зьміцер Колас, 2006. – 1010 с.
17. Шульга, Н. В. Структура толково-переводного двуязычного словаря редупликативных образований / Н. В. Шульга // Сб. науч. трудов по лексикографии / ХЛО НТУ «ХПИ», Ин-т славистики Клагенфурт. ун-та, Гродн. гос. ун-т. – Харьков, 2011. – Вып. 12 : Слово и словарь. Vocabulum et vocabularium. – С. 77–79.
18. Крупнов, В. Н. Двуязычные и многоязычные словари и методика их использования / В. Н. Крупнов // Лексикографические аспекты перевода : учеб. пособие / В. Н. Крупнов. – 2-е изд. доп. – М., 2009. – С. 34–82.
19. Квеселевич, Д. И. Русско-английский словарь междометий / Д. И. Квеселевич, В. П. Сасина. – М. : Астрель, АСТ, 2001. – 510 с.
20. Крючкова, О. Ю. Редупликация как явление русского словообразования / О. Ю. Крючкова ; под ред. Л. И. Баранниковой. – Саратов : изд-во СГУ, 2000. – 264 с.
21. Пахолок, З. А. Редупликация как средство выражения грамматических значений в русском языке / З. А. Пахолок // Респ. межвед. науч. сб. / Мин-во высш. и средн. спец. образования УССР, Киев. гос. ун-т им. Т. Г. Шевченко. – Киев, 1987. – Вып. 14 : Русское языкознание. – С. 97–101.

Summary

This article displays an original heuristic algorithm used for the translation of reduplicative words and word forms, accompanied by methodological recommendations on cross-language transfer of reduplicative formations in Belarusian, Russian and English.

Поступила в редакцию 15.06.12.

МГПУ ИМ. И. П. ШАМЯКІНА

УДК 303.022:81'42

ЗНАКОВАЯ РЕАЛИЗАЦИЯ ТОПИКО-ФОКУСНОЙ СТРУКТУРЫ В ДИСКУРСЕ МИГРАНТА

Е. И. Ядченко

аспирант кафедры английского языка и речевой коммуникации БГУ.
Научный руководитель: доктор филологических наук,
профессор кафедры английского языка и речевой коммуникации БГУ
И. Ф. Ухванова

Статья выполнена в рамках лингвистического дискурс-анализа. В результате первичного анализа автором были выделены базовые темы, заявленные в дискурсе мигранта, описана специфика индивидуального тематического членения мира на определённые фрагменты. В данной статье представлен опыт вторичного глубинного анализа топико-фокусной структуры дискурса. Автор использует понятие дискурс-картины мира и предлагает возможность её реконструкции из индивидуального дискурса респондента. Статья демонстрирует потенциал лингвистической методологии для социальных наук и предлагает интегративный взгляд на исследуемый объект.

Введение

Одним из новых направлений в исследовании языка и мышления явился в последние десятилетия *дискурс-аналитический подход* [1]–[4]. Среди прочих подходов к дискурс-анализу в последние годы утвердилась *каузально-генетическая теория* (КГТ) И. Ф. Ухвановой [2], [4], [5]. Объектом исследования дискурс-анализа в КГТ выступает текст в социальном контексте [5, 12], в его информативной и интерактивной данности, в единстве его «контентной» (собственно содержательной) и контекстной (ситуационной) составляющих [6]. С позиции КГТ дискурсное пространство конституируется через «взаимодействие ее двух видов содержания, которые могут быть представлены как картина мира и картина короткого взаимодействия» [5, 21].

В данной публикации мы сфокусировали наше внимание на реконструкции *топико-фокусной структуры* (ТФС) дискурса. В рамках КГТ *реконструкция* – это «восстановление объективной реальности на основе изучения текстов, т. е. выявление того, что существовало до текста и что получило в нём отражение» [3, 52].

Методы исследования. Исследование осуществлялось при помощи качественного анализа [7] на основе Обоснованной теории [8], [9]. Наряду с качественным анализом мы учитываем и количественную реализацию, поскольку она может сигнализировать дискурсивную значимость определённых феноменов, получивших реализацию в дискурсе [там же, с. 19]. Для упрощения процедуры исследования мы используем программное обеспечение качественного анализа данных MaxQDA [10], [11], а именно следующие его функции:

1. *Функция построения тематических деревьев.* Используется на этапе первичного тематического анализа. На этапе вторичного глубинного анализа тематические деревья используются как легко управляемый гипертекст [10, 37].

2. *Функция лексического поиска по тексту.* При вводе лексического компонента в строку поиска отыскиваются все позиции данного слова и указывает абзац, в котором оно присутствует (рисунок 1). Одновременно происходит выделение данного слова в тексте [там же, с. 41].

3. *Функция быстрого анализа частотности слов.* При выборе данной функции в виде таблицы подаётся список всех слов из текста (рисунок 2). Из этого списка мы можем выбрать интересующий нас компонент по самому слову (в алфавитном порядке), процентному соотношению искомого слова ко всему тексту, а также длине слова (например, при поиске местоимений, междометий) [там же, с. 43].

Результаты поиска
Из 1 документов 13 Найдены позиции

Документ	Поиск	Страница	Абзац
= Фатима	побили	1	2
= Фатима	побили	1	2
= Фатима	побили	1	7
= Фатима	побили	1	7
= Фатима	побили	1	11
= Фатима	побили	1	11
= Фатима	побили	1	11
= Фатима	побили	1	11
= Фатима	побили	1	11
= Фатима	побили	1	12
= Фатима	побили	1	30
= Фатима	побили	1	30
= Фатима	побили	1	59

Рисунок 1 – Лексический поиск

Σ Частота использования слов
Из 1 документов (9218 слов) 2094 Слова

Слово	Длина слова	Частота	%	Фатима
♦ поближе	7	1	0,01	1
♦ побили...	7	1	0,01	1
♦ побили	6	12	0,13	12
♦ побальзай	9	1	0,01	1
♦ по-моему	8	7	0,08	7
♦ по-другому	10	1	0,01	1
♦ по	2	15	0,16	15
♦ плохо	5	6	0,07	6
♦ племянница	10	1	0,01	1
♦ племянники	10	1	0,01	1
♦ племянник	9	2	0,02	2

Рисунок 2 – Анализ частотности слов

Материалом для данной публикации послужило лейтмотивное глубинное интервью с беженкой из Афганистана, проведённое в июне 2011 года. *Данные о респонденте:* Фатима, женщина, 18 лет, родилась в Афганистане, выросла в Беларуси, владеет афганским и русским языками, студентка вуза (платное отделение), работник организации по оказанию помощи и содействия беженцам.

Результаты исследования и их обсуждение

Понятия *тема дискурса* и *топик* напрямую связаны с вопросом структуры дискурса. Различными исследованиями, связанными с макроструктурой дискурса, занимались Т. ван Дейк [12], Е. В. Падучева [13], Т. Гивон [14], Э. Шеглофф [15] и др. Традиционно различают макроструктуру, или глобальную структуру дискурса, и микроструктуру, или локальную структуру дискурса. Согласно Т. ван Дейку, *макроструктура дискурса* – это обобщенное описание основного содержания дискурса, которое адресат строит в процессе понимания [12].

В концепции Чейфа *топик*, или же *тема дискурса*, – это комплекс взаимосвязанных идей (референтов, событий, состояний), находящихся в полуактивном сознании [16]. Иначе, к топикю дискурса относится все то, о чем говорится в этом дискурсе, но не все элементы топика активны в каждый момент дискурса. *Тема дискурса* (*discourse topic*) представлена в виде *макропропозиции* или *макроструктуры*, в отличие от темы отдельного предложения или высказывания, как правило, представленной именной группой подлежащего. Тема индивидуального высказывания в дискурсе обусловлена тем, как его информация распределяется *линейно*, в то время как тема дискурса указывает на то, как его содержание организовано *глобально, иерархически*. Такой подход к понятию топика позволяет объяснить феномен целостности дискурса.

Вместе с тем, мы считаем, что реконструкция глобального топика дискурса невозможна без изучения отдельных его языковых реализаций, находящихся в *фокусе* говорящего в разные моменты говорения. Иначе, реконструкция глобального топика дискурса осуществляется нами с опорой на фокусные реализации в каждой отдельной теме.

В результате первичного тематического анализа нами была выстроена тематическая модель дискурсии. Тематическая структура дискурса может быть отображена в виде тематического дерева (рисунок 3).

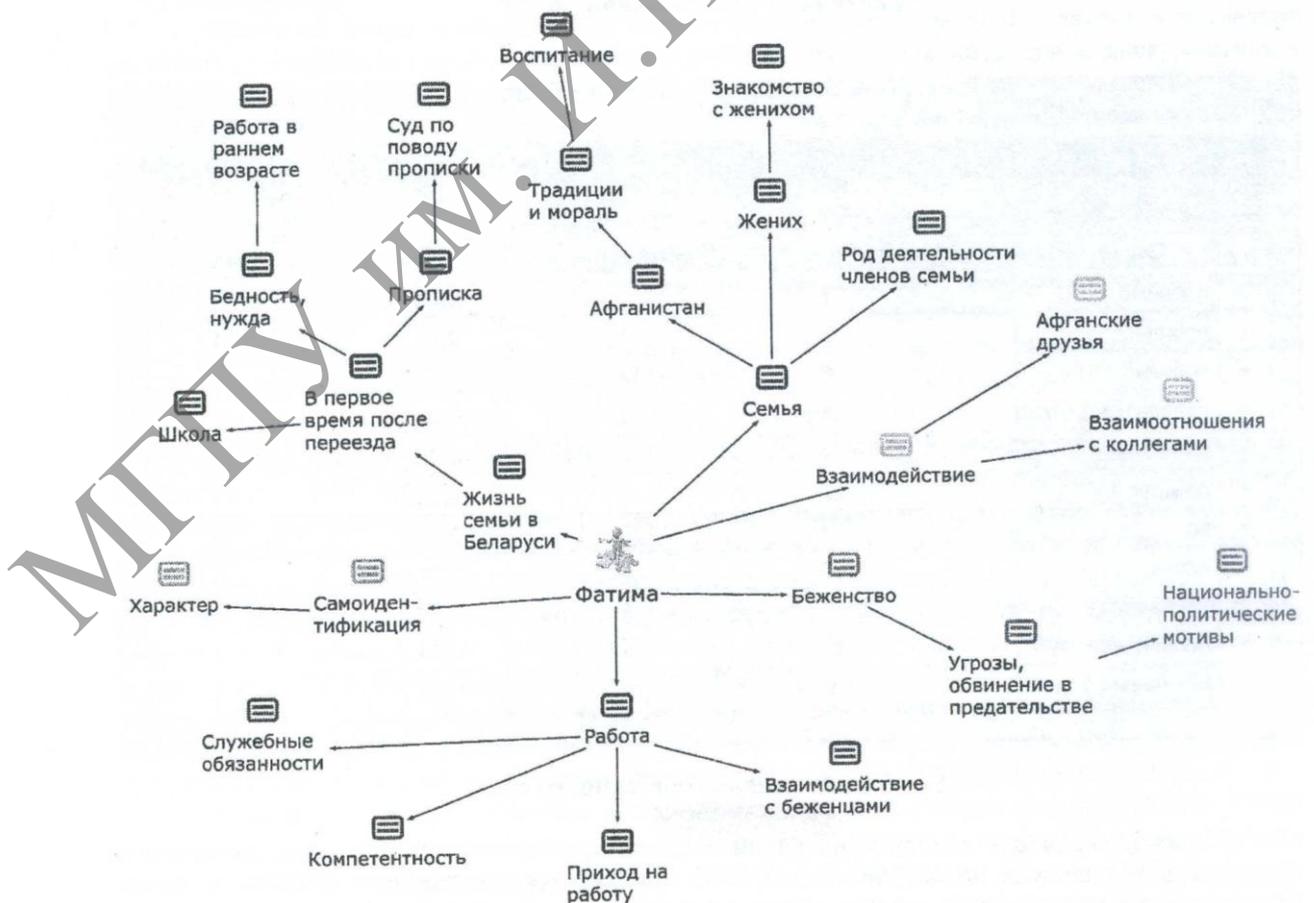

Рисунок 3 – Топико-фокусная структура дискурсии Фатимы

Тематическая структура анализируемой дискурсии представлена такими тематическими блоками, как «Беженство», «Жизнь семьи в Беларуси в первое время после переезда», «Семья», «Работа», «Самоидентификация», «Взаимодействие». Каждая из этих тем развивается в определённом направлении, наполняется субъективными смыслами говорящего, формирует его индивидуальный дискурс. Топико-фокусная структура дискурсии Фатимы реализуется посредством сквозных элементов смысла в структуре дискурса, задающих данному дискурсу целостность – мы обозначим их как «сквозные семы дискурса». Это семы «особенный», «выдающийся», «лучше других».

1. Сема «лучше всех» реализуется в тематическом блоке «Семья» – «Жизнь в первое время после переезда» как «Я – лучший ребёнок в семье». Респондент атрибутирует себя как избранного ребёнка среди прочих братьев и сестёр. Данная характеристика не всегда подаётся эксплицитно посредством определений, а часто реализуется имплицитно в структуре предложения. Так, респондент позиционирует себя как «заботливую сестру и дочь», демонстрирует стремление помочь своим родным (*тут работаю, получаю... сестре там, маме, братьям там. Потому что брат один не выдержит // Всё, что давали в школе нам кушать, я приносила домой, чтобы мама ела*). При этом респондент стратегически изображает своих родных как «хрупких», «уязвимых», «беззащитных», что реализуется в лексических компонентах «не могут», «невозможно», «одни», «плакала», «сердце схватится» (*А я увидела, маме не сказала, говорю, у мамы сердце схватится // Сестра плакала, кушать хотела*). Саму же себя респондент атрибутирует как «сильную», «стойкую», «мужественную». Таким образом, респондент принимает на себя роль *опекуна своей семьи*.

2. В тематическом блоке «Жизнь в первое время после переезда» ключевая сема «лучший» реализуется как «я имела особый (горький) жизненный опыт, поэтому я выше/лучше других». Данное поле формируют выражения, обозначающие вид деятельности «бутылки собирать», «продавать семечки», слова с уменьшительно-ласкательным значением «маленькие», «папочка», стратегически изображающие членов семьи респондента в бедственном положении (*когда мы были маленькие, ходили бутылки собирать, чтобы что-нибудь купить, чтобы поесть*). Потом папа продавал семечки, мы с папочкой... папой стояли. При этом себе респондент вновь-таки приписывает характеристики «сильная», «стойкая», что реализуется в контрасте значений «издевались» и «терпела» (*Были, что издевались надо мной, но я терпела*). Таким образом, в дискурсе Фатимы реализуется роль *героя с тяжёлым прошлым*.

3. Сема «лучший» реализуется и в теме «Беженство» и модифицируется, как и в предыдущем случае, в аргументативную структуру «лучшая/ие, потому что имели особый/горький опыт беженства». В дискурсе респондента тема «Беженство» лишена фактологического наполнения: заявленный Фатимой горький опыт беженства и скитания представлен неопределённо (неопределённость места, времени, субъектов насилия). Вместо этого в дискурсе Фатимы широко реализуется оценочность данного явления, якобы имевшего место в её жизни. Так, респондент прибегает к приёмам художественного повествования – структуре, стилистике эпического нарратива, использованию детали, акцентирующей внимание на положительных качествах храбрости, доблести, отваге (*Ну, у папы, получается, были друзья, потом он получил золотую медаль за то, что их спас*). На вербальном уровне респондент использует лексемы «плакать», «слёзы» (*Я когда рассказала там..., я как начала плакать весь зал плакал со мной // моя жизнь вызывает слёзы*). Таким образом, респондент принимает на себя роль *эпического повествователя необычной истории*.

4. В дискурсе Фатимы явление беженства сведено к опыту отдельной семьи и, таким образом, выступает фактором её уникальности. Респондент стратегически прибегает к приёму выделения себя на фоне других афганцев посредством заострения определённых признаков, якобы присущих только ей, например «чистокровные (афганцы)».

Значение «чистокровные и поэтому избранные» эксплицируется в дискурсии дважды: 1) как мотив преследований (*голубые глаза, это чистокровные афганцы... они считали, что мы не мусульмане, свою религию поменяли*); 2) как причина конфликтов внутри афганского национально-культурного сообщества в Беларуси (*наши начали со мной ругаться,*

что я чистокровная афганка... Из-за этого я и не имею друзей, что тут все одни таджики, а я – чистокровная афганка). Всего слово 'чистокровный' встречаем в дискурсии 4 раза. Таким образом, аргументация респондента выстраивается как 'страдание из-за своей особенности, необычности'. Ключевая сема «лучший» реализуется в данной теме как **'избранные из всего народа'**, данное значение респондент эксплицирует по отношению к себе лично и своей семье.

5. В тематическом блоке «Афганские традиции» респондент заявляет о себе как об афганке, для которой важную роль играют её национальные традиции – целовать руку старшим, обращаться к старшим «дядя», «тётя». Иначе, респондент принимает роль **хранителя афганской культуры в Беларуси**. Сема 'лучший' реализуется в данном случае в лексемах с положительной оценкой 'гордиться' (*Про нашу семью говорили: «Это как надо воспитать таких детей, что нигде не стесняются! Вот гордиться ими!»*); 'счастье' (*Говорят: «Вот слушать её – это такое счастье!»*). Семантика избранности формируется при этом через стратегическую конфронтацию с другими афганками-ровесницами, которые 'стесняются' афганских традиций (*Они девочки всё время просто назло говорят, смеются: «Почему вот, когда ты на улице кого-то встретишь, ты целуешь руку? Ведь тут же в Беларуси все буду смеяться»*).

6. Роль **национального лидера** формируется в тематическом блоке «Работа» – «Взаимодействие с беженцами». Беженцы как субъекты взаимодействия присутствуют в профессиональном поле респондента. А сама респондент позиционирует себя как защитника их прав и интересов, которая переживает боль, когда беженцы 'унижаются', 'просят что-то', а над ними 'издеваются' (*На комиссии они над ними издеваются*).

Роль национального лидера реализуется в дискурсии через экспликацию косвенной речи – так респондент приписывает себе определённые характеристики через «третьих лиц» (*Говорят: у тебя не знаю, то ли ты чувствуешь боль и страдания наши, то ли ты слишком добрая*).

7. Роль **необычной девушки** реализуется в нескольких тематических блоках. В теме «Семья» – «Жених» респондент акцентирует интерес к ней со стороны поклонника (*приходили за мной руки моей просить, несколько раз приходили*). При этом она измеряет свои достоинства в материально-ценностном эквиваленте – 'машине', 'квартире' (*выйдешь за меня, я тебе куплю машину, я дам тебе деньги на права, говорит, я тебе куплю квартиру, твоим родителям*). Фатима демонстрирует свою избранность как нечто совершенно определённое, не подвергающееся сомнению (*«Мама, я не знаю, что мне делать, если меня замечают»*), что вербализуется посредством лексемы 'дар' (*не знаю, то ли у меня такой дар или что*). При этом респондент акцентирует внутренние качества как фактор своей избранности и умаляет значимость внешних характеристик (*А я в обыкновенном платье, том, что я каждый день ношу, а на меня смотрят*) и, таким образом, противопоставляет себя другим афганкам (*Наши девочки танцевали в национальной одежде, такие дорогие были*). Респондент неоднократно эксплицирует важные для неё качества – честолюбие, твёрдость характера (*У меня что на лбу написано, что я хочу выйти за человека, чтобы он мне купил всё это и это?*), конфронтируя с другими (*все другие девочки бы обрадовались, говорю, а я реально не больная, чтобы выйти за ваши деньги*).

8. Роль **необычного человека** реализуется в тематическом блоке «Профессиональное поле». Респондент эксплицирует интеллектуальные способности ('талант'), активность ('езде успеваю'), профессионализм ('всё умею'), как свои основные характеристики, которыми она объясняет свою значимость в профессиональном поле. Необычные природные данные реализуются в дискурсе респондента посредством компонентов 'быстро схватываю', 'сама научилась', 'мне один раз показали – дальше я знаю', 'конечно, умею'. Однако заявленная деятельность реализуется в дискурсе посредством глаголов с семантикой длительности, незавершённости и, вместе с тем, нерезультативности – *'на фотохудожника ходила', 'на режиссёра ещё ходила', 'на парикмахера училась'*. Таким образом, в дискурс-картине мира респондента значимы количественные показатели активности, нежели качественные. Вместе с тем данные характеристики подаются и как причины плохого отношения к ней – на основании критерия «зависть».

Выводы

Компьютерное программное обеспечение MaxQDA позволяет осуществить первичную обработку дискурсии, которая впоследствии подвергается дискурсивному анализу. При этом важными шагами первичного анализа являются: выделение и систематизация пропозиций, реконструкция тем дискурсии, построение тематического дерева. Это позволяет в дальнейшем управлять материалом по принципу гипертекста и подвергать как качественному, так и количественному анализу как всю дискурсию, так и отдельные её тематические блоки.

Реконструкция топико-фокусной структуры дискурса – это одна из разновидностей стратегий понимания дискурса. Топик – обобщенное описание основного содержания дискурса, которое адресат строит в процессе понимания. Топик дискурса организован глобально, иерархически. Реконструкция ТФС возможна посредством сбора единичных языковых фактов и их систематизации с опорой на первичную тематическую структуру дискурсии. При этом выделение элементов смысла, связующих дискурс в единое целое, осуществляется через призму дискурсивных категорий «Интенция», «Роль», «Коммуникативная стратегия» (фокус).

ТФС дискурсии Фатимы можно свести к формуле: «Я – выдающаяся личность, и поэтому заслуживаю определённых благ». Дискурс Фатимы выстраивается вокруг Я-самоидентификации. Респондент подчёркивает свои личные качества как особенные, противопоставляет себя практически всем субъектам, её окружающим. Через Мы-самоидентификацию (Мы-семья) она репрезентирует себя стратегически только в тех случаях, когда данное единение позволяет укрепить свои позиции в восприятии адресата (интервьюера). Так, Фатима эксплицирует опыт беженства только по отношению к своей семье и не переносит его на других субъектов. Напротив, беженство как духовный опыт выступает не фактором единения с другими афганцами, а, скорее, отграничения от них ввиду якобы несоизмеримости пережитых страданий. На вербальном уровне другие афганцы-беженцы репрезентированы неопределённо, обобщённо и безлично. Они актуализируются в дискурсе, только когда претендуют на определённые блага и, таким образом, конкурируют с респондентом (темы «Жизнь в Беларуси» – «Материальные трудности»; «Беженцы в Беларуси»). Вместе с тем характерным для дискурса Фатимы является дальнейшее отграничение внутри своей семьи (Мы). Она позиционирует себя как «сильную», «стойкую», «выносливую» и противопоставляет себя другим членам семьи – «слабым», «беззащитным», «нуждающимся в помощи».

В своём дискурсе Фатима принимает на себя роли защитницы беженцев, хранителя афганской культуры в Беларуси, национального лидера. Она эксплицирует миссию по отношению к другим афганцам – представительство их интересов, защита их прав и достоинства. При этом Фатима аргументирует свою миссию особыми, якобы присущими только ей качествами: сочувствует чужому горю, понимает жизнь и судьбы беженцев, уважает и ценит афганские традиции и культуру. Однако она противопоставляет себя другим беженцам, как только речь заходит о материальной выгоде, признании. Таким образом, данные роли являются для респондента стратегическими – они способствуют формированию позитивного образа о себе в профессиональной сфере деятельности.

Литература

1. Ван Дейк, Т. А. Язык. Познание. Коммуникация / Т. А. ван Дейк; пер. с англ. – М.: Прогресс, 1989. – 312 с.
2. Ingo, H. Warnke (Hg.). Diskurslinguistik nach Foucault: Theorie und Gegenstände / H. Ingo. – Berlin, New York: Walter de Gruyter, 2077. – 278 S.
3. Методология исследования политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / И. Ф. Ухванова-Шмыгова, А. А. Маркович, В. Н. Ухванов; под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: Технопринт, 2002. – Вып. 3. – 360 с.
4. Попова, А. В. Дискурс-картины мира и короткого взаимодействия элитарных средств информации / А. В. Попова. – Минск: Изд. центр БГУ, 2008. – 153 с.
5. Методология исследований политического дискурса: Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / под общ. ред. и сост. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск: Бел. гос. ун-т, 2008. – Вып. 5. – 271 с.
6. Савич, Е. В. Теория контекста применительно к исследованию дискурса / Е. В. Савич // Вестн. Минск. гос. лингв. ун-та. Сер. 1, Филол. – 2010. – № 3(46). – С. 36–44.

7. Ядов, В. А. Стратегии социологического исследования / В. А. Ядов. – М.: Академкнига, Добросвет, 2003. – 567 с.
8. Страусс, А. Основы качественного исследования. Обоснованная теория: процедуры и техники / А. Страусс, Дж. Корбин. – М.: УРСС, 2001. – 253 с.
9. Strübing, Jörg. Grounded Theory / Jörg Strübing. – Wiesbaden: VS Verlag, 2004. – 182 S.
10. Kuckartz, Udo. Einführung in die computergestützte Analyse qualitativer Daten / Udo Kuckartz. – Wiesbaden: VS Verlag für Sozialwissenschaften, 2005. – 255 S.
11. Kuckartz, U. Qualitative Datenanalyse computergestützt. Methodische Hintergründe und Beispiele aus der Forschungspraxis / U. Kuckartz, H. Grunenberg, A. Lauterbach. – Wiesbaden: VS Verlag, 2004.
12. Ван Дейк, Т. А. Стратегии понимания связного текста / Т. А. ван Дейк, В. Кинч // Новое в зарубежной лингвистике. – Вып. 23: Когнитивные аспекты языка. – М., 1988. – Режим доступа: <http://philologos.narod.ru/ling/dijk.htm>. – Дата доступа: 11.05.2012.
13. Падучева, Е. В. Семантические исследования (Семантика времени и вида в русском языке: Семантика нарратива) / Е. В. Падучева. – М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. – 464 с.
14. Givón, T. Topic continuity in discourse: A quantitative cross-language study. Typological Studies in Language (vol.3.) / T. Givón. – Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins, 1983. – 286 p.
15. Schegloff, E. A. «Discourse as an interactional achievement: Some uses of ‘uh huh’ and other things that came between sentences» in D. Tannen (ed.). Analyzing Discourse: Text and Talk, 32nd Georgetown University Roundtable on Languages and Linguistics / E. A. Schegloff. – Washington, D. C.: Georgetown University Press, 1982. – P. 71–93.
16. Чейф, У. Данное, контрастивность, определенность, подлежащее, топика и точка зрения: Новое в зарубежной лингвистике / У. Чейф. – М.: Прогресс, 1982. – Вып. XII: Современные синтаксические теории в американской лингвистике / под ред. А. Е. Кибрика. – С. 277–316.

Summary

The paper was written in the linguistics discourse analysis. As a result of the primary analysis author allocated a basic theme stated in the refugee discourse, described the specifics of individual thematic division of the world for certain fragments. This article presents the experience of the secondary-depth analysis of focal and topic structure, implemented as a separate unit in the thematic structure of the refugee discourse. On the methodological-operational level the author uses the concept of discourse picture of the world and offers the possibility of reconstruction of this from the individual discourse of respondent. The article demonstrates the potential of linguistic methodology for the social sciences and provides an integrative view of the object under study.

Поступила в редакцию 07.08.12.

УДК 811.161.3

**ЭКСПРЭСІЎНАЕ ВЫЛУЧЭННЕ ЧЛЕНАЎ СКАЗА
Ў ТВОРАХ ДЗІЦЯЧАЙ МАСТАЦКАЙ ЛІТАРАТУРЫ
(на прыкладзе тэкстаў П. Місько)**

М. У. Яўсеенка

магістрант кафедры беларускай мовы УА “МДУ імя А. А. Куляшова”.

Навуковы кіраўнік: кандыдат філалагічных навук, дацэнт,

загадчык кафедры беларускай і рускай моў УА “МДУ імя А. А. Куляшова”

В. М. Саўчанка

Прадстаўлена характарыстыка экспрэсіўнага вылучэння членаў сказа ў дзіцячых творах П. Місько. Дадзены азначэнні экспрэсіўнасці тэксту, адчленення (сегментацыі), далучэння (парцэляцыі), якія падмацоўваюцца адпаведнымі прыкладамі з аповесці П. Місько “Прыгоды Бульбобаў”.

Уводзіны

Даследаванне сінтаксічна-стылістычных асаблівасцей твораў мастацкай літаратуры мае вялікае значэнне для сучаснай беларускай лінгвістыкі. У рускім і ў беларускім мовазнаўстве існуе шэраг прац, прысвечаных стылістычнаму аналізу літаратурна-мастацкіх тэкстаў і іх кампанентаў (Н. І. Сяркова, Л. М. Лосева, А. І. Яфімаў, С. Г. Ільенка, М. В. Абабурка, Т. Я. Старасценка, Л. В. Жураўская, Л. І. Бурак, В. М. Саўчанка, С. Р. Рачэўскі, В. У. Азарка і інш.), аднак няма распрацовак стылістычных асаблівасцей тэкстаў дзіцячай літаратуры. Існуюць толькі асобныя метадычныя рэкамендацыі, якія ў асноўным датычаць правядзення ўрокаў па беларускім літаратурным чытанні ў пачатковай школе і па беларускай літаратуры ў сярэднім зьяне агульнаадукацыйнай школы.

Актывізацыя цікавасці да праблемы экспрэсіўнасці тлумачыцца павышанай увагай, асабліва ў апошні час, да маўлення асобы. Як адзначае В. А. Маслава, “асноўнай функцыяй экспрэсіўнасці якраз і з’яўляецца ўзмацненне ўздзеяння на інтэлектуальную, эмацыянальную і валявую сферы асобы рэцыпіента. Экспрэсіўнасць змяняе эмацыянальны стан носьбіта мовы, уплываючы такім чынам на яго мэтанакіраваную дзейнасць” [1, 12].

Мэта даследавання – даць якасную сістэмную характарыстыку экспрэсіўнага вылучэння членаў сказа ў дзіцячых творах П. Місько.

Метады даследавання:

- 1) апісальны;
- 2) супастаўляльна-параўнальны;
- 3) аналіз тэарэтычнай літаратуры.

Задачы даследавання:

- 1) вызначыць ролю сегментацыі (адчленення) пры арганізацыі мастацкіх тэкстаў П. Місько;
- 2) раскрыць асаблівасці ўжывання парцэляцыі (далучэння) у дзіцячых творах П. Місько;
- 3) выявіць інтэнсіўнасць выкарыстання экспрэсіўных канструкцый з вылучэннем членаў сказа;
- 4) параўнаць асаблівасці і інтэнсіўнасць ужывання экспрэсіўных канструкцый у дзіцячай літаратуры і творах для дарослых П. Місько.

Вынікі даследавання і іх абмеркаванне

Эмоцыі, воля, ацэнка, пажаданні – неад’емныя фактары пазнання рэчаіснасці. Нашы думкі выражаюцца, афармляюцца ў маўленні. Адзінкай маўлення выступае тэкст, які можа быць па-рознаму стылістычна афарбаваны ў залежнасці ад мэты і задачы выражэння думкі. Як сцвярджае Н. Э. Шандроха, экспрэсіўнасць тэксту – “гэта выражаны моўнымі

і маўленчымі сродкамі эмацыянальны стан гаворачай асобы, яе суб'ектыўныя адносіны да прадметаў і з'яў рэчаіснасці" [2, 6]. Такім чынам, экспрэсіўнасць – гэта ўзмацненне, акцэнтаванне зместу тэксту з дапамогай розных моўных сродкаў і прыёмаў. Сярод экспрэсіўных канструкцый з вылучэннем членаў сказа лінгвісты называюць адчляненне (сегментацыю), далучэнне (парцэляцыю) і анакалуф.

Сегментацыя (адчляненне) тлумачыцца як “экспрэсіўна-эмацыянальнае вылучэнне, адчляненне ад асноўнай часткі сказа нарматыўнай сінтаксічнай канструкцыі, якая застаецца цесна звязанай са сказам па сэнсу” [2, 47]. Сегментацыя асобных членаў сказа “актуалізуе галоўную думку, групуючы вакол яе дадатковыя заўвагі, робячы іх другаснымі, звязанымі з асноўным паведамленнем, прымушае рэцыпіента да канцэнтрацыі асобнай думкі” [3, 200].

Для маўлення твораў П. Місько характэрна экспрэсіўнае вылучэнне членаў сказа. Прааналізаваўшы дзіцячыя мастацкія тэксты П. Місько, можна зрабіць выснову, што найбольш багатай на экспрэсіўныя прыёмы з'яўляецца аповесць “Прыгоды Бульбобаў”. Ужо ў самым пачатку тэксту сустракаем такі экспрэсіўны прыём, як адчляненне: *І такое дзіва! Толя і Коля ішлі да таты на задніх лапах, і тата стаяў на задніх лапах... І яшчэ я прыгледзеў на кожнай руцэ ў іх многа пальцаў, і ўсе – доўгія* [4, 10]; *Уставай! Брацік твой зусім-зусім прачнуўся, у яго ўжо вочкі глядзяць. А ты... Эх ты, лежабок...* [4, 6]; *І светла! Як добра, калі светла, а не цёмна. Бачыш, куды ступаць, і не стукаешся носам* [4, 6]; *Белахвосцік ты... Дуралей малы... Сваюльнік! Гэта ж трэба так нас шукаць!* [4, 13].

Аўтар выкарыстоўвае такі экспрэсіўны прыём з мэтай стварэння напружанасці выкладу. Пісьменнік такім чынам акрэслівае, вылучае тэму наступных сказаў, стварае спецыфічную танальнасць выкладу, павышае эмацыянальную афарбоўку. Сегментацыя дазваляе пазбегнуць манатоннасці ў апісанні падзей твора.

Для мастацкіх тэкстаў П. Місько характэрна адчляненне ў асобную сінтагму любога члена сказа. Напрыклад, у аповесці “Прыгоды Бульбобаў” аўтар часта выкарыстоўвае адчляненне дзейніка ці выказніка:

Ма-а-а-ама-а... – Мне зрабілася лёгка і радасна. Дык вось яно хто – тое вялікае, цёплае, добрае! І смачнае, пахучае! Гэта проста мая мама. Мама, мама! [4, 5]; *Дык я запамніў прыкметы бабы: яна адзявае адну шырозную-шырозную штаніну на абедзве нагі адразу. Смех! Яна ж замінае бегачь* [4, 17]; *А хвосцікі якія! Не на спіну закручаныя, не абаранкам, а нібы завязаны ззаду вузельчыкам* [4, 47]; *Які вялікі двор! Гэта ж колькі на ім можна паставіць такіх будак, як наша? Мо больш, чым белых валаскоў на хвасце ў Боба* [4, 9]; *– Каты, – сказала мама. – Гэта надоўга. Могуць цэлую ноч выць, хто каго перавые* [4, 48]; *От жа дзіва... Ай-яй-яй! А сабакі ж, калі плачуць, то ляжаць ціхенька, паклаўшы морду на выцягнутыя лапы. Ну, скуголяць часам, калі зусім ужо не вытрываць. Бывае, што нават выюць... А каб салёная вада цякла з вачэй? Не, такога, мабыць, не бывае. Мама пра гэта не казалася* [4, 57]; *Мама... Мама Пальма асталася адна...* [4, 70].

Сегментацыя дазваляе аўтару звярнуць увагу чытачоў менавіта на гэтыя дзеянні ці характарыстыкі герояў расповеду. Дзякуючы такому вылучэнню выказнікаў ствараецца атмасфера напружанасці, павышаецца ўзровень эмацыянальнасці і інтэнсіўнасць выкладу.

Прыём сегментацыі цесна звязаны з адчляненнем назоўнага ўяўлення, што працягваецца ва ўзнаўленні займенніка 3-й асобы пасля вылучанага назоўніка (радзей лексічнага або семантычнага паўтору). Так, у аповесці “Прыгоды Бульбобаў” дыялог сабачанят аўтар будзе менавіта з выкарыстаннем такой канструкцыі:

– Гэ-гэй! Гэта дождж! Ён – мокры! – здагадаўся Боб.

– Гэ-гэй! – закрычаў і я. – Мы не баімся нясмачнага дажджу! [4, 18].

Выкарыстоўваючы такі эмацыянальна-экспрэсіўны прыём, аўтар у першую частку выносіць тэму выказвання, а ў другой размяшчае звесткі пра яе. Назоўны тэмы паказвае ўзгаданы і намаляваны ва ўяўленні таго, хто гаворыць, прадмет, з'яву, факт, пра якія ў наступным сказе выказваецца пэўная думка, выражаецца пачуццё. Элементы выказвання, пазбаўленыя прэдыкатыўнасці, выконваюць наступныя функцыі:

1) даюць назву ўяўлення, як бы акрэсліваючы тэму наступнай гаворкі і не выражаючы пачуццяў;

2) прыцягваюць увагу чытача, абуджаюць яго цікаўнасць, прымушаюць фантазіраваць.

Шырока выкарыстоўвае П. Місько адчляненне азначэнняў, што спрыяе падкрэсліванню адметнасцей той ці іншай асобы, падзеі; дапаўненняў, што дазваляе канкрэтызаваць расповед; акалічнасцей, што акцэнтуюе ўвагу чытачоў на месцы, часе, спосабе, мэце дзеяння.

Так, напрыклад, у раздзеле “Знаёмства з Генкам” аўтар выкарыстоўвае адчляненне азначэнняў:

– *Пародзістыя, пародзістыя!* – у два галасы даказвалі Толя і Коля. – Яны шэрыя, як аўчаркі! Мы іх у горад забяром, выгадуем дзвюх аўчарак! [4, 22];

Раздзел “Першы мамін урок” змяшчае сказы з адчлянёным дапаўненнем: *А-га-а. Пра хвасты. Паўтараю, без хваста ў сабачай гаворцы не абысціся. Не ўсе людзі гэта ведаюць і разумеюць. Ёсць некаторыя пароды сабак, якім адсякаюць хвасты яшчэ маленькім. Баксэрм, напрыклад* [4, 21];

Пры напісанні раздзела “Прыгоды на рацэ” пісьменнік выкарыстаў канструкцыі з адчляненнем акалічнасці:

– *На бераг! На бераг, ты куды?! – зноў закрычаў Генка і паплыў насустрач нам. Далплыў, разварнуў Султана мордай да берага, і мы паплылі побач* [4, 31];

Адчляненне таго ці іншага члена сказа спрыяе стварэнню асаблівай атмасферы твора, напружанасці выкладу. Такі прыём экспрэсіўнай актуалізацыі членаў сказа выкарыстаны П. Місько з мэтай надання твору своеасаблівай эмацыянальнай афарбоўкі, інтэнсіўнасці расповеду. Сегментацыя дазваляе пазбегнуць загрузшчвання тэксту знакамі прыпынку, што ў сваю чаргу спрыяе больш лёгкаму і лепшаму ўспрыманню напісанага чытачамі, а гэта асабліва важна для тэкстаў дзіцячай літаратуры.

У мастацкіх творах П. Місько даволі часта сустракаецца падзел сказа з пэўнай сэнсава-стылістычнай мэтай на некалькі асобна аформленых паведамленняў. Такія сінтаксічна-стылістычныя “канструкцыі, якія далучаюцца да асноўнага выказвання як самастойныя сказы, называюць парцэляванымі, а саму фігуру падобнага экспрэсіўнага адчлянення – парцэляцыяй (далучэннем)” [5, 190]. У якасці парцэляваных (выдзеленых са сказа) могуць ужывацца словы, словазлучэнні, спалучэнні слоў, а таксама сказы. Пры гэтым усе парцэляваныя канструкцыі можна размежаваць на некалькі груп паводле членаў сказа: 1) далучэнне азначэнняў; 2) далучэнне дапаўненняў; 3) далучэнне акалічнасцей.

Так, у самым пачатку аповесці “Прыгоды Бульбобаў” пісьменнік выкарыстоўвае парцэляваныя канструкцыі: *Проста адчуваў, як мне добраўка, калі спіш каля чагосьці цёплага, мяккага, варухлівага, вялікага. І пахучага* [4, 4]; *Ма-а-а-ама-а... – Мне зрабілася лёгка і радасна. Дык вось яно хто – тое вялікае, цёплае, добрае! І смачнае, пахучае! Гэта проста мая мама. Мама, мама!* [4, 5]. *А яшчэ раз паглядзеў на зямлю, пакрытую травой. Ні якая яна не зялёная. Шэрая!* [4, 28]; *За ёю беглі, мітусліва перабіралі тоненькімі ножкамі яе дзеці. Кругленькія, пушыстыя і, мабыць, мякенькія* [4, 36].

У працытаваных прыкладах аўтар дадае да асноўнага выказвання дадатковую інфармацыю, папаўняе раней узгаданае з дапамогай экспрэсіўных азначэнняў. Такое выплучэнне П. Місько выкарыстоўвае для ўзмацнення, падкрэслівання канкрэтных якасцей апісваемага прадмета, для таго, каб накіраваць і акцэнтаваць на іх увагу маленькіх чытачоў.

П. Місько таксама выкарыстоўвае парцэляваныя дапаўненні, прычым часта з пабочнымі словамі:

Генку, у якога ёсць сабака Султан, прывялі назаўтра Толя і Коля. Праўда, без Султана [3, 22]; *Баба падала яму другую конаўку, але ён не піў яе, выцерся і панёс асыярожна малако ў дом. Мабыць, Толю* [3, 51].

Парцэляцыя прадугледжвае дабаўленне дадатковых звестак і тлумачэнняў, якія ўзнікаюць у свядомасці гаворачага ўжо пасля таго, як выказана асноўная думка. Гэта стварае ўражанне непасрэднасці маўлення, калі фраза складваецца як бы “на хаду”, без папярэдняга абдумвання.

Шырока выкарыстоўваецца аўтарам і далучэнне акалічнасцяў: *Мне таксама саладка драмалася, але я стараўся глядзець. Хоць адным вокам* [4, 17];

– *Ціха, кажучы! Гэта – па-першае. А па-другое: і раненька, і ўдзень, і ўвечары іх трэба вадзіць на прагулку. А то і часцей. Улічыце, ні мне, ні маме няма калі гэтым займацца* [4, 57];

– *Вунь яны дзе! У гародзе!* – крыкнуў ён і хуценька палез на плот [4, 66]; *Толя прасунуў у будку ружовую лапу і паглядзіў мяне па галаве. Прыемна, нібы мама палізала. І не страшна!* [4, 8].

Далучаючы акалічнасці, аўтар акцэнтуюе ўвагу чытачоў на часе, месцы, спосабе, мэце, прычыне дзеяння, звязвае ўзгаданую інфармацыю з тым, пра што ішла папярэдняя гаворка. Такія канструкцыі вызначаюцца інфармацыйнасцю, эмацыянальнасцю, экспрэсіўнасцю, стылістычнай выразнасцю. Напрыклад, у раздзеле “Былі сляпыя, сталі відушчыя”, апісваючы адчуванні сабачанят у першыя хвіліны “відушчага” жыцця, П. Місько выкарыстоўвае менавіта такі від парцэляцыі: *Добра ў нашай будцы каля мамы. Утульна, мякка, цёпла. І светла! Як добра, калі светла, а не цёмна. Бачыш, куды ступаць, і не стукаешся носам* [4, 6].

З прыведзенага прыкладу відаць, што такім чынам аўтар вылучыў асаблівыя і значныя характарыстыкі жыцця сабачанят, і ў той жа час падкрэсліў, як добра, “калі светла”, і як цяжка жыць, “калі цёмна”. Письменнік прымушае чытачоў задумацца на тэму “Сляпыя і відушчыя”. На прыкладзе сляпых да некаторага часу сабачанят П. Місько паказаў цяжкасці і бездапаможнасць у жыцці сляпых людзей, раскрыў прымітыўныя, але значныя адрозненні жыцця “сляпых і відушчых”.

У мастацкіх тэкстах для дзяцей П. Місько часта выкарыстоўвае экспрэсіўныя канструкцыі з вылучэннем (далучэннем) словазлучэнняў ці няпоўных сказаў. Напрыклад, *“Выхоўваць іх трэба, выхоўваць, – паўтарыў Генка. – Строгі рэжым...”* [4, 24]; *Я схопіў костачку, і ў мяне адразу набегла поўны рот сліны. Дык вось яно, тое, чым так смачна пахла ў чалавечым доме! Мясам пёўня...* [4, 55].

Так, у раздзелах “На выстаўцы сабак” і “І ўсё-такі жыць добра” аповесці “Прыгоды Бульбобаў” письменнік наступным чынам выкарыстаў прыём парцэляцыі пры апісанні падзей:

Нават цётка Каця больш на нас не крычала – у нас была ўжо скрынка з пяском, і мы зразу навучыліся ёю карыстацца. А вось на дзядзьку Міхася сварылася. Што ён здзяцінеў з гэтымі сабачанятамі і з выстаўкамі... [4, 86]; *Давалі каштаваць ягады і мне – сілкам запіхвалі ў рот. Нічога, як раскусіш, есці можна. Але цукеркі смачнейшыя* [4, 89].

Далучэнне слова ці групы слоў да ўжо выказанага зместу з’яўляецца своеасаблівым экспрэсіўным прыёмам іх падкрэслівання (выдзялення). Дадзены прыём выкарыстоўваецца аўтарам для стварэння атмасферы непасрэднасці маўлення, яго набліжэння да размоўнага, што спрыяе найбольш лёгкаму разуменню зместу тэксту. Асаблівасць парцэляваных канструкцый – непасрэднасць выкладу, спрошчанасць выказванняў. Менавіта таму П. Місько даволі часта звяртаецца да парцэляцыі пры напісанні твораў для дзяцей.

Творы для дарослых таксама не пазбаўлены яскравых прыкладаў выкарыстання экспрэсіўных канструкцый. Напрыклад, у “Надзвычайным здарэнні” П. Місько шырока выкарыстоўвае адчляненне (сегментацыю):

– *Не ў “шапцы”... Каб у “шапцы”, то лупінка з яйка на галаве была б, а гэта – на другім канцы. Ён у “гаршку” нарадзіўся! Яшчэ на “гаршку”, а ўжо асілак!* [6, 21]; *От жа пытанне дык пытанне... Яно займала Ігара цэлы дзень* [6, 137];

Такім чынам, для мастацкіх тэкстаў П. Місько, разлічаных на дарослую аўдыторыю, характэрна адчляненне ў асобную сінтагму любога члена сказа. Такі сінтаксічна-стылістычны прыём выкарыстоўваецца аўтарам з мэтай надання твору своеасаблівай эмацыянальнай афарбоўкі, рыс вуснага маўлення, стварэння напружанасці выкладу.

Шырока выкарыстоўваюцца аўтарам і парцэляваныя (далучальныя) канструкцыі ў якасці своеасаблівага прыёму экспрэсіўнага падкрэслівання слова ці групы слоў. Аўтарам ствараецца непасрэднасць, лёгкасць і ў той жа час выразнасць маўлення:

– *Хэ, прывыкнуць ён не можа... – кажа адзін. – А што тут прывыкаць? У горадзе, як у вёсцы. Дальбог!* [6, 17];

– *Ну, а цешча цесця поедам есць: “Чый гэта волас я на куфайцы тваёй знайшла? Чорны, нафарбаваны, доўгі... З шынёна, мабыць. Прызнавайся, стары валацуга!”* [6, 9];

“Не худая, – кажу, – жывёла. Гэта ў яе залажэнне такое. Парпоруця...” [6, 15]”; *Ён жа стары ўжо! І лысы!* [6, 42].

Такі сінтаксічна-стылістычны прыём экспрэсіўнага вылучэння членаў сказа, як анакалуф, у прааналізаваных намі мастацкіх тэкстах і для дзяцей, і для дарослых

не выяўлены. Гэта можа быць звязана, па-першае, з узростам кола чытачоў, на якіх разлічаны творы (малодшы і сярэдні школьны ўзрост); па-другое, з цяжкасцю ўспрыняцця неадназначнасці названых канструкцый; па-трэцяе, такі прыём пабудаваны на адступленні ад літаратурнай нормы, а значыць імпліцытнасць яго выкарыстання наўрад ці будзе зразумела маленькаму чытачу.

Вывады

На падставе прааналізаванага матэрыялу можна зрабіць наступныя высновы:

1) сегментацыя (адчляненне) членаў сказа выкарыстоўваецца аўтарам з мэтай акрэсліць тэму наступнай гаворкі, звярнуць увагу чытачоў на канкрэтныя дзеянні ці характарыстыкі герояў расповеду, абудзіць цікаўнасць і прымусіць маленькіх чытачоў фантазіраваць. Дзякуючы выкарыстанню такой канструкцыі ствараецца атмасфера напружанасці, павышаецца ўзровень эмацыянальнасці і інтэнсіўнасці выкладу, канкрэтызуецца змест расповеду;

2) вылучэнне членаў сказа пры дапамозе парцэляваных канструкцый дазваляе пазбегнуць стварэння складаных сказаў, якія могуць выклікаць цяжкасці ва ўспрыманні зместу твора маленькімі чытачамі, а таксама загрузваць тэксту дадатковымі знакамі прыпынку;

3) пры напісанні твораў для дзяцей П. Місько выкарыстаны амаль усе экспрэсіўныя канструкцыі з актуалізацыяй (вылучэннем) членаў сказа. Адчляненне (сегментацыя), далучэнне (парцэляцыя) дазволілі аўтару пераплесці, перакрываваць рысы мастацкага і размоўнага стыляў, наблізіць тэкст твора да простага сяброўскага расповеду. П. Місько зрабіў гэта вельмі акуратна, асцярожна і ў той жа час ярка, эмацыянальна і павучальна. Выкарыстоўваючы такія канструкцыі, пісьменнік не толькі распавядае, але і дае парады, прычым не ад аўтара, а ад саміх герояў;

4) у адрозненне ад твораў для дарослых, мастацкія тэксты для дзяцей пазбаўлены вялікіх, развітых экспрэсіўных канструкцый. Гэта звязана з узроставымі асаблівасцямі, з цяжкасцю ўспрымання вялікага аб'ёму дадатковай інфармацыі. Аднак мастацкія тэксты для дзяцей П. Місько могуць служыць своеасаблівым прыкладам рознабаковага выкарыстання экспрэсіўнага вылучэння членаў сказа ў дзіцячай літаратуры.

Літаратура

1. Маслова, В. А. Лингвистический анализ экспрессивности художественного текста / В. А. Маслова. – Мінск : Выш. шк., 1997. – 180 с.
2. Шандроха, Н. Э. Экспрэсіўны сінтаксіс : вучэб.-метад. дапам. / Н. Э. Шандроха. – Гродна : ГрДУ, 2002. – 62 с.
3. Абабурка, М. В. Сучасны літаратурна-мастацкі расповед : манаграфія / М. В. Абабурка, В. М. Саўчанка. – Магілёў : УА “МДУ імя А. А. Куляшова”, 2011. – 260 с.
4. Місько, П. А. Прыгоды Бульбобаў : апавесці : для сярэд. шк. узросту / П. А. Місько. – Мінск : Маст. літ., 2007. – 167 с.
5. Цікоцкі, М. Я. Стылістыка беларускай мовы : вучэб. дапам. для фак. журналістыкі / М. Я. Цікоцкі. – 2-е выд., перапрац. і дап. – Мінск : Універсітэцкае, 1995. – 294 с.
6. Місько, П. А. Лекцыя з падывам : апавяданні, гумарэскі, фельетоны / П. А. Місько. – Мінск : Маст. літ., 1988. – 254 с.

Summary

This article presents a qualitative, systematic characterization of the expressive selection of the sentence members in literature for children by P. Misko. Definition of expressiveness of the text, segmentation, linking that are supported by relevant examples from the novel P. Misko «The Adventures of Bulbobov» are given in the article.

Паступіў у рэдакцыю 05.06.12.

ПЕРСАНАЛІІ

*К юбилею**Савенко Владимир Семёнович*

7 июля 2012 года исполнилось 60 лет талантливому ученому и педагогу, известному специалисту в области физики конденсированного состояния, заведующему кафедрой общей физики и методики преподавания физики, доктору технических наук, профессору Савенко Владимиру Семёновичу.

Владимир Семёнович работает в Мозырском университете с 1974 года после окончания с отличием факультета общетехнических дисциплин и физики.

В 1980 г. В. С. Савенко окончил аспирантуру и в 1982 г. защитил диссертацию на соискание ученой степени кандидата физико-математических наук в Институте физики

твёрдого тела и полупроводников АН БССР, а в 2003 г. — диссертацию на соискание ученой степени доктора технических наук в Московском государственном индустриальном университете. В 2000 г. ему присвоено ученое звание профессора.

Научную и педагогическую работу В. С. Савенко успешно сочетает с административной деятельностью. С 1986 года и по настоящее время возглавляет кафедру общей физики и методики преподавания физики. Его организаторские способности, глубокое понимание стоящих проблем позволили сформировать творчески работающий научно-педагогический коллектив.

В. С. Савенко — один из ведущих профессоров университета, пользуется заслуженным уважением студентов и коллег, его лекции отличаются сочетанием высокого теоретического уровня с ясной формой изложения. Он обладает глубокими профессиональными знаниями и большим опытом научно-педагогической работы. Под руководством В. С. Савенко создано научно-методическое обеспечение учебного процесса по курсам общей физики и радиоэкологии «Функциональные и машиностроительные материалы, наноматериалы».

В. С. Савенко является руководителем научной темы, входящей в план Государственной программы научных исследований Республики Беларусь и посвященной исследованию физических закономерностей технологических процессов обработки металлов давлением в условиях внешних энергетических воздействий и резонансного спинового разупрочнения. Им получены существенно новые, научно-обоснованные результаты, которые имеют важное научное и прикладное значение для развития физики прочности и пластичности. Работы В. С. Савенко имеют важную технико-экономическую значимость. Разработанные им новые интенсивные технологии электропластической деформации запатентованы в Российской Федерации, а результаты научных исследований внедрены в производство.

Профессор В. С. Савенко является автором около 200 научных работ: монографий, учебных пособий, патентов, статей, опубликованных в ведущих научных изданиях.

В. С. Савенко ведет большую научно-методическую работу. Он является автором 4 книг, рекомендованных Научно-методическим центром учебной книги и средств обучения Министерства образования Республики Беларусь в качестве учебных пособий для студентов и учащихся высших и средних специальных учебных заведений, а также курсов лекций по общей физике, лабораторных практикумов.

Книги по радиоэкологической тематике, посвященные фундаментальным проблемам радиоактивности, имеют важную научно-практическую значимость. В книге В. С. Савенко, написанной в соавторстве с американским психологом Х. Тетером, представлен опыт работы

авторов на территориях Белорусского Полесья по экологическому образованию населения и решению психологических проблем, возникших после Чернобыльской аварии.

В книге «Компьютеризация учебного процесса по физике», изданной в издательстве «Высшая школа», приведены программы, внедренные в учебный процесс школьного и вузовского курсов физики, участвовавшие в первом Всесоюзном конкурсе профессиональных и учебных программных средств и награжденные золотой медалью ВДНХ СССР.

В 2011 году В. С. Савенко в соавторстве с В. П. Басаргиным, Б. Е. Хамзиной, подготовил учебное пособие «Курс общей физики: электричество и магнетизм», рекомендованное к изданию Министерством образования Республики Казахстан.

Профессор В. С. Савенко создал научную школу в области электропластической деформации технически важных материалов, где активно ведется работа по подготовке научно-педагогических кадров. Под его руководством защищены кандидатские диссертации по физико-математическим наукам. В. С. Савенко ведет активную работу с одаренными студентами и учащимися школ, руководит студенческими научными работами, которые награждаются дипломами Республиканского конкурса научных работ студентов вузов РБ.

Профессор В. С. Савенко пользуется широкой известностью среди научной общественности как в Беларуси, так и за рубежом. Его приглашают для чтения лекций, проведения научных исследований в университеты Германии, Голландии.

В 1986 г. после катастрофы на ЧАЭС В. С. Савенко организовал в г. Мозыре радиологическую лабораторию, которая на протяжении более 20 лет проводила большую работу в научном и практическом направлениях. В 1996 г. в связи с 10-летием Чернобыльской катастрофы под председательством профессора В. С. Савенко была проведена Международная научная конференция, в которой приняло участие более 80 ученых из США, Канады, Японии, Германии, Нидерландов и других западных стран.

В. С. Савенко руководит международными экологическими проектами, выступает с научными докладами на международных конференциях. Научную работу профессора В. С. Савенко высоко оценил лауреат Нобелевской премии по физике Г. Сиборг и пригласил выступить с научным докладом в университете Беркли (США).

В. С. Савенко награжден Почетными грамотами, дипломами Министерства образования РБ, Почетной грамотой Гомельского областного совета депутатов, является лауреатом премии имени О. Ф. Сухого в области науки и техники, награжден Нагрудным знаком Министерства образования «Отличник образования».

Талант ученого, целеустремленность, прямота и принципиальность, природная интеллигентность и коммуникабельность – все эти качества присущи Владимиру Семеновичу.

С искренним уважением коллектив преподавателей и студентов физико-математического факультета поздравляет Владимира Семеновича со знаменательной датой и желает крепкого здоровья, успехов в научной и педагогической деятельности, благополучия и удачи.

*Е. М. Овсюк,
кандидат физико-математических наук,
доцент кафедры общей физики и МПФ,
заместитель декана физико-математического факультета
по научной работе*

*Да юбілею**Шчур Тамара Мікалаеўна*

15 верасня адзначае свой юбілей кандыдат філалагічных навук, дацэнт кафедры беларускага мовазнаўства Тамара Мікалаеўна Шчур. Яна нарадзілася ў в. Іпалітаўка Чачэрскага раёна Гомельскай вобласці. Закончыла Чачэрскую сярэднюю школу № 1, а ў 1969 годзе філалагічны факультэт (аддзяленне беларускай мовы і літаратуры) Гомельскага дзяржаўнага ўніверсітэта імя Францыска Скарыны. Працавала настаўніцай у Вялікаўццокоўскай сярэдняй школе Калінкавіцкага раёна. З верасня 1971 года педагагічная і навуковая праца Т. М. Шчур звязана з Мазырскім педінстытутам, а потым педуніверсітэтам: лабарант кафедры мовазнаўства (1971–1976 гг.), асістэнт кафедры беларускай мовы (1976–1987 гг.), старшы выкладчык гэтай кафедры (1988–1989 гг.), дацэнт кафедры з 1989 года, загадчык кафедры беларускага мовазнаўства (2000–2005 гг.). У 1987 годзе паспяхова закончыла аспірантуру пры Гомельскім дзяржаўным універсітэце імя Францыска Скарыны, абараніла кандыдацкую дысертацыю па тэме «Назвы жыхароў

Гомельшчыны» (навуковы кіраўнік – доктар філалагічных навук, прафесар У. В. Анічэнка).

Галоўны аб'ект яе навуковых даследаванняў – катэгорыі на лексіка-семантычным, структурным, форма- і словаўтваральным узроўнях. Яна даследуе адтапанімічныя асабовыя намінацыі Гомельшчыны. Удзельнічае ў распрацоўцы агульнакафедральнай навуковай тэмы: «Беларуская літаратурная мова на сучасным этапе: яе функцыянаванне і ўзаемадзеянне з народнымі гаворкамі і іншымі славянскімі мовамі».

Апублікавала 58 навуковых і навукова-метадычных прац. Удзельнік і арганізатар міжнародных і рэспубліканскіх навукова-практычных і навукова-метадычных канферэнцый (Мінск, Гомель, Гродна, Мазыр), падтрымлівае навуковыя кантакты з вядучымі вучонымі Рэспублікі Беларусь.

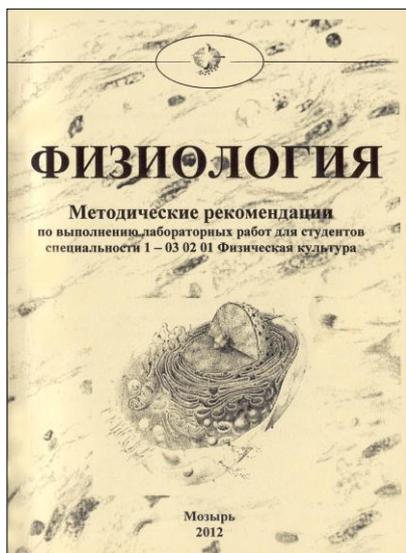
Спалучае навуковую работу з педагагічнай дзейнасцю: чытае лекцыі па сучаснай беларускай мове, праводзіць спецсемінары «Актуальныя праблемы беларускай арфаграфіі і пунктуацыі», «Фразеалогія беларускай мовы: Функцыянальна-камунікатыўны аспект», выкарыстоўвае навішчы дасягненні ў галіне беларускага і агульнаславянскага мовазнаўства, кіруе напісаннем курсавых і дыпломных прац, а таксама педагагічнай практыкай. Неаднаразова была куратарам акадэмічных груп, членам савета філалагічнага факультэта, савета ўніверсітэта.

Узнагароджана ганаровымі граматамі рэктарата ўніверсітэта.

Жадаем паважанай Тамары Мікалаеўне поспехаў на ніве беларускага мовазнаўства ў справе падрыхтоўкі высокакваліфікаваных спецыялістаў-філолагаў, а таксама станоўчых эмоцый у жыцці, бадзёрасці і здароўя.

*В. В. Шчур,
доктар філалагічных навук, прафесар,
загадчык кафедры беларускага мовазнаўства;
кафедра беларускага мовазнаўства;
дэканат філалагічнага факультэта*

БІБЛІОГРАФІЯ

Физиология : метод. рекомендации по выполнению лаборатор. работ / сост. Е. И. Дегтярева. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2012. – 150 с.
ISBN 978-985-477-489-3.

Методические рекомендации предназначены для изучения важнейших тем курса «Физиология человека». Включают теоретический материал по каждому разделу, вопросы для самоконтроля, лабораторные работы.

Методические рекомендации адресованы студентам, обучающимся по специальности 1-03 02 01 Физическая культура.

УДК 612(076.6)
ББК 28.707.3я73

Практикум по дисциплине «Спортивные единоборства»: учеб.-метод. пособие / сост.: С. В. Черкас, В. А. Конопацкий, М. Э. Эскандеров. – Мозырь : УО МГПУ им. И. П. Шамякина, 2012. – 133 с.
ISBN 978-985-477-491-6.

Издание содержит тексты теоретического курса, примерное планирование практических занятий, контрольно-тестовые задания, перечень вопросов и тем рефератов по спортивным единоборствам.

Адресовано студентам педагогических вузов, обучающимся по специальности 1-03 02 01 Физическая культура.

УДК 796.8(076.5)
ББК 75.715-923

РЭЦЭНЗІЯ

Рэцэнзія
на манаграфію В. Я. Барысенка
«*Моўна-выяўленчыя сродкі ў паэзіі Васіля Віткі*»

Манаграфія В. Я. Барысенка прысвечана даследаванню моўна-выяўленчых сродкаў у паэзіі Васіля Віткі. Тэма даволі складаная, у апошнія часы прыцягвае да сябе ўвагу ўсё большай колькасці як мовазнаўцаў, так і літаратуразнаўцаў.

Гэта першая ў беларускай лінгвістычнай навуцы спроба поўнага і ўсебаковага апісання мовы паэтычных твораў аднаго з вядомых і прызнаных майстроў беларускага мастацкага слова. Актуальнасць вызначаецца не столькі малой распрацаванасцю праблемы і адсутнасцю лінгвістычных прац па мове твораў В. Віткі, колькі настойлівай неабходнасцю комплекснага і сістэмнага вывучэння іх нацыянальнай спецыфікі, характару адностравання аб'ектыўнай рэчаіснасці, патрэбай распрацоўкі тэорыі і практыкі выкарыстання тропаў у паэтычных творах, а таксама вывучэння асаблівасцей узаемаўплыву літаратурнай мовы на мову пісьменніка і наадварот.

Упершыню ў беларускім мовазнаўстве праведзена комплекснае даследаванне моўна-выяўленчых сродкаў у паэзіі В. Віткі, на семантычным і структурным узроўнях прааналізаваны ўзуальныя і аказіянальныя эпітэты, параўнанні, метафары, метаніміі, сінекдахі, гіпербалы і іншыя тропы, ахарактарызаваны асаблівасці іх ужывання ў сістэме мастацкага твора, зроблена першая спроба стварэння слоўніка вобразна-выяўленчых сродкаў мовы В. Віткі. Праца можа з поспехам выкарыстоўвацца пры ўкладанні нацыянальнага слоўніка метафар беларускай мовы і іншага тыпу лексікаграфічных прац.

Пры аналізе моўных і маўленчых фактаў В. Я. Барысенка выкарыстоўвала тэксталагічны, сінхронна-аналітычны, апісальны, статыстычны, а таксама параўнальны метады, якімі ў той ці іншай суаднесенасці былі прааналізаваны каля трох з паловай тысяч лексічных адзінак. У манаграфіі выяўляецца дасканалое веданне аўтарам тэарэтычнай літаратуры. Поўны і ўсебаковы аналіз фактычнага матэрыялу, а таксама выкарыстанне сучаснай навуковай метадалогіі робяць навуковыя вывады абгрунтаванымі, пераканальнымі і пацвярджаюць іх верагоднасць.

У структурным плане манаграфія складаецца з уводзін, агульнай характарыстыкі даследавання, трох глаў, заключэння, спіса выкарыстанай літаратуры і трох дадаткаў.

Першая глава «Эпітэт як сродак мастацкага абазначэння» прысвечана эпітэтам, якія дапамагаюць дакладна і ўсебакова ахарактарызаваць падзеі, жыццёвыя з'явы і асоб, выклікаюць пэўныя асацыяцыі і эмацыянальныя адносіны, дазваляюць глыбей успрыняць аўтарскае бачанне рэчаіснасці. Эпітэты разглядаюцца з пункту гледжання іх сэнсавага выражэння і распаўсюджанасці (агульнамоўныя, індывідуальна-аўтарскія, метафарычныя, народна-паэтычныя), а таксама марфалагічнага выражэння (прыметнікавыя, дзеепрыметнікавыя, назоўнікавыя, прыслоўныя).

Аўтар, прааналізаваўшы розныя значэнні эпітэтаў і розныя падыходы да іх вывучэння, дае рабочую дэфініцыю гэтага даволі пашыранага тропа.

У другой главе «Параўнанне ў паэтычнай мове Васіля Віткі» разглядаюцца асноўныя тыпы параўнанняў, іх структура і марфалагічнае выражэнне, падрабязна аналізуюцца злучнікавыя і бяззлучнікавыя дзеяслоўныя, назоўнікавыя, прыметнікавыя, прыслоўныя і фразеалагічныя параўнанні.

Надаецца ўвага лексіка-семантычнай класіфікацыі, у адпаведнасці з якой вылучаюцца прадметная, рэчыўная, заамарфічная, антрапамарфічная, псіхафізіялагічная, працэсуальная, асацыятыўная і іншыя групы параўнанняў.

Трэцяя глава прысвечана метафары, якая лічыцца семантычнай універсальіяй, адной з самых распаўсюджаных семантычных з'яў.

Раскрываючы сутнасць і розныя азначэнні гэтага семантычнага феномена, аўтар праводзіць класіфікацыю метафар згодна з іх прыналежнасцю да пэўнай часціны мовы; разглядаецца таксама блізкія да метафары вобразна-выяўленчыя сродкі, такія, як метанімія, сінекдаха, алегорыя, сімвал, адухаўленне, увасабленне, літота, гіпербала.

Сказанае вышэй сведчаць аб аўтарскай пазіцыі. І сапраўды, да гэтага часу няма адназначнай і выразна акрэсленай класіфікацыі метафар, не праведзена размежаванне паміж эпітэтамі і метафарамі, выражанымі прыметнікамі, розныя даследчыкі па-рознаму вызначаюць метанімію, сінекдаху і іншыя семасіялагічныя з'явы.

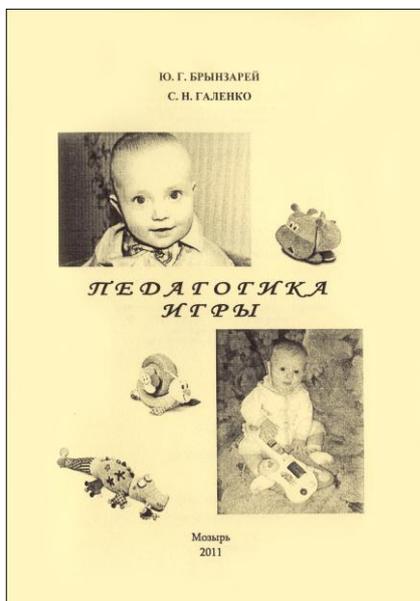
Асноўныя палажэнні манаграфіі, вывады і практычныя матэрыялы могуць атрымаць выкарыстанне пры вырашэнні разнастайных пытанняў сучаснай семасіялогіі і лінгвістыкі тэксту, а таксама ў лексікаграфічнай практыцы: для сістэматызацыі слоўнікавых артыкулаў, удакладнення лексічных значэнняў метафар, эпітэтаў, параўнанняў, пры выпрацоўцы адзіных прынцыпаў слоўнікавай інтэрпрэтацыі вобразна-выяўленчых сродкаў. Матэрыялы манаграфіі могуць знайсці выкарыстанне і ў навучальным працэсе – пры выкладанні лексікалогіі, лінгвістыкі тэксту ў курсах паэтыкі, стылістыкі і культуры маўлення, распрацоўцы і правядзенні спецкурсаў і спецсемінараў, напісанні курсавых і дыпломных прац.

Гэта цэласнае і комплекснае навуковае даследаванне вобразна-выяўленчых сродкаў у паэзіі Васіля Віткі, у якім зроблена абагульненне, аналіз і сістэматычны выклад аб'ёмнага матэрыялу, што ў пэўнай ступені дэманструе шляхі фарміравання і сэнсавага развіцця беларускай вершаванай мовы; тэарэтычнае і практычнае ўзбагачэнне курсаў лексікалогіі, лінгвістыкі тэксту, паэтыкі і стылістыкі.

Падрыхтаваны і прапанаваны слоўнік вобразна-выяўленчых сродкаў паэзіі Васіля Віткі можна выдаць асобным выданнем, выкарыстанне матэрыялаў якога будзе садзейнічаць вырашэнню практычных задач беларускай лексікаграфіі.

Рэцэнзент
В. Д. Старычонак,
доктар філалагічных навук,
прафесар УА «БДПУ імя М. Танка»

Рецензия
на монографию Ю. Г. Брынзарей, С. Н. Галенко
«Педагогика игры»

Монография является результатом всестороннего исследования актуальной педагогической проблемы – игровой формы организации деятельности детей, которая соединяет педагогический и психологический потенциал игры, включает дошкольников в продуктивные виды деятельности, расширяет круг его свобод и творческого самоопределения.

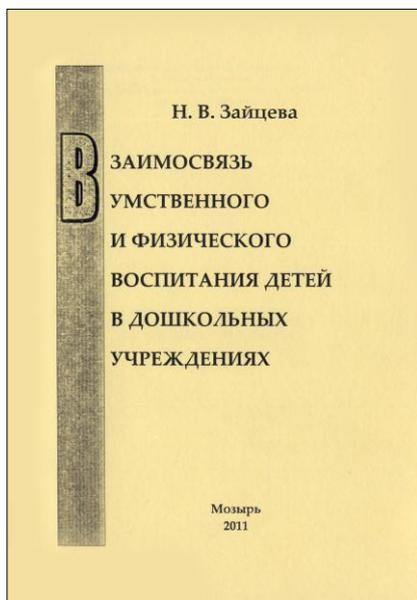
В данной монографии содержится теоретический и практико ориентированный материал по инновационной деятельности в организации детской игры, что поможет педагогам вузов, воспитателям и родителям детей дошкольного возраста отказаться от стереотипов и использовать игровую деятельность ребенка для всестороннего развития его личности.

Несомненную научную и практическую ценность представляют предложенные авторами методические рекомендации и указания, способствующие овладению интерактивными методами организации различных видов игровой деятельности дошкольников, формированию творческого отношения к игровой педагогике.

Представленный материал, в котором обобщаются теоретические подходы к вопросам организации игровой деятельности, роли и значения игрушки в жизни ребенка, призван актуализировать проблему обновления и модернизации содержания дошкольного образования, восполнить дефицит научно-методической литературы для качественной подготовки выпускников педагогических вузов.

Рецензент
В. Т. Чепиков,
доктор педагогических наук, профессор,
заведующий кафедрой педагогики и психологии детства
УО «ГрГУ им. Я. Купалы»

Рецензия
на монографию Н. В. Зайцевой
«Взаимосвязь умственного и физического воспитания детей в дошкольных учреждениях»

В данной работе рассматриваются теоретико-методологические аспекты проблемы взаимосвязи умственного и физического воспитания, анализируются основные тенденции развития системы дошкольного воспитания, характерные и для развития проблемы взаимосвязи названных видов воспитания. Особое внимание уделяется изучению механизмов и закономерностей взаимообусловленности умственного и физического воспитания. Все эти вопросы рассматриваются автором в широком педагогическом аспекте.

Отдельная глава монографии посвящена содержательному, позиционно-оценочному параметрам взаимосвязи умственного и физического воспитания, которые закономерно обусловлены с одной стороны – единством цели и задач дошкольного воспитания, с другой – единством биологического, психического, социального в структуре личности и ее развитии.

Результаты опытно-экспериментальной работы отражены в третьей главе монографии, где большое внимание уделяется реализации специальных педагогических технологий в системе дошкольного воспитания. Показано,

что необходимым условием сознательного выполнения ребенком двигательных действий является познавательный интерес, который проявляется в его эмоциональном отношении к умственному и физическому воспитанию. Раскрывается алгоритм взаимосвязи умственного и физического воспитания на основе принципа их единения.

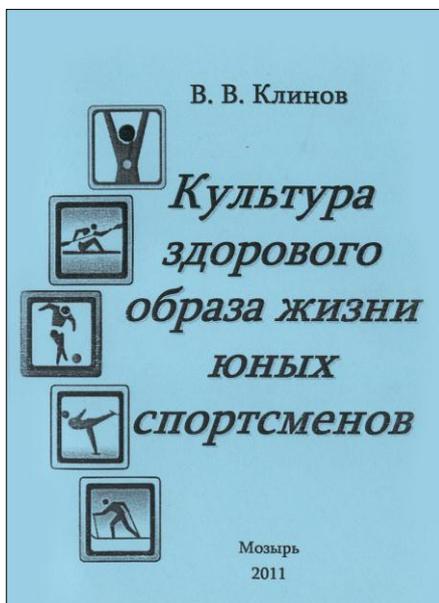
Содержание монографии отражает уровень научных представлений об интегративном процессе физической подготовки и интеллектуального воспитания детей. При составлении монографии автором использовался анализ фактов истории развития теории и практики умственного и физического воспитания детей дошкольного возраста, данные социологических исследований современной ситуации в дошкольных учреждениях, анализ результатов проведенной опытно-экспериментальной работы, данные передового педагогического опыта.

На конкретном историко-педагогическом материале автором обобщены, научно обоснованы и систематизированы взгляды зарубежных и отечественных ученых на сущность взаимосвязи умственного и физического воспитания; сформулированы теоретические основы содержательного и позиционно-оценочного параметров взаимосвязи умственного и физического воспитания.

Монография адресована студентам педагогических специальностей, слушателям системы повышения квалификации и переподготовки кадров, практикующим преподавателям высших учебных заведений, аспирантам и соискателям, магистрантам, а также работникам в области дошкольной педагогики.

Рецензент
Е. А. Масловский,
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры физической культуры и спорта
УО «ПолесГУ»

Рецензия
на монографию В. В. Клинова
«Культура здорового образа жизни юных спортсменов»

В современной жизни человечества трудно найти более распространенную сферу социальной активности и такое многофункциональное явление, как спорт. Заклучая в себе, как утверждают теоретики, гуманистические функции, благородное духовное содержание, современный спорт тем не менее, не лишен и ряда негативных тенденций в своем развитии. Может показаться парадоксальным, но основная негативная черта большого спорта – постоянное стремление к росту спортивных результатов. Уровень рекордов сегодня давно превысил возможности человеческого организма, и новые достижения могут быть реализованы либо за счет увеличения тренировочных нагрузок, либо применения допинговых препаратов. И тот, и другой пути опасны для здоровья спортсменов.

Проблема здоровья имеет для спорта особое значение, ибо оно оказывает непосредственное влияние на сохранение правильной интегративной реакции организма на физические нагрузки, а тем самым на спортивную работоспособность и результаты.

Рецензируемая работа посвящена проблематике здоровья старшеклассников, учащихся училищ олимпийского резерва (УОР) и формированию у них культуры здорового образа жизни. Определены сущность и содержание, выделены критерии и показатели, а также четыре основных уровня сформированности культуры ЗОЖ. Разработана технология, направленная на формирование культуры здорового образа жизни у учащихся училищ олимпийского резерва. Были выделены основные этапы образовательной технологии, которые отражают план преобразующей деятельности (диагностический, побудительно-ориентировочный, теоретико-аксиологический, деятельностно-практический, рефлексивно-итоговый). Предложенная технология позволяет поэтапно, последовательно, целенаправленно формировать культуру ЗОЖ. Полученные результаты позволяют совершенствовать учебно-тренировочный и воспитательный процессы в УОР.

Следует отметить, что работа написана на высоком научно-методическом уровне и будет полезна для специалистов в области физической культуры и спорта. Все вышесказанное свидетельствует об актуальности, важности и значимости данной научной работы.

Рецензент
Р. И. Купчинов,
доктор педагогических наук, профессор,
профессор кафедры физического воспитания и спорта
УО «МГЛУ»

ХРОНИКА

К новым вершинам

Студенты и выпускники Мозырского государственного педагогического университета имени И. П. Шамякина в очередной раз достойно представляли Республику Беларусь на XXX Олимпийских играх в Лондоне.

Ни для кого не секрет, что Олимпийские игры – самое яркое спортивное событие в мире. Сотни атлетов готовятся к этому старту всю жизнь. Те, кому удаётся взойти на олимпийский пьедестал, становятся примером для миллионов. Их достижения навсегда остаются в истории родной страны, спорта и Олимпийского движения.

В своём напутственном слове к белорусским олимпийцам-2012 Глава государства подчеркнул, что триумф спортсмена преображает страну в глазах мирового сообщества, формируя её положительный имидж.

Большие и яркие победы, целые поколения выдающихся спортсменов и тренеров, постоянное развитие и стремление к наивысшему результату – всё это об учреждении образования «Мозырский государственный педагогический университет имени И. П. Шамякина».

В нашем вузе выстроена эффективная система подготовки студентов-спортсменов, которая позволяет им получать высшее образование университетского типа и добиваться высоких спортивных результатов. Руководство университета ведёт целенаправленную работу по привлечению высококвалифицированных специалистов в области физической культуры и спорта, важнейшим аспектом которой является преемственность.

Преподаватели факультета физической культуры совместно с тренерами СДЮШОР, ДЮСШ по видам спорта непрерывно осуществляют профориентационную работу по отбору будущих студентов, начиная с детско-юношеских спортивных школ и училища олимпийского резерва.

В университете динамично развивается материально-техническая база, спортивная инфраструктура, накоплен богатый опыт индивидуальной работы со студентами-спортсменами (гибкий график учебного процесса, льготы социального характера), ведутся научные исследования по проблемам развития спорта. Традиционным стало проведение Международной научно-практической конференции «Актуальные проблемы физического воспитания, спорта и туризма» и теоретико-методического семинара «Физическая культура. Спорт и туризм – на службе здоровья».

С целью профориентационной работы налажено сотрудничество практически со всеми спортивными школами города Мозыря и Гомельской области, а также с республиканскими федерациями по видам спорта.

За весь период развития университета преподаватели и студенты неоднократно достигали высот спортивного мастерства и прославляли родной вуз, область и республику на международных соревнованиях.

Наиболее успешно выступают представители гребли на байдарках и каноэ под руководством Владимира Владимировича Шантаровича, Заслуженного тренера Республики Беларусь, Главного тренера Национальной команды по гребле на байдарках и каноэ Республики Беларусь, Почётного гражданина города Мозыря.

Соревнования мирового уровня не обходятся сегодня без участия воспитанников Малика Эндижаевича Эскендарова, Заслуженного тренера Республики Беларусь. Радуют своими успехами и представители легкой атлетики, которые тренируются под руководством Виктора Кузьмича Карпова, старшего тренера Гомельской области по видам выносливости. Новые таланты постоянно открывают Заслуженные тренеры Республики Беларусь Виталий Викторович Скрыганов и Сергей Иванович Зборовский. Все они являются преподавателями нашего университета.

Представительство в Национальной олимпийской сборной от Мозырского вуза растёт из года в год. Если в XXVIII Олимпийских играх в Афинах участвовало только 4 наших спортсмена, то в XXIX Олимпийских играх в Пекине уже 8, а в XXX Олимпийских играх в Лондоне – 15 (10% от общего количества всех спортсменов Национальной олимпийской сборной), ими завоёвана четверть медалей копилки белорусской команды 2012 года.

Роман Петрушенко (выпускник 2003 г.; на фото справа), Заслуженный мастер спорта по гребле на байдарках и каноэ, преподаватель кафедры спортивных дисциплин, серебряный призёр XXX Олимпийских игр (байдарка-двойка, 200 м).

Ирина Кулеша (выпускница 2010 г.), Заслуженный мастер спорта по тяжёлой атлетике, бронзовый призёр XXX Олимпийских игр (весовая категория до 75 кг).

Среди бронзовых призёров XXX Олимпийских игр (байдарка-четвёрка, 500 м) студентки 4 курса УО МГПУ им. И. П. Шамякина, Заслуженные мастера спорта по гребле на байдарках и каноэ Ольга Худенко (на фото вторая), Надежда Попок (третья), Марина Полторан (четвёртая).

На Олимпиаде в Лондоне достойно защищали честь Республики Беларусь и другие студенты нашего университета: Денис Гаража (выпускник) – 5-е место (каноэ, 200 м); Олег Юрения (студент 3 курса) – 6-е место (каноэ, 1000 м); Станислав Щербаченя (выпускник) – 7-е место (академическая гребля, 2000 м); Елена Киевич (студентка 4 курса) – 9-е место (эстафета 4 x 400 м); Анна Ташпулатова (выпускница) – 9-е место (эстафета 4 x 400 м); Денис Симанович (выпускник) – 12-е место (спортивная ходьба, 20 км); Маргарита Тишкевич (студентка 4 курса) – 22-е место (байдарка, 200 м); Станислав Тивончик (выпускник) – 22-е место (прыжки с шестом); Екатерина Тимофеева (Мулюк) (выпускница) – 33-е место (стрельба из лука).

Сегодня в университете обучаются 4 Заслуженных мастера спорта Республики Беларусь, 21 мастер спорта международного класса, более 40 мастеров спорта. Сорок студентов входят в состав Национальных команд Республики Беларусь. Ежегодно более 20 студентов-спортсменов являются победителями и призёрами Чемпионатов, Кубков мира и Европы. Только в текущем году награды завоевали: Илья Рыбинский (серебряная медаль Чемпионата мира по спортивной гимнастике (США), серебряная медаль Чемпионата Европы (Болгария), Андрей Пикуза (серебряная медаль на Чемпионате Европы по греко-римской борьбе среди юниоров (весовая категория до 60 кг) (Хорватия) и др.

Мы по праву гордимся тем, что в процессе телевизионных трансляций XXX Олимпийских игр в Лондоне в одном ряду с такими известнейшими в мире университетами, как Оксфордский и Кембриджский (Великобритания), Нью-Йоркский и Гарвардский (США), Пекинский (Китай) и Токийский (Япония), многократно упоминался и был достойно представлен Мозырский государственный педагогический университет. Мы с радостью поздравляем спортсменов-воспитанников нашего вуза с высокими результатами, желаем им новых побед и наград высшей пробы.

*С. Н. Щур,
кандидат педагогических наук, доцент,
проректор по учебной работе*

ПРАВИЛА ДЛЯ АВТОРОВ

1. Статьи объёмом не менее 0,35 авторского листа (14 000–20 000 печатных знаков, включая пробелы между словами, знаки препинания, цифры и др.) на русском (белорусском) языке в одном экземпляре направляются простым (заказным) письмом по адресу: 247760 Гомельская обл., г. Мозырь, ул. Студенческая, 28, к. 114. Текст должен быть набран на компьютерной технике в текстовом редакторе (Word 97, 2000, 2003 for Windows); шрифт Times New Roman, 14 pt; одинарный межстрочный интервал; абзацный отступ 1,27 см; подписи к фотоснимкам, графикам, рисункам, диаграммам набирать шрифтом Times New Roman.

2. В левом верхнем углу размещается индекс УДК.

3. Далее через 1 интервал заглавными буквами без переносов и отрыва предлога от существительного печатается название статьи, которое должно быть кратким, определять область проведённого исследования и соответствовать содержанию.

4. Через 1 интервал в центре страницы помещаются инициалы и фамилия автора (авторов), далее прилагаются сведения об авторе (фамилия, имя, отчество полностью; учёная степень и звание, место работы, должность, адрес для переписки, номера рабочего и домашнего телефонов, для аспирантов – сведения о научном руководителе).

5. Ниже через 1 интервал печатается аннотация (до 10 строк) на языке статьи, которая должна излагать содержание статьи; далее через 1 интервал после абзацного отступа печатается текст статьи со следующей структурой: *введение; результаты исследования и их обсуждение*, включающие при необходимости графики и другой иллюстративный материал; чётко сформулированные *выводы*. Дополнительно в структуру статьи после *введения* могут быть включены *цель и методы исследования*.

6. Термины, основные понятия, языковой материал для анализа или в качестве примеров печатаются жирным шрифтом или курсивом.

7. Поля – левое, правое, нижнее, верхнее – по 30 мм.

8. К статье прилагаются:

- а) рекомендация кафедры, научной лаборатории или учреждения (выписка из протокола заседания);
- б) заверенная печатью рецензия специалиста в данной области, имеющего учёную степень;
- в) резюме на английском языке;
- г) перечень принятых в статье обозначений и сокращений (при их наличии);
- д) рукопись на электронном носителе (CD, DVD и др.).

9. Список цитированных источников располагается в конце текста под заголовком «Литература» и представляется в соответствии с правилами оформления библиографического списка диссертационного исследования (ГОСТ 7.1–2003).

10. Ссылки нумеруются согласно порядку цитирования в тексте. Порядковые номера ссылок записываются внутри квадратных скобок (например: [1], [2]). Внутри скобки, после порядкового номера ссылки, через запятую, без сокращений *с.* или *стр.* цифрой (или цифрами) указывается страница (или страницы) приведённой цитаты (например: [3, 14], [5, 10–12]).

11. В специальной и терминологической лексике, а также в именах собственных точность передачи букв *ё* и *е* обязательна.

Редакционная коллегия журнала проводит *независимую* экспертизу, что является одним из основных условий опубликования поступающих рукописей. Основными критериями при оценке являются новизна, актуальность и информативность материала. Если по рекомендации рецензента рукопись возвращается на доработку, то при повторном рассмотрении редколлекцией датой поступления считается день предоставления в редакцию исправленного варианта.

Редакция оставляет за собой право отклонить статью без объяснения причин, если значительная часть ее содержания не соответствует профилю журнала.

Вне очереди публикуются научные статьи аспирантов или докторантов в год завершения их обучения или соискателей перед защитой.

Просим авторов учесть положение ВАК о недопустимости предлагать редакции ранее опубликованные статьи или работы, принятые к печати другими изданиями.

За опубликование научных статей плата не взимается.

Редколлегия

E-mail vesnik_mgpu@mail.ru

www.mspu.by

Тел. 8(0236) 32-46-29